

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ

Серия социально-гуманитарных наук

***ПОЛИТОЛОГИЯ**

***ИСТОРИЯ**

***ФИЛОСОФИЯ**

***ПЕДАГОГИКА**

№ 1 (9) - 2026

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Серия социально-гуманитарных наук

SCIENTIFIC NOTES

**The series of social-humanitarian
sciences**

**РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ
(СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ**

Основан в 2018 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
Серия социально-гуманитарных наук

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
№ 1 (9) - 2026 г.

Душанбе – 2026

RUSSIAN TAJIK (SLAVONIC) UNIVERSITY

Founded in 2018

SCIENTIFIC NOTES
The series of social-humanitarian
sciences

SCIENTIFIC JOURNAL
№ 1 (9) – 2026

Dushanbe – 2026

Учредитель: Межгосударственное образовательное учреждение высшего образования «Российско-Таджикский (Славянский) университет»

Главный редактор:

Холматова Лола Юрьевна, кандидат философских наук, доцент

Редакционная коллегия:

Негматова Шахноза Рузиевна, кандидат исторических наук, доцент, заместитель главного редактора

Рахманова Мавджуда Джамшедовна, кандидат педагогических наук, доцент, ответственный секретарь журнала.

по политическим наукам:

Курбанова Зульфия Махманабиевна, доктор политических наук (Таджикистан)

Негматова Шахноза Рузиевна, кандидат исторических наук (Таджикистан)

Шарифзода Лохути Шариф, доктор политических наук (Таджикистан)

Шаропов Отабек Муродович, кандидат политических наук (Таджикистан)

Наими Исмоил Нурулло, кандидат политических наук (Таджикистан)

Мухаммадзода Абдурахмон Навруз, доктор политических наук (Таджикистан)

Малышева Дина Борисовна, доктор политических наук (Россия)

Ежова Марина Юрьевна, кандидат политических наук (Россия)

Сангинов Нарзулло Наимович, кандидат политических наук (Таджикистан)

Каримов Шамсиддин Турсунматович, доктор политических наук (Таджикистан)

по историческим наукам:

Мухидинов Сайдали Раджабович, доктор исторических наук (Таджикистан)

Майдинова Гузель, доктор исторических наук (Таджикистан)

Рахматова Заррина Юнусовна, кандидат исторических наук (Таджикистан)

Пирумшоев Хайдаршо Пирумшоевич, доктор исторических наук (Таджикистан)

Маликов Махмуд Хакимович, доктор исторических наук (Таджикистан)

Абдулвахидов Рахматулло Миразорович, кандидат исторических наук (Таджикистан)

Абдурашитов Фозил Маматович, доктор исторических наук (Таджикистан)

Сенин Александр Сергеевич, доктор исторических наук (Россия)

Артыков Абдурафик Абдурахманович, кандидат исторических наук (Таджикистан)

по философским наукам:

Сайфуллаев Нигматулло Мирзоевич, доктор философских наук (Таджикистан)

Ладыгина Ольга Владимировна, доктор философских наук (Россия)

Диноршоева Зарина Мусоевна, доктор философских наук (Таджикистан)

Махмадали Музаффари, доктор философских наук (Таджикистан)

Мирзоев Гаффор Джаборович, доктор философских наук (Таджикистан)

Джураева Нигорахон Ниёзбабаевна, кандидат философских наук (Таджикистан)

Холматова Лола Юрьевна, кандидат философских наук (Таджикистан)

Маркин Владимир Ильич, доктор философских наук (Россия)

Попова Наталья Викторовна, кандидат философских наук (Россия)

Брызгалина Елена Владимировна, кандидат философских наук (Россия)

по педагогическим наукам:

Рустамова Гульбахор Абдурашидовна, кандидат педагогических наук (Таджикистан)
Юлдашева Мавджуда Рахматовна, доктор педагогических наук (Таджикистан)
Ибрагимова Ирода Асо-Ахуновна, кандидат педагогических наук (Таджикистан)
Рахманова Мавджуда Джамшедовна, кандидат педагогических наук (Таджикистан)
Саидова Лейла Вайсидиновна, кандидат педагогических наук (Таджикистан)
Раджабова Мехри Рахматовна, кандидат педагогических наук (Таджикистан)
Каримова Ирина Холовна, доктор педагогических наук (Таджикистан)
Гусейнова Татьяна Владимировна, доктор педагогических наук (Таджикистан)
Мошкина Елена Васильевна, кандидат педагогических наук (Россия)
Федоренко Елена Юрьевна, кандидат психологических наук (Россия)
Худойкулов Хол Жумаевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)

Редактор:	Л.Ю. Холматова
Технический редактор:	М.Д. Рахманова
Перевод на английский язык:	М.Р. Раджабова
Перевод на таджикский язык:	З.М. Диноршоева

Компьютерная верстка:	Ш.К. Кодыров
-----------------------	--------------

Журнал зарегистрирован в Министерстве культуры Республики Таджикистан.

Свидетельство о регистрации № 342/ЖР-97 от 12.04.2024 г.

Адрес редакции: 734025, Республика Таджикистан, город Душанбе,

улица М.Турсунзаде, 30

Тел.: (+992 37) 227 78 53

www.rtsu.tj

uchoniezapiski_rtsu@mail.ru

© Российско-Таджикский (Славянский) университет
Типография РТСУ

Founder: Interstate educational institution of higher education «Russian-Tajik (Slavonic) university»

Editor-in-Chief:

Kholmatova Lola Yurievna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor

Editorial board:

Negmatova Shakhnoza Ruzievna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Deputy Editor-in-Chief

Rakhmanova Mavjuda Jamshedovna, candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Executive Secretary of the Journal.

in Political Science:

Kurbanova Zulfiya Makhmanabievna, Doctor of Political Sciences (Tajikistan)

Negmatova Shakhnoza Ruzievna, Candidate of Historical Sciences (Tajikistan)

Sharifzoda Lohuti Sharif, Doctor of Political Sciences (Tajikistan)

Sharopov Otabek Murodovich, candidate of political sciences (Tajikistan)

Naimi Ismoil Nurullo, candidate of political sciences (Tajikistan)

Muhammadzoda Abdurakhmon Navruz, Doctor of Political Sciences (Tajikistan)

Malysheva Dina Borisovna, Doctor of Political Sciences (Russia)

Ezhova Marina Yurievna, candidate of political sciences (Russia)

Sanginov Narzullo Naimovich, candidate of political sciences (Tajikistan)

Karimov Shamsiddin Tursunmatovich, Doctor of Political Sciences (Tajikistan)

in Historical Sciences:

Mukhidinov Saidali Radzhabovich, Doctor of Historical Sciences (Tajikistan)

Maidinova Guzel, Doctor of Historical Sciences (Tajikistan)

Rakhmatova Zarrina Yunusovna, Candidate of Historical Sciences (Tajikistan)

Pirumshoev Khaidarsho Pirumshoevich, Doctor of Historical Sciences (Tajikistan)

Malikov Makhmud Khakimovich, Doctor of Historical Sciences (Tajikistan)

Abdolvakhidov Rakhmatullo Mirazorovich, candidate of historical sciences (Tajikistan)

Abdurashitov Fozil Mamatovich, Doctor of Historical Sciences (Tajikistan)

Senin Alexander Sergeevich, Doctor of Historical Sciences (Russia)

Artykov Abdurafik Abdurakhmanovich, Candidate of Historical Sciences (Tajikistan)

in Philosophical Sciences:

Sayfullaev Nigmatullo Mirzoevich, Doctor of Philosophy (Tajikistan)

Ladygina Olga Vladimirovna, Doctor of Philosophy (Russia)

Dinorshoeva Zarina Musoevna, Doctor of Philosophy (Tajikistan)

Makhmadali Muzaffari, Doctor of Philosophy (Tajikistan)

Mirzoev Gaffor Jaborovich, Doctor of Philosophy (Tajikistan)

Juraeva Nigorakhon Niyozbabaevna, Candidate of Philosophical Sciences (Tajikistan)

Kholmatova Lola Yurievna, Candidate of Philosophical Sciences (Tajikistan)

Markin Vladimir Ilyich, Doctor of Philosophy (Russia)

Popova Natalya Viktorovna, Candidate of Philosophical Sciences (Russia)

Bryzgalina Elena Vladimirovna, Candidate of Philosophical Sciences (Russia)

in Pedagogical Sciences:

Rustamova Gulbahor Abdurashidovna, candidate of pedagogical sciences (Tajikistan)
Yuldasheva Mavjuda Rakhmatovna, Doctor of Pedagogical Sciences (Tajikistan)
Ibragimova Iroda Aso-Akhunovna, candidate of pedagogical sciences (Tajikistan)
Rakhmanova Mavjuda Jamshedovna, candidate of pedagogical sciences (Tajikistan)
Saidova Leila Vaisidinovna, candidate of pedagogical sciences (Tajikistan)
Radjabova Mekhri Rakhmatovna, candidate of pedagogical sciences (Tajikistan)
Karimova Irina Kholovna, Doctor of Pedagogical Sciences (Tajikistan)
Guseinova Tatyana Vladimirovna, Doctor of Pedagogical Sciences (Tajikistan)
Moshkina Elena Vasilievna, Candidate of Pedagogical Sciences (Russia)
Fedorenko Elena Yurievna, Candidate of Psychological Sciences (Russia)
Khudoykulov Khol Zhumaevich, Doctor of Pedagogical Sciences (Uzbekistan)

Editor:	L.Yu. Kholmatova
Technical editor:	M.J. Rakhmanova
Translation into English:	M.R. Radjabova
Translation into Tajik:	Z.M. Dinorshoeva

Computer layout: Sh.K. Kodirov

The magazine is registered with the Ministry of Culture of the Republic of Tajikistan.
Certificate of registration No. 342/ZhR-97 dated 04/12/2024.

Editorial address: 734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe,

M. Tursunzade street, 30

Тел.: (+992 37) 227 78 53

www.rtsu.tj

uchoniezapiski_rtsu@mail.ru

© Russian-Tajik (Slavonic) university
RTSU Printing House

Муассис: Идораи байнидавлатии таълимии таҳсилоти олии «Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон»

Сармуҳаррир:

Холматова Лола Юрьевна, номзади илмҳои фалсафа, дотсент

Ҳайати таҳририя: Негматова Шаҳноза Рузиевна, номзади илмҳои таърих, дотсент, ҷонишини сармуҳаррир

Раҳманова Мавҷуда Ҷамшедона, номзади илмҳои педагогӣ, дотсент, котиби масъули маҷалла

Оид ба илмҳои сиёсатшиносӣ:

Қурбонова Зулфия Маҳмаднабиевна, доктори илмҳои сиёсатшиносӣ (Тоҷикистон)

Негматова Шаҳноза Рузиевна, номзади илмҳои таърих (Тоҷикистон)

Шарифзода Лоҳутӣ Шариф, доктори илмҳои сиёсатшиносӣ (Тоҷикистон)

Шаропов Отабек Муродович, номзади илмҳои сиёсатшиносӣ (Тоҷикистон)

Наимӣ Исмоил Нурулло, номзади илмҳои сиёсатшиносӣ (Тоҷикистон)

Муҳаммадзода Абдурахмон Навруз, номзади илмҳои сиёсатшиносӣ (Тоҷикистон)

Малышева Дина Барисовна, номзади илмҳои сиёсатшиносӣ (Россия)

Ежова Марина Юрьевна, номзади илмҳои сиёсатшиносӣ (Россия)

Сангинов Нарзулло Наимович, номзади илмҳои сиёсатшиносӣ (Тоҷикистон)

Каримов Шамсиддин Турсунматович, номзади илмҳои сиёсатшиносӣ (Тоҷикистон)

Оид ба илмҳои таърих:

Муҳидинов Саидалӣ Раҷабович, доктори илмҳои таърих (Тоҷикистон)

Майдинова Гузель, доктори илмҳои таърих (Тоҷикистон)

Раҳматова Заррина Юнусовна, номзади илмҳои таърих (Тоҷикистон)

Пирумшоев Ҳайдаршо Пирумшоевич, доктори илмҳои таърих (Тоҷикистон)

Маликов Маҳмуд Ҳакимович, доктори илмҳои таърих (Тоҷикистон)

Абдулваҳидов Раҳматулло Миразорович, номзади илмҳои таърих (Тоҷикистон)

Абдурашитов Фозил Маматович, доктори илмҳои таърих (Тоҷикистон)

Сенин Александр Сергеевич, доктори илмҳои таърих (Россия)

Ортиқов Абдурафиқ Абдурахмонович, номзади илмҳои таърих (Тоҷикистон)

Оид ба илмҳои фалсафа:

Сайфуллоев Нигматулло Мирзоевич, доктори илмҳои фалсафа (Тоҷикистон)

Ладыгина Ольга Владимировна, доктори илмҳои фалсафа (Россия)

Диноршоева Зарина Мусоевна, доктори илмҳои фалсафа (Тоҷикистон)

Маҳмадалӣ Музаффарӣ, доктори илмҳои фалсафа (Тоҷикистон)

Мирзоев Ғаффор Ҷабборович, доктори илмҳои фалсафа (Тоҷикистон)

Ҷураева Нигорахон Ниёзбабаевна, номзади илмҳои фалсафа (Тоҷикистон)

Холматова Лола Юрьевна, номзади илмҳои фалсафа (Тоҷикистон)

Маркин Владимир Ильич, доктори илмҳои фалсафа (Россия)

Попова Наталья Викторовна, номзади илмҳои фалсафа (Россия)

Брызгалина Елена Владимировна, номзади илмҳои фалсафа (Россия)

Оид ба илмҳои педагогӣ:

Рустамова Гулбахор Абдурашидовна, номзади илмҳои педагогӣ (Тоҷикистон)
Юлдашева Мавҷуда Раҳматовна, доктори илмҳои педагогӣ (Тоҷикистон)
Ибрагимов Ирода Асо-Ахуновна, номзади илмҳои педагогӣ (Тоҷикистон)
Раҳманова Мавҷуда Ҷамшедона, номзади илмҳои педагогӣ (Тоҷикистон)
Саидова Лейла Вайсидиновна, номзади илмҳои педагогӣ (Тоҷикистон)
Раҷабова Меҳри Раҳматовна, номзади илмҳои педагогӣ (Тоҷикистон)
Каримова Ирина Холовна, доктори илмҳои педагогӣ (Тоҷикистон)
Гусейнова Татьяна Владимировна, доктори илмҳои педагогӣ (Тоҷикистон)
Мошкина Елена Васильевна, номзади илмҳои педагогӣ (Россия)
Федоренко Елена Юрьевна, номзади илмҳои равоншиносӣ (Россия)
Худойкулов Хол Жумаевич, доктори илмҳои педагогӣ (Ўзбекистон)

Муҳаррир:	Л.Ю. Холматова
Муҳаррири техникӣ:	М.Д. Раҳманова
Тарҷума ба забони англисӣ:	М.Р. Раҷабова
Тарҷума ба забони тоҷикӣ:	З.М. Диноршоева

Веростори компютерӣ:	Ш.К. Қодиров
----------------------	--------------

Маҷалла дар Вазорати фарҳанги Ҷумҳурии Тоҷикистон ба қайд гирифта шудааст.
Шаҳодатномаи бақайдгирӣ № 342/ЖР-97 аз 12.04.2024 с.

Суроғи редакция: 734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, шаҳри Душанбе,
кӯчаи М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992 37) 227 78 53
www.rtsu.tj
uchoniezapiski_rtsu@mail.ru

© Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
Типографияи ДСРТ

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Ученые записки» (Серия «Социально-гуманитарные науки») публикует статьи профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников, аспирантов и соискателей Российско-Таджикского (Славянского) университета. Журнал также предоставляет возможность для публикаций своих работ ученым из других вузов и учреждений Республики Таджикистан, ближнего и дальнего зарубежья. Для публикации в Журнал могут быть представлены материалы по фундаментальным и прикладным проблемам социально-гуманитарных наук, исследованиям в области истории, политологии, философии и педагогики.

Материал, представляемый в редакцию журнала, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других научных изданиях. Ответственность за оригинальность статьи несет автор статьи.

Рукопись регистрируется при поступлении в редакцию ответственным секретарем издания. В целях недопущения плагиата и заимствований источников без указания авторства, а также с целью повышения качества научных статей работа должна пройти экспертизу через систему проверки «Антиплагиат». Процент оригинальности научной статьи должен составлять не менее 70%.

Редакция оставляет за собой право отбора материала, а также право сокращения публикуемой статьи.

Авторы представляют рукописи в электронной форме с распечаткой статьи в одном экземпляре. Статьи принимаются на рассмотрение редакционной коллегии при наличии рецензии от специалиста, имеющего ученую степень доктора наук (если автор статьи является доктором наук), доктора или кандидата наук (если автор статьи является кандидатом наук, соискателем или аспирантом). Аспиранты и соискатели представляют в редакцию отзыв научного руководителя с рекомендацией статьи к публикации. Рецензия должна содержать обоснованное перечисление положительных качеств материала, в том числе научную новизну работы, её актуальность, фактологическую и историческую точность, корректность цитирования, ясный стиль изложения, использование современных источников, а также мотивированное перечисление недостатков материала. В заключении дается общая оценка материала и рекомендация для редакции (опубликовать материал, опубликовать материал после доработки, направить на дополнительную рецензию специалисту по определенной тематике, отклонить). Объем рецензии - не менее одной страницы текста. Рецензия должна быть подписана рецензентом с указанием ученой степени, ученого звания, должности, даты ее подготовки и заверена печатью организации, где он работает.

Статья, принятая к публикации, но нуждающаяся в доработке, направляется автору с замечаниями рецензента и редактора. Автор должен внести все необходимые исправления в окончательный вариант рукописи и вернуть в редакцию исправленный текст, а также его идентичный электронный вариант вместе с первоначальным вариантом рукописи. Рецензирование рукописи осуществляется конфиденциально. Разглашение конфиденциальных деталей рецензирования ру-

копии нарушает права автора. Рецензентам не разрешается снимать копии с рукописей для своих нужд.

Материалы представляются в редакцию на электронном носителе и в распечатанном виде (1 экз.). Распечатка рукописи должна быть полностью идентична электронному варианту статьи.

Основным языком журнала является русский. Статьи зарубежных авторов издаются на английском языке, что позволяет расширить географию читателей и усилить интеграционные процессы в мировом научном сообществе.

Титульная страница статьи должна содержать: УДК, фамилию, имя, отчество (полностью) автора/авторов, его/их ученую степень, звание, должность, место работы и контактную информацию (почтовый адрес с индексом, телефон, E-mail), шифр и наименование специальности, аннотация должна ясно излагать основное содержание статьи и быть пригодной к публикации отдельно от статьи. Объем аннотации составляет: **150-200** слов на русском, английском и таджикском языках; ключевые слова (не менее 7 слов и выражений через точку с запятой).

Объем научной статьи не должен превышать **1 п.л.** и включать такие структурные части, как актуальность темы, цель исследования, его новизна, основные положения и выводы.

Название статьи должно отражать проблематику работы, быть по возможности лаконичным, содержать ключевые слова, определяющие основные аспекты работы.

В статье обязательны ссылки на источники информации, в том числе на источник получения статистических данных. Рисунки, диаграммы, таблицы размещаются в соответствующем по смыслу фрагменте текста. Они должны быть озаглавлены, пронумерованы и сопровождаться ссылками на источник заимствования данных. Объем рисунков и таблиц не должен превышать 1/3 объема научного текста.

Источники, не являющиеся научно-аналитическими (законодательство, материалы публицистического характера, архивные документы, официальные документы, интернет-материалы), указываются в постраничных сносках на языке оригинала. Научная литература приводится в библиографическом списке в конце текста статьи в алфавитном порядке (сначала литература на русском языке, затем литература на иностранных языках). В списке литературы должно быть не менее **20** наименований научной литературы, в том числе отражающей современные взгляды и подходы к обсуждаемой проблеме. Приветствуется использование материалов, опубликованных в рецензируемых научных изданиях. Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р705-2008.

При цитировании или при ссылке на ту или иную работу в тексте статьи используются квадратные скобки, в которых указаны номер источника в перечне литературы и цитируемая страница (напр.: [6, с.39]). Ссылки нумеруются согласно порядковому номеру источника в списке литературы.

Источники публицистического характера, в том числе из печатных и электронных СМИ, официальные документы, архивные материалы, статистические издания и т.д. указываются в постраничных сносках на языке оригинала.

Разрешаются общепринятые сокращения. Аббревиатура приводится сначала полностью с указанием в скобках принятого сокращенного варианта для его дальнейшего использования в тексте (например, Российско-Таджикский (Славянский) университет (далее – РТСУ)).

Ответственность за содержание статьи, достоверность и полноту описания библиографических данных несёт автор статьи.

Завершают рукопись название статьи, данные о её авторе/авторах, текст аннотации и ключевые слова на английском и таджикском языках.

Библиографический список приводится на двух языках: русском и английском.

В редакцию принимаются тексты, подготовленные в формате MS Word for Windows. Шрифт – Times New Roman, размер шрифта основного текста – 14, списка литературы – 12 интервал одинарный, абзацный отступ – 1,25. Размер полей: сверху – 2 см, снизу – 2 см, слева – 3 см, справа – 1,5 см.

Все страницы, начиная с титульной, должны быть последовательно пронумерованы.

Текст присылаемой рукописи является окончательным и должен быть представлен тщательно выверенным и исправленным.

Отклоненные рукописи статей, а также рукописи, принятые к публикации, не возвращаются автору.

Статьи печатаются в порядке очередности их поступления в редакцию. Если статья направляется автору на доработку, то датой поступления считается дата возвращения автором переработанной статьи.

СОДЕРЖАНИЕ

• ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Майтдинова Г. Пять сегментов внешней политики Таджикистана как концептуальная модель реализации политики «Открытых дверей»	19
Шарапов О.М. Взаимоотношения республики Таджикистан с восточноевропейскими странами постсоветского пространства	33
Хакимов М.К. Сравнительный анализ угроз национальной безопасности: на примере республики Таджикистан и Российской Федерации	44
Имомалиев А.А. Афганская проблема в исследованиях российских и центральноазиатских авторов	64

• ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Мухидинов С.Р. Вклад таджиков в распространение ислама в Сибири (XVI - XVIII вв.)	75
Пирумшоев М.Х. Социально-экономическое положение раннесредневекового Памира	87
Рахматова З. История становления туризма в республике Таджикистан в 90-е годы XX века	96
Артыков А.А. Экономические и военно-стратегические факторы железнодорожного строительства в Средней Азии во второй половине XIX века	105

• ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Диноршоева З.М. Основные идеи концепции власти Мишеля Фуко	119
Ульмасов Р. Коран и библия о мигрантах	128
Содики Н.Н. Космология. Бог как первая стационарная реальность	142
Джураева Д.Р. Корни и смыслы: культурно-гуманитарное взаимодействие России и Таджикистана в историко-философском контексте	155
Негматуллоева С.Р. Русская философия и её вклад в формирование мировой философской системы	166

• ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Рустамова Г.А. Доступность дошкольного образования в сельских районах Таджикистана: барьеры и альтернативные модели	177
--	-----

Курбонова З.Ш. Игровые экологические технологии как средство развития ценностного отношения к природе у дошкольников	186
Турсинкулова Б.Х. Цифровая образовательная среда вуза как фактор профилактики и провокации интернет-зависимости у студентов	198
Нургулова М.М. Особенности мотивации к профессиональной деятельности у студентов направления «Дошкольное образование»	208
Рыбалко С.С. Формирование правосознания будущих учителей начальных классов в контексте экологического воспитания	218

CONTENT

• POLITICAL SCIENCES

Maitdinova G. Five segments of Tajikistan's foreign policy as a conceptual model for implementing the «Open door policy»	19
Sharapov O.M. Cooperation between the Republic of Tajikistan and the Eastern European countries of the post-soviet space	33
Khakimov M.K. Comparative analysis of national security threats: the case of the Republic of Tajikistan and the Russian Federation	44
Imomaliyev A.A. The Afghan issue in the studies of Russian and Central Asian authors	64

• HISTORICAL SCIENCES

Mukhidinov S.R. The contribution of Tajiks to the spread of Islam in Siberia (15 th -17 th centuries)	75
Pirumshoev M.Kh. Socio-economic status of early medieval Pamir	87
Rakhmatova Z. The history of the formation of tourism in the Republic Tajikistan in the 90-s of the XX century	96
Artykov A.A. Economic and military-strategic factors of railway construction in Central Asia in the second half of the 19th century	105

• PHILOSOPHICAL SCIENCES

Dinorshoeva Z.M. The main ideas of Michel Foucault's concept of power	119
Ulmasov R. The Quran and the Bible on migrants	128
Sodiki N.N. Cosmology. God as the first stationary reality	142
Juraeva D.R. Roots and meanings: cultural and humanitarian interaction between Russia and Tajikistan in the historical and philosophical context	155
Negmatulloeva S.R. Russian philosophy and its contribution to the formation of the world philosophical system	166

• PEDAGOGICAL SCIENCES

Rustamova G.A. Accessibility of preschool education in rural areas of Tajikistan: barriers and alternative models	177
Kurbonova Z.Sh. Game environmental technologies as a means of developing a value relationship to nature in preschoolers	186
Tursinkulova B.Kh. The digital educational environment of the	198

university as a factor of prevention and provocation of Internet addiction among students	
Nurgulova M.M. Features of motivation for professional activity of students in the field of study: «Pre-school education»	208
Rybalko S.S. Formation of legal awareness future of primary school teachers in the context of environmental education	218

МУНДАРИҶА

• ИЛМҲОИ СИЁСАТШИНОСӢ

Майтдинова Г. Панҷ сегменти сиёсати хориҷии Тоҷикистон ҳамчун модели концептуалии амалӣ кардани сиёсати «Дарҳои кушода»	19
Шарапов О.М. Муносибатҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон бо кишварҳои аврупои шарқии пасошӯравӣ	33
Ҳакимов М.Қ. Таҳлили муқоисавии таҳдидҳо ба амнияти миллӣ: дар мисоли Ҷумҳурии Тоҷикистон ва Федератсияи Россия	44
Имомалиев А.А. Масъалаи Афғонистон дар таҳқиқоти муаллифони Русия ва Осиёи Марказӣ	64

• ИЛМҲОИ ТАЪРИХ

Муҳидинов С.Р. Саҳми тоҷикон дар густариши ислом дар Сибир (асрҳои XVI-XVIII)	75
Пирумшоев М.Х. Вазъи иҷтимоӣ-иқтисодии Помир дар аввали асрҳои миёна	87
Рахматова З. Таърихи ташаккули туризм дар Ҷумҳурии Тоҷикистон дар солҳои 90-уми асри XX	96
Артиқов А.А. Омилҳои иқтисодӣ ва ҳарбӣ-стратегии сохтмони роҳи оҳан дар Осиёи Миёна дар нимаи дуюми асри XIX	105

• ИЛМҲОИ ФАЛСАФА

Диноршоева З.М. Гояҳои асосии таълимоти Мишел Фуко оид ба ҳокимият	119
Улмасов Р. Қуръон ва библия дар бораи муҳожирон	128
Содиқи Н.Н. Космология. Худо ҳамчун воқеияти аввалини статсионарӣ	142
Ҷӯраева Д.Р. Реша ва маъноҳо: ҳамкориҳои фарҳангӣ-гуманитарӣ байни Русия ва Тоҷикистон дар заминаи таърихӣ-фалсафӣ	155
Негматуллоева С.Р. Фалсафаи рус ва саҳми он дар ташаккули низоми фалсафии ҷаҳонӣ	166

• ИЛМҲОИ ПЕДАГОГӢ

Рустамова Г.А. Дастрасии таҳсилоти томактабӣ дар деҳоти Тоҷикистон: монеаҳо ва моделҳои алтернативӣ	177
--	-----

Курбонова З.Ш. Хусусиятҳои ташаккули шахсият дар давраи синни томактабӣ: имконот ва хатарҳо	186
Турсинкулова Б.Ҳ. Муҳити рақамии таълимии донишгоҳ ҳамчун омили пешгирӣ ва барангехтани вобастагии интернетӣ дар байни донишҷӯён	198
Нургулова М.М. Хусусиятҳои ҳавасмандгардонӣ ба фаъолияти касбӣ дар донишҷӯёни самти «Таҳсилоти томактабӣ»	208
Рыбалко С.С. Ташаккули шуури ҳуқуқии муаллимони ояндаи синфҳои ибтидоӣ ҳангоми тарбияи экологӣ	218

УДК 327(575.3)

ПЯТЬ СЕГМЕНТОВ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ТАДЖИКИСТАНА КАК КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ «ОТКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ»

Майтдинова Гузель

доктор исторических наук, профессор
кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики,
директор Центра геополитических исследований,
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 935 31 63 33 (м.)
guzel-maitdinova@mail.ru

Статья посвящена анализу пяти сегментов внешней политики Республики Таджикистан как концептуальной модели реализации стратегии «открытых дверей». В работе обосновывается, что сегментный подход отражает структурную архитектуру многовекторной внешней политики государства, сформированной в условиях постконфликтного государственного строительства и высокой внешней взаимозависимости. Он обеспечивает гибкость, снижает риски зависимости, расширяет пространство манёвра и позволяет сочетать различные внешнеполитические идентичности. Каждый сегмент выполняет собственную функцию - стабилизационную, региональную, идентификационную, диверсификационную и интеграционную - и в совокупности формирует устойчивую внешнеполитическую конфигурацию. Политика «открытых дверей» в рамках данной модели выступает механизмом согласования сегментов и обеспечивает стратегическую гибкость внешней политики Таджикистана. На основе политико-институционального и геополитического анализа показано, что каждый сегмент - пространство СНГ, Центральная Азия, персоязычные государства, широкий мир мусульманских стран и мировое сообщество - выполняет самостоятельную функциональную роль в обеспечении безопасности, диверсификации партнёрств, формировании идентификационного измерения дипломатии и международной интеграции. Научная новизна исследования заключается в интерпретации пяти сегментов как авторской концептуальной модели, объясняющей институционализацию многовекторности и устойчивость внешней политики малых государств в условиях неопределённости.

Ключевые слова: внешняя политика Таджикистана; политика «открытых дверей»; многовекторность; сегментная модель; многоуровневая внешняя политика; малые государства; государственное строительство; Центральная Азия; дипломатия; международные отношения.

Становление внешней политики Республики Таджикистан происходило в условиях глубокой политической трансформации, сопровождавшейся гражданским конфликтом, институциональной слабостью государства и необходимостью одновременного решения задач государственного строительства, обеспечения безопасности и международной легитимации. Процесс институционализации внешней политики проходил параллельно с формированием базовых принципов дипломатии суверенного государства. Ограниченность ресурсов, дефицит дипломатических кадров, сокращение двусторонних контактов и неблагоприятный международный фон создавали ситуацию потенциальной внешнеполитической изоляции [14, с. 21]. В этой связи внешняя политика стала выполнять компенсаторную функцию, направленную на мобилизацию внешних возможностей для обеспечения национальной безопасности и поддержания государственности.

Уже в начале 1990-х годов внешнеполитическая деятельность Таджикистана была тесно связана с поиском «формулы мира», расширением международного присутствия и включением страны в систему международных институтов, что объективно предопределило формирование политики «открытых дверей» [14, с.21; 9]. Наряду с поиском «формулы мира и национального согласия» внутри таджикского общества, не менее важным было найти партнеров в странах ближнего окружения и дальнего зарубежья, в региональных и международных организациях, где Таджикистан в тот период не везде имел своих представителей [9]. В 1992 году некоторые иностранные представительства, открывшиеся было в Душанбе, стали уменьшать численность своего аппарата, а то и вовсе прекращать деятельность и покидать страну. Во внешнеполитическом ведомстве для реализации внешнеполитических задач серьезно ощущался недостаток средств на содержание зарубежных учреждений, не хватало квалифицированных дипломатических кадров [14, с.21]. Двусторонние отношения Республики Таджикистан почти со всеми странами резко сократились. Более того, поскольку новое государственное руководство Таджикистана по целому ряду вопросов разошлось с подходами к внешней политике прежнего руководства - коалиционного (с участием демоисламистов) Правительства, пришлось существенно пересматривать и всю эту политику [12, с.6].

Основы нового внешнеполитического курса Республики Таджикистан были заложены решениями XVI сессии Верховного Совета Республики Таджикистан по межтаджикскому урегулированию, вывода государства из социально-политического кризиса, а также Обращением Председателя Верховного Совета Республики Таджикистан Эмомали Рахмонова к народу Таджикистана от 11 декабря 1992 года, где было акцентировано внима-

ние на основных внешнеполитических принципах и на важных векторах внешней политики.

В условиях гражданской войны в Таджикистане важным шагом стало активное взаимодействие с Организацией Объединённых Наций, включая приглашение миссии наблюдателей, что усилило международную субъектность Таджикистана и способствовало стабилизации ситуации [1, с.100]. 20 декабря 1992 года глава Таджикистана обратился с личным письмом в адрес Генерального секретаря ООН. В нем, в частности, выражалась просьба «направить в Таджикистан Миссию наблюдателей ООН для поддержания контактов с правительством, миротворческими силами СНГ, а также для координации вопросов, связанных с оказанием гуманитарной помощи организациями системы ООН» [1, с.100]. Уже на следующий день, 21 декабря 1992 года, Совет Безопасности ООН в ответ на обращение Генерального секретаря ООН поддержал его намерение направить в Таджикистан небольшую сводную группу, состоящую из политических, военных и гуманитарных наблюдателей. Ровно через месяц, 21 января 1993 года, Миссия наблюдателей ООН в Таджикистане (UNMOT), приступила к своей работе в Душанбе. Эмомали Рахмон, начиная с первого посещения Миссии ООН, 2 марта 1992 года [1, с. 50], уделял ее деятельности самое пристальное внимание.

Новый глава Таджикистана вел активный дипломатический диалог с руководителями соседних государств. 14 декабря 1992 года на Совместном заседании президиумов Верховного Совета и Совета министров Республики Таджикистан он проинформировал участников о результатах своей внешнеполитической деятельности и сообщил о том, что «... положительно решается вопрос о направлении в Таджикистан миротворческих сил. Кыргызская Республика сообщила о своей готовности помочь Хатлонской области и городу Душанбе продовольствием. Кроме того, чтобы облегчить проведение зимнего периода, в Горно-Бадахшанскую автономную область по трассе Ош-Хорог будет направлено горючее. Казахстан готов помочь зерном и топливом. Президент Республики Узбекистан заявил, что его страна возьмет на себя обеспечение населения Таджикистана продовольствием» [16]. Внешнеполитическая деятельность государства в этот период, прежде всего, была направлена на постепенный вывод государства из социально-экономического кризиса, расширение и углубление миротворческого процесса в стране.

На критическую для региональной стабильности обстановку в Таджикистане акцентировали свое внимание члены СБСЕ. На проходившей 14-15 декабря 1992 года в Стокгольме сессии Совета Сопредседателей по безопасности и сотрудничеству в Европе на уровне министров иностранных дел ее участники рассмотрели вопрос о положении в Таджикистане. Мини-

стры отметили миротворческие усилия, которые предпринимают Россия, Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан с целью прекращения кровопролития и содействия переговорному процессу. Министры считают необходимым, чтобы этот документ был рассмотрен Комитетом старших должностных лиц на приоритетной основе, принимая во внимание необходимость тесного взаимодействия с предпринимаемыми ООН усилиями [7, с. 483]. В этот период, не смотря на сложную социально-политическую обстановку в стране, где царил правовой беспредел, нарушались права человека, насаждался климат террора, происходит активизация внешней политики Таджикистана для разрешения, прежде всего, внутренних проблем. В своем Заявлении 30 декабря 1992 года глава таджикского государства подчеркнул, что «... Республика Таджикистан, соблюдая Устав Организации Объединенных наций, заключительный Хельсинский акт, Парижскую хартию и другие международные соглашения, будет строить свою внутреннюю и внешнюю политику на их основе и не позволит, чтобы нарушались права человека по причине национальной, региональной, расовой или мировоззренческой принадлежности. *Двери Таджикистана открыты для всех стран и международных организаций*» [3] . «Политика открытых дверей» Таджикистана ускорила процесс интеграции государства в мировое сообщество.

4 января 1993 года в городе Ташкент состоялась встреча глав государств Средней Азии и Казахстана, где обсуждались политическое и экономическое положение в СНГ, вопросы дальнейшего укрепления многосторонних связей между государствами региона, ход выполнения ранее достигнутых двусторонних договоренностей и др. Глава таджикского государства Э.Ш. Рахмонов впервые принимал участие на встрече лидеров стран региона. Во время встречи главы государств выразили готовность своих стран в оказании гуманитарной помощи Таджикистану для вывода таджикского государства из экономического и политического кризиса. В ходе визита главы таджикского государства в Ташкент, исторически важным шагом в развитии дипломатии и внешней политики Таджикистана было подписание Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между Республикой Таджикистан и Республикой Узбекистан [6, с.6-7]. Геополитически важным было решение глав государств об отказе от ранее существовавшей и широко применявшейся дефиниции «Средняя Азия и Казахстан». Вместо этого лидеры стран единогласно решили впредь именовать регион «Центральная Азия», хотя в трудах географов под этим термином подразумевался регион, пространственные пределы которого были иными, чем границы пяти бывших союзных республик. На данной встрече также было принято решение о создании Фонда Спасения Арала.

Выступая 6 июня 1993 года на XVII сессии Верховного Совета Республики Таджикистан, глава государства Э.Ш. Рахмонов акцентировал внимание на основные задачи внешней политики Таджикистана. В своем выступлении он отметил, что после XVI сессии Верховного Совета РТ во внешней политике государства начался новый этап - идет процесс формирования характера и определения основных внешнеполитических направлений. Лидер таджикского государства подчеркнул, что «внешняя политика Таджикистана строится на основе уважения общечеловеческих ценностей, принципов международного права и учета высших интересов государства. Республика Таджикистан заинтересована в проведении стабильной прагматичной политики, которая должна быть свободна от односторонности. Наша внешняя политика также будет способствовать созданию современной национальной экономики, имеющей тесную связь с различными сторонами жизни мирового сообщества» [6, с. 78]. В декабре 1993 года был принят Закон республики Таджикистан «О внешнеполитической деятельности Республики Таджикистан», который в дальнейшем создал нормативную правовую базу для формирования практики представления задач внешней и внутренней политики Таджикистана на внешних аренах [11, с.126].

Именно на XVII сессии Верховного Совета РТ впервые в истории таджикского народа главой государства были очерчены основные контуры приоритетов внешней политики Таджикистана: обеспечение безопасности Таджикистана политическими средствами, создание соответствующих внешних условий для осуществления демократических преобразований, использование материальной и технической помощи в целях постепенного перехода к рыночным отношениям, установление новых взаимовыгодных связей Таджикистана с членами Содружества Независимых государств и другими зарубежными странами. Председатель Верховного Совета РТ Э.Ш. Рахмонов объяснил две причины определения во внешнеполитической деятельности РТ приоритетным вектором СНГ: 1.Республика Таджикистан является полноправным членом Содружества; 2.Наличие тесных связей со всеми странами Содружества во всех сферах социальной, экономической, политической и культурной жизни. Лидер страны подчеркнул особое место и роль во внешней политике Таджикистана новых центральноазиатских государств и России, с которой на современном этапе нерушимые связи приобретают новое качество и имеют тенденцию к всестороннему дальнейшему развитию [6, с.79]. В ходе своего выступления *глава таджикского государств особо подчеркнул необходимость выработки первой последовательной концепции внешней политики суверенного Таджикистана. Он отметил, что с постоянным изменением международной обстановки и со стабилизацией внутреннего положения в республике*

надо ускорить разработку концепции внешней политики государства. Кроме того, Э.Ш. Рахмонов подчеркнул, что из самых трудных задач во внешней политике государства является открытие представительств и посольств Республики Таджикистан в зарубежных странах, где еще не открыто ни одного таджикского посольства. Этому препятствовали с одной стороны, дефицит иностранной валюты и, с другой стороны, обострение внутренней обстановки в стране [6, с.80]. Глава государства дал установку правительству об ускорении открытия зарубежных представительств Таджикистана.

Формировать внешнюю политику с позитивной повесткой дня в условиях внутреннего конфликта была архисложной задачей. Эта задача усложнялась тем, что политическая оппозиция нашла поддержку в странах Запада и в исламском мире. Важное геополитическое положение Таджикистана в Центральной Азии определили интерес ведущих внешних акторов к таджикскому государству. *Концептуальные положения внешней политики Таджикистана были озвучены Председателем Верховного Совета РТ Э.Ш. Рахмоновым на XVIII сессии Верховного Совета Республики Таджикистан 28 декабря 1993 года. Лидер Таджикистана в своем выступлении подчеркивал, что «Во время разработки концепции внешней политики страны должны учесть, что Республика Таджикистан с точки зрения географического расположения, геополитического положения и своих экономических интересов входит в пять политических сегментов:*

Первый сегмент – Содружество Независимых государств, которое, несмотря на трудности первых лет своего формирования, содержит в себе тенденцию к укреплению всесторонних связей. Второй сегмент – Центральная Азия, которая в настоящее время стремится к экономическому и политическому единству. Третий сегмент – пространство жизнедеятельности соседних персоязычных государств, которые хотя пока еще и не пришли к какому-либо единому политическому или экономическому союзу, тем не менее, притягиваются друг к другу не только историческим единством и культурными истоками, но и реальными перспективами национального развития. Четвертый сегмент – широкий круг населенных мусульманских стран Востока, которые связаны друг с другом не только единством обычаев и духовных традиций, но и возможностями, потребностями национального развития. Пятый сегмент – мировое сообщество, которое как никогда ранее проявляет свою внешнюю и внутреннюю сплоченность и медленно, но последовательно движется в направлении единой общечеловеческой цивилизации [13, с.23]. Именно в этом контексте возникает концептуализация пяти сегментов внешней политики, которая представляет собой оригинальную модель структурирования внешнеполитиче-

ского пространства государства и отражает геополитическое положение, цивилизационную идентичность и стратегические интересы страны [12].

В 1994 году была принята первая Конституция Республики Таджикистан, а с 1995 года стал функционировать Маджлиси Оли – новый парламент Таджикистана.[4, с.52; 5, с.9] Формулирование пяти сегментов стало одним из ключевых интеллектуально-политических результатов раннего этапа внешнеполитического становления Таджикистана. Данный подход позволил преодолеть дихотомию «региональная - глобальная» внешняя политика и предложил многослойную архитектуру взаимодействия. Сегментная модель демонстрирует, что внешняя политика Таджикистана строится как система параллельных направлений, каждое из которых выполняет специфическую функцию в обеспечении устойчивости государства. Таким образом, сегменты выступают не географическими категориями, а функциональными уровнями внешнеполитической стратегии. Первый сегмент - пространство СНГ [8] - выполнял роль первичной внешнеполитической опоры, стал базовым уровнем институционализации внешней политики и ключевым источником обеспечения безопасности в 1990-е годы. Именно в рамках СНГ Таджикистан получил миротворческую поддержку, включая участие коллективных сил по поддержанию мира на таджикско-афганской границе, что стало критическим фактором сохранения государственности. В условиях институциональной трансформации именно постсоветское пространство обеспечивало инфраструктурную, военно-политическую и экономическую поддержку, что способствовало предотвращению изоляции и формированию базовой внешнеполитической устойчивости. Этот сегмент закрепил стабилизационную функцию внешней политики и стал фундаментом дальнейшей многовекторности [7]. Экономически данный сегмент продолжал обеспечивать основную часть внешней торговли: в разные годы доля стран СНГ в товарообороте Таджикистана составляла от 40 до более 60 %. Россия закрепились как главный торгово-экономический и миграционный партнёр, оставаясь ключевым рынком трудовой миграции и источником денежных переводов, которые в отдельные годы превышали 25–30 % ВВП страны. Таким образом, сегмент СНГ выполняет стабилизационную и инфраструктурную функцию, обеспечивая стратегическую устойчивость политики «открытых дверей», поскольку позволяет Таджикистану сохранять базовый уровень внешней поддержки при расширении взаимодействия в других направлениях.

Второй сегмент - Центральная Азия - формирует региональную подсистему безопасности и взаимозависимости. Здесь внешняя политика приобретает характер постоянной региональной дипломатии, направленной на управление трансграничными рисками, развитие водно-энергетического сотрудничества и координацию экономических процес-

сов. Регион остаётся одним из основных направлений торговли: доля стран Центральной Азии во внешнем товарообороте Таджикистана постепенно увеличивалась и в последние годы стабильно превышает 20 %. Усиление региональной кооперации после 2017 года привело к росту транспортных связей, открытию новых пунктов пропуска, увеличению взаимной торговли и развитию региональных инфраструктурных проектов. Региональный сегмент отражает объективную взаимосвязанность государств и выполняет функцию практической реализации политики «открытых дверей», поскольку именно здесь формируется ежедневная дипломатическая практика многовекторности.

Третий сегмент - пространство персоязычных государств - отражает уникальную цивилизационную специфику таджикской дипломатии. Использование культурной близости как ресурса внешней политики формирует отдельный уровень дипломатии, сочетающий идентичностные и прагматические элементы. Сотрудничество с Ираном и Афганистаном выходит за рамки двусторонних отношений и формирует культурно-идентификационное измерение дипломатии. В рамках этого сегмента развиваются образовательные программы, культурные обмены, инфраструктурные и энергетические проекты, включая участие Ирана в строительстве гидроэнергетических объектов и транспортных коридоров. Экономически данный сегмент не является доминирующим по объёму торговли, однако его стратегическая значимость заключается в диверсификации партнёрств, расширении транзитных возможностей и формировании культурной дипломатии. Это позволяет рассматривать его как *soft-power* сегмент политики «открытых дверей», усиливающий международную субъектность государства. Этот сегмент усиливает гуманитарное сотрудничество, расширяет экономические возможности и способствует формированию культурной дипломатии как устойчивого инструмента внешней политики.

Четвёртый сегмент - широкий мир мусульманских стран - обеспечивает диверсификацию партнёрств, инвестиционные возможности и расширение дипломатических каналов. Мусульманские страны, относительно эффективно сотрудничающие с Таджикистаном можно разделить на следующие группы: арабские страны Персидского залива (Королевство Саудовская Аравия, Государство Катар, Государство Кувейт, Объединенные Арабские эмираты); персоязычные мусульманские страны (Иран, Афганистан).[10, с.17] Через взаимодействие с государствами Западной Азии и исламскими финансовыми институтами Таджикистан получает доступ к инвестициям, грантам и инфраструктурным проектам. Значимую роль играют Исламский банк развития, Саудовский фонд развития, Катарские и эмиратские инвестиционные инициативы, участвующие в финансировании транспортных, энергетических и социальных проектов. Данный сегмент

расширяет возможности экономической дипломатии, выполняя диверсификационную функцию стратегии «открытых дверей». Данный сегмент усиливает балансирование и снижает зависимость от ограниченного круга партнёров.

Пятый сегмент - мировое сообщество - закрепляет глобальный уровень внешней политики, связанный с международной легитимацией, участием в глобальном управлении и формированием нормативной внешнеполитической идентичности. Именно на этом уровне Таджикистан реализует наиболее заметные дипломатические инициативы, включая водную повестку, признанную на уровне ООН (Международный год пресной воды, десятилетия «Вода для жизни», «Вода для устойчивого развития»). Участие в международных организациях, расширение дипломатической сети, рост сотрудничества с Россией [15, с. 63-67;19], Китаем, ЕС [2; 17], США, Индией и другими акторами, международными финансовыми институтами формируют интеграционную функцию данного сегмента. Он позволяет переводить политику «открытых дверей» из регионального принципа в глобальную стратегию. Именно на этом уровне политика «открытых дверей» проявляется наиболее полно, обеспечивая интеграцию государства в международные институты и глобальные сети сотрудничества. Для Таджикистана важно таджикско-китайское сотрудничество в реализации инфраструктурных проектов, таких как строительство железных и автомобильных дорог, системы водоснабжения и ирригации и т.д. [18, с.178]. Участие в международных организациях, расширение дипломатической сети, рост сотрудничества с Россией, Китаем, ЕС, США, Индией и другими акторами, международными финансовыми институтами формируют интеграционную функцию данного сегмента [13, с.23].

Наш анализ показывает, что сегментный подход фактически выполняет функцию внешнеполитической стратегии малых государств в условиях нового мироустройства. Он обеспечивает гибкость, снижает риски зависимости, расширяет пространство манёвра и позволяет сочетать различные внешнеполитические идентичности. Именно поэтому пять сегментов следует рассматривать как концептуальную основу политики «открытых дверей», а не как описательное перечисление направлений внешней политики. Аналитически важным является то, что пять сегментов образуют целостную авторскую научную модель внешней политики, которую можно определить как сегментную архитектуру многовекторности. В отличие от классических подходов, где многовекторность описывается как совокупность направлений, сегментная модель объясняет её как структурную систему уровней взаимодействия. Каждый сегмент выполняет собственную функцию - стабилизационную, региональную, идентификационную, диверсификационную и интеграционную - и в совокупности формирует устойчи-

вую внешнеполитическую конфигурацию. Политика «открытых дверей» в рамках данной модели выступает механизмом согласования сегментов. Она обеспечивает возможность одновременного взаимодействия с различными центрами силы без конфликта интересов, формируя стратегическую гибкость внешней политики. Такая логика соответствует современным теориям внешней политики малых государств, сетевой дипломатии и *layered foreign policy* (многослойной внешней политике), где внешняя политика рассматривается как многослойная система взаимодействий.

Концептуальная ценность сегментной модели состоит также в том, что она соединяет геополитику, идентичность и развитие. Внешняя политика Таджикистана выступает не только инструментом безопасности, но и механизмом модернизации, привлечения ресурсов и формирования международной роли государства. Сегменты позволяют распределять внешнеполитическую активность между различными уровнями, снижая риски зависимости и повышая устойчивость. В условиях постконфликтного государственного строительства сегментная модель объясняет устойчивость внешней политики Таджикистана. Она демонстрирует, каким образом государство с ограниченными ресурсами способно выстраивать сложную систему международных связей, обеспечивающую безопасность и развитие. В этом заключается её теоретическая значимость для сравнительных исследований внешней политики постконфликтных государств.

Пять сегментов внешней политики Таджикистана следует рассматривать как авторскую концептуальную модель реализации политики «открытых дверей», готовность к сотрудничеству со всеми субъектами международных отношений на основе уважения общепринятых международных норм и принципов [12, с.57]. Сегментная архитектура обеспечивает стратегическую гибкость, снижает риски внешней зависимости и формирует устойчивую основу международной интеграции государства. В научном плане сегментная модель позволяет расширить теоретическое понимание внешней политики малых государств, предложив объяснение многовекторности как структурного феномена. Это делает её значимой не только для изучения таджикской дипломатии, но и для более широких исследований внешней политики постконфликтных и развивающихся государств.

Сегментная модель Таджикистана отражает адаптационную стратегию государства, сформированную в условиях конфликта и неопределённости, и объясняет устойчивость многовекторности как структурного принципа внешней политики. Политика «открытых дверей» в этой логике выступает не декларацией открытости, а институционализированным механизмом балансирования между различными геополитическими, цивилизационными и глобальными уровнями взаимодействия. Таджикистан при

определении приоритетных направлений внешней политики или при реализации тех или иных мероприятий и инициатив старался не противопоставлять имеющиеся интересы в вышеуказанных секторах. Наряду с налаживанием союзнических отношений с Российской Федерацией и приоритетных отношений со странами СНГ, уделял важное внимание развитию и расширению взаимодействия с другими странами мира, развивая «политику открытых дверей», где все миролюбивые страны имеют возможности равноправного взаимодействия. Таджикистан определил для себя разумный баланс интересов различных государств. Политика «открытых дверей» формировалась как стратегический ответ государства в условиях перестройки мира. Она отражала стремление к максимально широкому взаимодействию с международными акторами без жёсткой блоковой привязки, что соответствовало логике внешней политики малых и постконфликтных государств. Политика «открытых дверей» Таджикистана стала не декларативным принципом, а структурообразующим механизмом внешнеполитической стратегии.

Литература

1. Алимов Р.К., Лебедев М.С., Касымов Э.С. Таджикистан – ООН: История взаимоотношений. Новый взгляд. – М.: Знак, 1995. – С.100.
2. Зарифи Х. Таджикистан в системе обеспечения региональной безопасности ОБСЕ. - Душанбе: Ирфон, 2011. — 456 с.
3. Заявление Председателя Верховного Совета Республики Таджикистан Эмомали Рахмонова // Народная газета. - 30 декабря 1992 г. - №32. - 1992.
4. Майтдинова Г. Суверенитету Таджикистана 25 лет: история и перспективы развития // в сб. «Центральная Азия – 25: мысли о прошлом, проекция будущего. Сборник эссе из ЦА». – Вашингтон, 2017. - С.16-21.
5. Майтдинова Г.М. Таджикистан в геополитической структуре Центральной Евразии: (вторая половина второго десятилетия XXI века). — Душанбе: Изд-во РТСУ, 2020. — 454 с.
6. Назриев Д., Сатторов И. Республика Таджикистан: история независимости. Год 1993-й (хроника событий). -Т.3. - Душанбе, 2006. - С.6-7.
7. Назриев Д., Сатторов И. Республика Таджикистан: история независимости. Год 1992-й (хроника событий). - Т.2. - Душанбе, 2005. - С. 483.
8. Оймахмадов М. Содружество независимых государств. - Душанбе, 2018. — 320 с.
9. Письмо Постоянного представителя Таджикистана при Организации Объединенных Наций от 21 октября 1992 года на имя Председателя Совета Безопасности [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://digitallibrary.un.org/record/152531/files/S_24699-RU.pdf.
10. Умаров Ф. Республика Таджикистан и мусульманский мир: особенности сотрудничества (монография). - Душанбе, 2011. - С.17.
11. Усмонзода Х.У. Испытанный временем и проверенный на практике опыт взаимодействия государств Центральной Азии. - Душанбе, 2022. – 240 с.

12. Рахмон Э. О современном мире и основных аспектах внешней политики Республики Таджикистан. - Душанбе, 2019. – 222 с.
13. Саидов З. Таджикистан: межгосударственные отношения в период становления внешней политики: монографическое исследование. - 6-ое, дораб. изд. - Душанбе: Контраст, 2013. - 631 с.
14. Саидов З. Таджикистан: межгосударственные отношения в период становления внешней политики: монографическое исследование. - 7-ое, дораб. изд. - Душанбе: Контраст, 2014. - 635 с.
15. Сафранчук И.А., Лапшин А.В. Российско-таджикские стратегические отношения в контексте трансформации международной системы //Международные отношения и безопасность. - №3 (3). - 2022. - С.63-67.
16. Совместное заседание. Рассмотрены меры о скорейшей нормализации общественно-политической и экономической обстановки // Народная газета. От 18 декабря 1992 года.- №25.
17. Солиев Р. Таджикистан-Европейский Союз: взаимовыгодное партнерство. – Душанбе: ЭР-граф, 2016. - 308 с.
18. Таджикистан и Китай: от исторической дружбы к стратегическому партнерству / под ред. Т.Н. Назарова. - Душанбе: ЭР Граф, 2019. - С.178.
19. Центральная Азия как формирующаяся подсистема международных отношений. Монография / под ред. Курьлева К.П. - М.: Изд.-во «Аспект Пресс», 2024. – 312 с.
20. Юй Чжочао, Грозин А.В. Политика Китая в отношении Центральной Азии.- СПб.: Алетейя, 2018. – 317 с.

FIVE SEGMENTS OF TAJIKISTAN'S FOREIGN POLICY AS A CONCEPTUAL MODEL FOR IMPLEMENTING THE «OPEN DOOR POLICY»

Maitdinova Guzel

Doctor of Historical Sciences, Professor
of the Department of Foreign Regional Studies and Foreign Policy,
Director of the Center for Geopolitical Studies,
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 935 31 63 33 (m.)
guzel-maitdinova@mail.ru

The article is devoted to the analysis of five segments of the foreign policy of the Republic of Tajikistan as a conceptual model for implementing the “open door” strategy. The study substantiates that the segmented approach reflects the structural architecture of the state’s multi-vector foreign policy, formed in the context of post-conflict state-building and high external interdependence. It ensures flexibility, reduces dependency risks, expands the

scope for maneuver, and allows the combination of different foreign policy identities. Each segment performs its own function - stabilization, regional, identity-forming, diversification, and integration - and together they constitute a stable foreign policy configuration. Within this model, the "open door" policy acts as a mechanism for coordinating the segments and ensures the strategic flexibility of Tajikistan's foreign policy. Based on political-institutional and geopolitical analysis, it is shown that each segment - the CIS space, Central Asia, Persian-speaking states, the broader Muslim world, and the global community - plays an independent functional role in ensuring security, diversifying partnerships, shaping the identity dimension of diplomacy, and promoting international integration. The scientific novelty of the study lies in interpreting the five segments as an authorial conceptual model that explains the institutionalization of multi-vectorism and the resilience of small states' foreign policy under conditions of uncertainty.

Keywords: Tajikistan foreign policy; open door policy; multi-vector foreign policy; segmental model; layered foreign policy; small states diplomacy; state building; Central Asia; diplomacy; international relations.

ПАНЧ СЕГМЕНТИ СИЁСАТИ ХОРИЧИИ ТОҶИКИСТОН ҲАМ- ЧУН МОДЕЛИ КОНЦЕПТУАЛИИ АМАЛӢ КАРДАНИ СИЁСАТИ «ДАРҲОИ КУШОДА»

Майтдинова Гузел

доктори илмҳои таърих, профессори
кафедраи минтақашиносии хориҷӣ ва сиёсати хориҷӣ,
директори Маркази тадқиқоти геополитикӣ,
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 935 31 63 33 (м.)
guzel-maitdinova@mail.ru

Мақола ба таҳлили панҷ сегменти сиёсати хориҷии Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳамчун модели концептуалии амалисозии стратегияи «дарҳои кушода» бахшида шудааст. Дар мақола андешае асоснок карда мешавад, ки мувофиқи он муносибати сегментӣ сохтори сиёсати хориҷии бисёрсамтии давлатро, ки дар шароити сохтмони давлатдориро пас аз низоъ ва вобастагии байниҳамдигарии давлатҳо шакл гирифтааст, инъикос менамояд. Он хатарҳои вобастагиро коҳиш медиҳад ва имкон медиҳад, ки ҳувиётҳои гуногуни сиёсати хориҷӣ якҷоя карда шаванд. Ҳар як сегмент вазифаи худро - устуворсозӣ, минтақавӣ, ҳувиётӣ, диверсификатсионӣ ва интегратсионро иҷро намуда, дар маҷмӯъ конфигуратсияи устувори сиёсати хориҷиро ташаккул медиҳад. Сиёсати «дарҳои боз» дар доираи ин модел ҳамчун механизми ҳамохангсозии сегментҳо баромад карда, ҷандирии стратегияи сиёсати хориҷии Тоҷикистонро таъмин менамояд. Дар асоси таҳлили сиёсӣ институционалӣ ва геополитикӣ нишон дода шудааст, ки ҳар як

сегмент - фазои ИДМ, Осиёи Марказӣ, давлатҳои форсизабон, ҷаҳони васеи кишварҳои мусулмонӣ ва ҷомеаи ҷаҳонӣ дар таъмини амният, диверсификатсияи шарикӣ, шаклгирӣи ҷанбаи ҳувиятии дипломатия ва интегратсияи байналмилалӣ нақши функционалии мустақилро иҷро мекунад. Навоварии илмӣ тадқиқот аз таҳлили панҷ сегмент ҳамчун модели концептуалии муаллифӣ иборат аст, ки институтсионализатсияи бисёрсамтӣ ва устувории сиёсати хориҷии давлатҳои хурдро дар шароити номуайяний шарҳ медиҳад.

Калидвожаҳо: сиёсати хориҷии Тоҷикистон; сиёсати «дарҳои кушода»; бисёрсамтӣ; модели сегментӣ; сиёсати хориҷии бисёрсатҳӣ; давлатҳои хурд; сохтмони давлатӣ; Осиёи Марказӣ; дипломатия; муносибатҳои байналмилалӣ.

УДК 327(575.3:476/478)

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
С ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИМИ СТРАНАМИ
ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА**

Шарапов Отабек Мурадович

кандидат политических наук, доцент
кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики
Российско-Таджикский (Славянский) университет,
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде 30
Тел.: (+992) 907 93 94 98 (м.)
omsharopov@mail.ru

В данной научной статье представлен комплексный анализ динамики и ключевых направлений сотрудничества Республики Таджикистан с восточноевропейскими странами Содружества Независимых Государств: Республикой Беларусь, Республикой Молдова и Украиной - в период с момента распада СССР по сегодняшний день. Автор исследует эволюцию нормативно-правовой базы двусторонних отношений Таджикистана с указанными государствами, особенности развития политического диалога, а также актуальные проблемы и перспективы экономического сотрудничества и культурно-гуманитарного взаимодействия.

Особое внимание в работе уделено стратегическому партнерству Таджикистана и Беларуси как наиболее успешному примеру развития двусторонних связей республики с восточноевропейским регионом Содружества Независимых Государств. В статье проанализированы вызовы, вызванные современной геополитической турбулентностью, и предложены возможные пути дальнейшего укрепления межгосударственных контактов в различных областях. Автором также предпринята попытка прогнозирования ключевых направлений и перспектив развития отношений на постсоветском пространстве.

Важно отметить, что в границы данного исследования не вошли вопросы многостороннего взаимодействия Таджикистана с вышеуказанными странами в рамках международных и региональных организаций, несмотря на их совместное членство в ряде интеграционных объединений.

Ключевые слова: отношения; СНГ; взаимодействие; внешняя политика; стратегическое партнерство; экономическое сотрудничество; сфера; образование; наука; культура; межрегиональные связи.

К восточноевропейским странам Содружества Независимых Государств (СНГ) на современном этапе относят Республику Беларусь, Республику Молдова и Украину. Прибалтийские республики - Латвию, Литву и Эстонию - нельзя отнести к указанному ряду стран, так как данные государства после обретения независимости не были заинтересованы в участии в интеграционных процессах на постсоветском пространстве. Изначально выбрав путь сближения с Европейским союзом и Организацией Североатлантического договора (НАТО), впоследствии они стали полноправными членами данных объединений.

В первые годы после распада Советского Союза Республикой Таджикистан со всеми вышеуказанными государствами были установлены дипломатические отношения. Тем не менее взаимоотношения Таджикистана с восточноевропейскими странами постсоветского пространства за период с момента исчезновения советского государства и по сегодняшний день развивались неравномерно. Так, например, таджикско-белорусское сотрудничество в двустороннем и многостороннем форматах в рамках международных и региональных организаций достигло уровня стратегического партнерства. Более того, в перспективе возможным может стать и союзнический характер данного партнерства. В то же время нельзя сказать, что за указанный период таджикско-молдавские отношения развивались столь же активно, что обусловлено целым рядом факторов. Таджикско-украинские взаимоотношения, не будучи интенсивными в первые годы независимости, получили определенный импульс в 2010-е гг., однако на современном этапе в силу внутривнутриполитической обстановки на Украине последних лет и внешнеполитического фона носят практически замороженный характер. В этом контексте важно отметить, что связи Таджикистана с указанными государствами и в советский период выстраивались по-разному, что естественным образом сказалось на сотрудничестве республики с восточноевропейскими странами Содружества на современном этапе. В целом существует необходимость и научная актуальность в более тщательном изучении и анализе развития взаимоотношений Республики Таджикистан с восточноевропейскими государствами - участниками СНГ в период независимости.

Дипломатические отношения Таджикистана и Беларуси были установлены 5 сентября 1996 г. Посольство Республики Таджикистан в Минске функционирует с 1997 г. [12]. Открытие дипломатического представительства в Минске уже на следующий год после установления официальных отношений между государствами демонстрирует значимость белорусского вектора во внешней политике Таджикистана. В этом контексте необходимо упомянуть, что полноценное развитие таджикско-белорусских связей соответствует национальным интересам обеих стран. В то же время следует отметить, что Посольство Республики Беларусь в Душанбе начало функци-

онировать лишь с марта 2011 г., что было связано с объективными обстоятельствами.

Одним из значимых результатов успешного развития таджикско-белорусского взаимодействия является солидная правовая база двусторонних отношений, сформированная за годы сотрудничества. Так, согласно официальным данным сайта Министерства иностранных дел Республики Таджикистан, за период развития таджикско-белорусских взаимоотношений между странами подписано более 100 межгосударственных документов по самым различным направлениям взаимовыгодного партнерства. Среди них - политический диалог, торгово-экономические связи, культурно-гуманитарное взаимодействие и другие сферы совместных усилий Таджикистана и Беларуси, представляющие интерес для двух государств. Важнейшими двусторонними правовыми актами, на базе которых развиваются взаимоотношения наших стран, являются Договор о дружбе и сотрудничестве (подписан 5 апреля 2000 г.) и Договор о стратегическом партнерстве (подписан 27 июня 2019 г.) [12]. Таким образом, стратегическое партнерство Таджикистана и Беларуси закреплено не только на практике, но и в правовом отношении.

Стоит отметить, что в рамках развития таджикско-белорусского сотрудничества на регулярной основе происходит обмен визитами делегаций двух государств различных уровней. Так, только за последние годы Президент Республики Беларусь А.Г.Лукашенко дважды посетил Республику Таджикистан с официальными визитами (в 2018 и 2022 гг.), а Президент Республики Таджикистан Э.Рахмон посетил Республику Беларусь с официальным визитом в 2019 г. Количество рабочих визитов глав двух государств, в том числе с целью участия в работе саммитов региональных организаций, участниками которых являются Таджикистан и Беларусь, еще больше. Итогами обмена официальными визитами на уровне глав государств всегда являются, помимо прочего, подписание и принятие целого ряда важнейших двусторонних документов взаимовыгодного партнерства. К примеру, в ходе последнего на данный момент визита А.Г.Лукашенко в Душанбе 11–12 октября 2022 г. между странами были подписаны Дорожная карта двустороннего сотрудничества на 2022–2026 гг., а также Соглашение о системе содействия взаимной торговле [12].

Политический диалог двух стран активно развивается не только в формате контактов глав государств, но и в рамках межпарламентского партнерства, а также взаимодействия профильных государственных органов, министерств и ведомств. Так, по линии межпарламентской Группы дружбы осуществляется тесное сотрудничество Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан и Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь. Кроме того, на регулярной ос-

нове происходит обмен визитами парламентских делегаций в рамках мероприятий, проводимых в обеих республиках. В контексте политического диалога укрепляются связи по линии министерств иностранных дел: проводятся консультации глав внешнеполитических ведомств и их структурных подразделений. Помимо этого, следует отметить, что диалог руководителей Таджикистана и Беларуси продолжается и в формате саммитов СНГ, ОДКБ, ШОС и других интеграционных структур, участниками которых являются оба государства.

С 1999 г. по сегодняшний день действует Межправительственная комиссия по вопросам торгово-экономического сотрудничества Таджикистана и Беларуси, в рамках которой реализуется экономическое взаимодействие двух стран. На данный момент проведено семнадцать заседаний комиссии, способствующей укреплению двусторонних торгово-экономических связей. Основными векторами экономического партнерства являются торговля, транспорт, сельское хозяйство и промышленность. В рамках сотрудничества государств проводятся Деловые форумы, сопровождающиеся выставками товаров промышленных предприятий и сельскохозяйственной техники. Положительное влияние на динамику взаимодействия оказывают межрегиональные связи. В этой связи следует отметить успешное развитие сотрудничества городов и областей Республики Таджикистан с Минской и Витебской областями Республики Беларусь, а также с городами Минском и Могилевом.

За годы независимости успешно развиваются таджикско-белорусские связи в области образования и культуры. На современном этапе (по состоянию на 2024–2026 гг.) в высших учебных заведениях Республики Беларусь обучаются порядка 600 таджикских студентов. Белорусская сторона на ежегодной основе выделяет Таджикистану квоты для обучения в своих университетах. Кроме того, с 2018 года в Таджикском техническом университете имени академика М. С. Осими действует совместный с Белорусским национальным техническим университетом (БНТУ) инженерно-технический факультет, который играет важную роль в подготовке квалифицированных кадров для экономики Таджикистана [17].

В рамках таджикско-белорусского сотрудничества приоритетное значение придается развитию культурно-гуманитарных связей. В целях укрепления межкультурного диалога в обоих государствах на регулярной основе проводятся Дни культуры. Так, значимым событием в двусторонних отношениях стали Дни культуры Республики Беларусь в Таджикистане, прошедшие в 2024 году, которые способствовали дальнейшему сближению народов и популяризации национального искусства.

В целом можно отметить, что за годы независимости таджикско-белорусские отношения развиваются динамично и успешно как на двусто-

роннем, так и на многостороннем уровнях. Сотрудничество Таджикистана и Беларуси охватывает самые разные направления: от политики и экономики до культуры и образования. Таджикско-белорусское партнерство является примером стабильных, бесконфликтных и конструктивных отношений на постсоветском пространстве.

Дипломатические отношения Таджикистана и Украины были установлены 24 апреля 1992 г. Посольство Республики Таджикистан в Киеве функционирует с декабря 2010 г., а Посольство Украины в Душанбе - с 2012 г.. За годы развития двустороннего взаимодействия было подписано более 85 межгосударственных, межправительственных и межведомственных документов. Основополагающим среди них является Договор о дружбе и сотрудничестве от 6 июля 2001 г. [5].

За период развития таджикско-украинских отношений состоялось четыре визита Президента Таджикистана в Украину, последний из которых прошел в июле 2012 года. За указанный период руководители Украины посещали Таджикистан с официальными визитами трижды. Последний такой визит также состоялся много лет назад - в 2011 году. В ходе данных встреч рассматривались вопросы взаимодействия в области энергетики, создания совместных промышленных предприятий, производства электрооборудования, а также добычи и переработки природных ресурсов и сельскохозяйственной продукции.

Межпарламентские связи Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан и Верховной Рады Украины реализуются в рамках деятельности депутатских групп дружбы и сотрудничества. Кроме того, на периодической основе поддерживается политический диалог и проводятся консультации между руководством и структурными подразделениями министерств иностранных дел двух стран. В ходе этих встреч происходит обмен мнениями по вопросам двустороннего и многостороннего взаимодействия, представляющим взаимный интерес, с акцентом на их дальнейшую реализацию. Так, 4 февраля 2020 г. в Киеве состоялись первые политические консультации между структурными подразделениями внешнеполитических ведомств Таджикистана и Украины, а последние на данный момент консультации прошли 30 апреля 2024 г. [11].

Торгово-экономические отношения Таджикистана и Украины регулируются рядом межправительственных документов, одним из которых является Соглашение о зоне свободной торговли. Кроме того, с 2003 г. действует Межправительственная комиссия по вопросам экономического сотрудничества, которая играет важную роль в развитии двустороннего и научно-технического партнерства. По состоянию на 2026 г. состоялось шесть заседаний комиссии (последнее прошло в октябре 2021 г. в виртуальном формате). В 2011 г. был создан украинско-таджикский Деловой совет, призван-

ный содействовать прямым контактам между предпринимательскими кругами двух стран.

В рамках экономического сотрудничества Таджикистана и Украины важное место занимает сфера энергетики. Так, только в 2012 г. за счет крупных поставок украинского гидроэнергетического оборудования товарооборот двух стран составил более 100 млн долларов [9]. На Нурекской ГЭС, как известно, по-прежнему эксплуатируется машиностроительное и гидроэнергетическое оборудование из Украины. Кроме того, первые два агрегата Рогунской ГЭС (№6 и №5), обеспечивающие республику электроэнергией, были укомплектованы оборудованием украинского производства, в частности турбинами и генераторами заводов «Турбоатом» и «Электротяжмаш». В то же время на данный момент реализация новых крупных контрактов в гидроэнергетической области затруднена, так как на динамику товарооборота (составившего по итогам 2024 г. около 21,1 млн долларов) [2] влияют геополитические события последних лет в Украине и регионе в целом.

В контексте развития двусторонних отношений укрепляется и межрегиональное взаимодействие административно-хозяйственных единиц Таджикистана и Украины. Так, достигнуты договоренности и подписаны меморандумы о торгово-экономическом, гуманитарном и научно-техническом взаимодействии между рядом областей Таджикистана и Украины. Например, Днепропетровская область имеет соглашение с Согдийской областью, а Харьковская область - с Хатлонской. Однако имеющийся потенциал используется не в полной мере.

В рамках культурно-гуманитарного сотрудничества Таджикистана и Украины в высших учебных заведениях Украины осуществляется подготовка кадров из числа таджикских граждан, прежде всего инженерно-технических специальностей. На ежегодной основе Украиной выделяется порядка 20 стипендий за счет государственного бюджета для обучения студентов из Таджикистана. Все места предоставляются в престижных учебных заведениях страны. Стоит отметить, что в 2021 г. в ходе визита в Таджикистан министра образования и науки Украины С. Шкарлета было подписано порядка 130 прямых университетских соглашений [18]. Однако с учетом внутренней обстановки на Украине в последние годы число таджикских студентов в учебных заведениях страны сократилось.

Ранее в рамках культурно-гуманитарного сотрудничества проводились Дни культуры Украины в Таджикистане, а также Дни культуры Таджикистана в Украине. Между академиями наук двух государств подписана Программа сотрудничества, которая остается одним из ключевых направлений взаимодействия по линии гуманитарных наук.

Таким образом, можно отметить, что именно на 2010–2014 гг. приходится пик развития двусторонних отношений Таджикистана и Украины. В дальнейшем, в связи со значительными изменениями внутривнутриполитической обстановки в Украине, уровень и темпы развития таджикско-украинских взаимоотношений стали значительно снижаться.

Дипломатические отношения Таджикистана и Молдовы были установлены 26 января 1993 г. [10]. Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Таджикистан в Республике Молдова осуществляет свою деятельность по совместительству с резиденцией в Киеве, а посол Молдовы в Таджикистане - с резиденцией в Москве.

С момента установления официальных отношений и по сегодняшний день таджикско-молдавское двустороннее и многостороннее сотрудничество базируется на основах взаимодействия, заложенных еще в период пребывания стран в составе единого советского государства и в первые годы после обретения независимости. Так, договорно-правовая база сотрудничества Таджикистана и Молдовы на современном этапе составляет всего двадцать документов, регулирующих различные аспекты двусторонних отношений. Одним из основополагающих документов, на которых зиждется таджикско-молдавское взаимодействие, является Договор о дружбе и сотрудничестве от 7 ноября 2002 г. Столь малое количество принятых совместных актов характеризует невысокую динамику развития таджикско-молдавских связей на протяжении всего периода сотрудничества. Кроме того, возможная денонсация Молдовой соглашений, принятых в рамках Содружества Независимых Государств, также может негативно сказаться на дальнейшем развитии взаимоотношений двух государств.

В целом взаимоотношения Таджикистана с Молдовой основываются на близости позиций по отдельным международным проблемам. Кроме того, отмечается взаимная поддержка внешнеполитических инициатив в формате сотрудничества в рамках региональных и международных организаций, в состав которых входят оба государства. Между странами на периодической основе осуществляются политические контакты на высшем и высоком уровнях. Так, например, в ноябре 2002 г. Таджикистан с официальным визитом посетил Президент Молдовы В. Воронин [10]. По итогам данного визита был принят ряд документов межгосударственного, межправительственного и межведомственного характера, ставший базой для дальнейшего развития взаимодействия двух государств в различных областях.

Ряд двусторонних встреч глав Таджикистана и Молдовы состоялся в ходе заседаний Совета глав государств СНГ. В этом контексте следует отметить, что Молдова пока остается участником данного объединения. В сентябре 2018 г. в Душанбе «на полях» саммита глав государств - участников Содружества состоялась встреча лидеров двух государств, в ходе кото-

рой обсуждалась заинтересованность стран в развитии и укреплении двусторонних отношений в области экономики, сельского хозяйства, транспорта, туризма и образования. Очередная встреча лидеров Таджикистана и Молдовы состоялась в ходе Саммита глав государств СНГ в октябре 2019 г. в Ашхабаде. В ходе встречи была выражена заинтересованность в увеличении объемов торговли, налаживании экспорта сухофруктов и меда из Таджикистана в Молдову, совместном развитии сфер животноводства и ветеринарии, а также в обмене опытом по выращиванию винограда. Таким образом, ключевыми темами в таджикско-молдавских отношениях являются прежде всего вопросы взаимодействия в сфере экономики и развития взаимной торговли [10].

26 января 2023 г. исполнилось тридцать лет с момента установления дипломатических отношений Таджикистана и Молдовы. В связи с этим, а также в целях дальнейшего укрепления сотрудничества Таджикистана и Молдовы, в марте 2023 г. состоялись политические консультации представителей внешнеполитических ведомств двух государств в онлайн-формате на уровне руководителей структурных подразделений, а также межведомственные консультации по инвентаризации правовой базы сотрудничества [10].

С 2004 г. в рамках взаимоотношений Таджикистана и Молдовы действует Межправительственная комиссия по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству, являющаяся важным координирующим элементом развития взаимодействия. В целом на данный момент проведено четыре заседания комиссии. Последнее заседание Межправкомиссии состоялось в апреле 2023 г. в онлайн-формате с целью рассмотрения состояния таджикско-молдавского сотрудничества, а также перспектив его развития в торгово-экономической, гуманитарной и научно-технической сферах.

В рамках торгово-экономического взаимодействия Таджикистана и Молдовы развивается сотрудничество торгово-промышленных палат двух стран. Так, 13 ноября 2024 г. состоялась онлайн-встреча руководителей торгово-промышленных палат Таджикистана и Молдовы, в ходе которой были рассмотрены вопросы организации и проведения выставок достижений народного хозяйства в обеих странах.

В целом можно констатировать, что таджикско-молдавские отношения, несмотря на прошедшие десятилетия, всё еще находятся в стадии становления. Это обусловлено в том числе географической удаленностью государств друг от друга, их схожим экономическим потенциалом, а также проевропейским вектором как приоритетным направлением внешнеполитического развития современной Молдовы.

Литература

1. Алимов Б.Х., Рахимов К.Х., Салимзода К.Х. Стратегическое партнерство Таджикистана со странами СНГ: на примере России, Казахстана и Узбекистана // Постсоветские исследования. - 2024. - Т. 7. - № 7. - С. 714-724.
2. Внешнеэкономическая деятельность Республики Таджикистан: Статистический ежегодник – 2025. - Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2025. - С. 118–120.
3. Внешняя политика Таджикистана: прошлое и настоящее /Под ред. Х. Зарифи. – Душанбе: Ирфон, 2012. – 296 с.
4. Гафуров А. Научные связи Таджикистана и Украины в период независимости // Вестник Таджикского национального университета. - 2015. - № 3-3 (166). - С. 20–25.
5. За 28 лет дипотношений Таджикистан и Украина создали правовую базу на основе 85 межгосударственных соглашений // Диалог: [сайт]. – URL: <https://dialog.tj/za-28-let-dipotnosheniy-tadzhikistan-i-ukraina-sozdali-pravovuyu-bazu-na-osnove-85-mezhgosudarstvennyh-soglasheniy--mid-rt/> (дата обращения: 21.01.2026).
6. Концепция внешней политики Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. - URL: <https://mfa.tj/ru/main/view/4255/kontseptsiya-vneshnei-politiki-respubliki-tadzhikistan> (дата обращения: 25.01.2026).
7. Майтдинова Г.М. Таджикистан в геополитической структуре Центральной Евразии в середине второго десятилетия XXI века: монография. - Душанбе: РТСУ, 2020. - 455 с.
8. Махмадов А.Н., Хопёрская Л.Л. Современный Таджикистан: диалектика независимости и интеграции (политико-правовой анализ). - Душанбе: ОАО «Чопхонаи Дониш», 2016. - 363 с.
9. Никитюк В.О. Имеющийся потенциал таджикско-украинских отношений использован далеко не полностью//Иктисодчи. - 2016. - №2(2). - URL: <https://tajikistan.mfa.gov.ua/news/5064-vo-nikityuk-imejushhijsya-potencial-tadzhiksko-ukrainskih-otnoshenij-ispolyzovan-daleko-ne-polnostyuju> (дата обращения: 29.01.2026).
10. О сотрудничестве Республики Таджикистан с Республикой Молдова [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Таджикистан. – URL: <https://mfa.tj/ru/main/view/139/otnosheniya-tadzhikistana-s-respublikoi-moldova> (дата обращения: 31.01.2026.).
11. О сотрудничестве Республики Таджикистан с Украиной [Электронный ресурс]. – URL: <https://mfa.tj/ru/main/view/144/otnosheniya-tadzhikistana-s-ukrainoi> (дата обращения: 09 февраля 2026 г.).
12. Отношения Республики Таджикистан с Республикой Беларусь [Электронный ресурс]. - URL: <https://mfa.tj/ru/main/view/136/otnosheniya-tadzhikistana-s-belarusi> (дата обращения: 31.01.2026).
13. Пайвандов Х. Сотрудничество Республики Таджикистан со странами СНГ. - Душанбе, 2007. - 356 с.
14. Ризоён Ш.Ш. Национальные интересы во внешней политике Республики Таджикистан в условиях глобальных и региональных процессов: монография. - Душанбе, 2021. - 250 с.

15. Саидов З.Ш. (Сайидзода Зафар). Внешняя политика Республики Таджикистан на современном этапе (1992–2005 гг.). - Душанбе: Авесто, 2006. - 560 с.
16. Сайидзода З. 25 лет внешней политики Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона (1992–2017 гг.): исторические аспекты становления и развития: монография. - Душанбе: Контраст, 2020. - 336 с.
17. Таджикистан и СНГ: путь к углублению экономической интеграции // Материалы конференций РТСУ. - Душанбе: РТСУ, 2024. – 180 с.
18. Таджикистан и Украина: 30 лет сотрудничества [Электронный ресурс]. – URL: <https://avesta.tj/2022/04/26/tadzhikistan-i-ukraina-30-let-sotrudnichestva-video/> (дата обращения: 11 февраля 2026 г.).
19. Шарипов А., Кошонова М. Армения, Молдова и Таджикистан: возможно ли взаимодействие с Таможенным союзом и Единым экономическим пространством без вступления? // Экономика региона. - 2014. - № 3 (39). - С. 234–244.
20. Якимов А.Н. Регулирование миграционных процессов в СНГ, ЕАЭС и Российской Федерации. - СПб.: L-Print, 2021. - 64 с.

COOPERATION BETWEEN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN AND THE EASTERN EUROPEAN COUNTRIES OF THE POST-SOVIET SPACE

Sharapov Otabek Muradovich

Candidate of political science, Associated professor
of the Department of Foreign Regional Studies and Foreign Policy
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 907 93 94 98 (m.)
omsharopov@mail.ru

This scientific article presents a comprehensive analysis of the dynamics and key areas of cooperation between the Republic of Tajikistan and the Eastern European countries of the Commonwealth of Independent States - the Republic of Belarus, the Republic of Moldova and Ukraine in the period after the collapse of the USSR and to the present day. The author examines the evolution of the regulatory framework of the bilateral relations of the Republic of Tajikistan with these states, the specifics of the development of political dialogue, the problems and prospects of economic cooperation, the main directions of cultural and humanitarian cooperation. Special attention in this article is paid to the study of the strategic partnership between Tajikistan and Belarus as the most successful example of the development of bilateral relations between the republic and the Eastern European countries of the Commonwealth. The article also analyzes the problems of bilateral relations caused by modern geopolitical turbulence, and suggests possible ways to further develop cooperation between the republic and these countries in various fields. The author also made an attempt to predict possible directions and prospects for the development of bilateral relations between the republic and the

Eastern European states of the post-Soviet space. It is important to note that the scope of the study of this article does not include issues of multilateral cooperation between Tajikistan and the above-mentioned countries within the framework of international and regional organizations, despite the fact that our countries are members of a number of different associations.

Keywords: elations; CIS; interaction; foreign policy; strategic partnership; economic cooperation; sphere; education; science; culture; interregional ties.

МУНОСИБАТҲОИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН БО КИШВАРҲОИ АВРУПОИ ШАРҚИИ ПАСОШҶУРАВӢ

Шарапов Отабек Муродович

номзади илмҳои сиёсӣ, дотсенти

кафедраи минтақашиносии хориҷӣ ва сиёсати хориҷии

Донишгоҳи Славянии Россия ва Тоҷикистон,

734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30

Тел.: (+992) 907 93 94 98 (м.)

omsharopov@mail.ru

Дар мақолаи илмӣ мазкур таҳлили ҳамаҷонибаи рушд ва самтҳои асосии ҳамкориҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон бо кишварҳои Аврупои Шарқии Иттиҳоди Давлатҳои Мустақил - Ҷумҳурии Беларус, Ҷумҳурии Молдова ва Украина - дар давраи пас аз пошхӯрии Иттиҳоди Шӯравӣ то рӯзҳои мо пешниҳод шудааст. Муаллиф таҳаввули заминаҳои меъёрию ҳукукии муносибатҳои дучонибаи Тоҷикистон бо давлатҳои зикршуда, хусусиятҳои рушди муколамаи сиёсӣ, инчунин мушкилот ва дурнамои ҳамкориҳои иқтисодӣ ва робитаҳои фарҳангии гуманитариро мавриди пажӯҳиш қарор медиҳад.

Дар мақола ба шарикӣ стратегӣ Тоҷикистон ва Беларус ҳамчун намунаи муваффақтарини рушди робитаҳои дучонибаи ҷумҳурӣ бо минтақаи Аврупои Шарқии Иттиҳоди Давлатҳои Мустақил таваҷҷуҳи хосса зоҳир шудааст. Дар мақола мушкилоте, ки бар асари низоъҳои муосири геополитикӣ ба вучуд омадаанд, таҳлил гардида, роҳҳои эҳтимолии таҳкими минбаъдаи алоқаҳои байнидавлатӣ дар соҳаҳои гуногун пешниҳод шудаанд. Инчунин, аз ҷониби муаллиф кӯшиши пешгӯии самтҳои калидӣ ва дурнамои рушди муносибатҳо дар фазои пасошӯравӣ сурат гирифтааст.

Қайд кардан зарур аст, ки масъалаҳои ҳамкориҳои бисёрҷонибаи Тоҷикистон бо кишварҳои дар боло зикршуда дар доираи созмонҳои байналмилалӣ ва минтақавӣ, сарфи назар аз узвияти муштаракӣ онҳо дар як қатор иттиҳодияҳои интегратсионӣ, ба доираи таҳқиқоти мақолаи мазкур дохил нашудаанд.

Калидвожаҳо: муносибатҳо; ИДМ; ҳамкорӣ; сиёсати хориҷӣ; шарикӣ стратегӣ; ҳамкориҳои иқтисодӣ; соҳа; маориф; илм; фарҳанг; робитаҳои байнидавлатӣ.

УДК 327:351.86(575.3+470)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УГРОЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Хакимов Мирзовали Кодирович

кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой международных отношений и дипломатии
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 987 77 46 50 (м.)
mirzovali@mail.ru

В статье представлен развернутый сравнительный анализ угроз национальной безопасности Республики Таджикистан и Российской Федерации в условиях трансформации современной международной системы и формирования полицентричной структуры мирового порядка. Исследование опирается на комплексный подход, учитывающий взаимосвязь военно-политических, социально-экономических, информационных и гуманитарных факторов, определяющих стратегические приоритеты двух государств.

В отношении Республики Таджикистан особое внимание уделяется афганскому фактору как ключевому источнику трансграничных рисков, включая распространение экстремистских идеологий, деятельность террористических группировок и незаконный оборот наркотических средств. Рассматриваются внутренние социально-экономические вызовы, среди которых значительная роль отводится внешней трудовой миграции, продовольственной зависимости, ограниченности ресурсной базы и необходимости модернизации системы здравоохранения. Подчеркивается взаимосвязь экономической устойчивости, социальной стабильности и гуманитарной безопасности.

В отношении Российской Федерации анализируются вызовы, формирующиеся в условиях глобальной стратегической конкуренции. Рассматриваются факторы военно-политического противостояния, расширения военно-политических альянсов, санкционного давления, киберугроз и информационных воздействий. Особое место занимает проблематика технологического суверенитета, защиты критической инфраструктуры и обеспечения экономической самостоятельности в условиях внешних ограничений.

Отдельный раздел посвящён общим для двух государств транснациональным угрозам, включая международный терроризм, экстремизм и организованную преступность. Делается вывод о различии масштабов и характера рисков: для Таджикистана они носят преимущественно региональный характер, тогда как для России - системный и глобальный. Подчеркивается значение координации усилий в рамках многосторонних

форматов сотрудничества, прежде всего в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), как важного инструмента укрепления устойчивости государств и противодействия современным вызовам в сфере безопасности.

Ключевые слова: национальная безопасность; Республика Таджикистан; Российская Федерация; геополитическое противостояние; афганский фактор; международный терроризм; экономическая безопасность.

Сопоставление приоритетов национальной безопасности Республики Таджикистан и Российской Федерации требует учета как глобального контекста трансформации мировой политической системы, так и особенностей региональной среды, в которой функционируют оба государства. Современный этап международных отношений характеризуется ростом стратегической конкуренции, фрагментацией глобальных институтов, усилением санкционных режимов, цифровизацией конфликтов и распространением нестабильности из зон хронической турбулентности. В этих условиях вопросы безопасности приобретают комплексный характер, охватывая военные, политические, экономические, информационные и социокультурные измерения.

Глобальная обстановка последних лет демонстрирует смещение баланса сил, обострение противоречий между крупными центрами влияния, активизацию гибридных инструментов давления и расширение спектра нетрадиционных угроз. Международный терроризм, транснациональная преступность, незаконный оборот наркотиков, кибератаки, информационные кампании и попытки вмешательства во внутренние процессы государств формируют новую архитектуру рисков. На этом фоне усиливается значение региональных механизмов коллективной безопасности и двустороннего сотрудничества.

Для Таджикистана ключевое значение имеет южное направление, обусловленное протяжённой границей с Афганистаном и сохраняющейся нестабильностью в сопредельной зоне. Географическое положение республики делает её одним из передовых рубежей Центральной Азии в контексте угроз трансграничного экстремизма, радикализации, нелегальной миграции и наркотрафика [20]. Внутренние вызовы также связаны с необходимостью поддержания социально-экономической устойчивости, предотвращения распространения деструктивных идеологий и укрепления институциональных возможностей силовых структур. Таким образом, безопасность Таджикистана во многом носит превентивный и приграничный характер, опираясь на укрепление рубежей, сотрудничество в рамках региональных форматов и развитие систем раннего реагирования.

Россия, обладая статусом крупной державы и значительным военно-политическим потенциалом, сталкивается с иным масштабом угроз. Внешнеполитическая конфронтация, расширение военно-политических блоков, санкционное давление и борьба за сферы влияния формируют для неё стратегическую среду повышенной напряжённости. Суверенитет и стратегическая автономия рассматриваются как ключевые элементы национальной безопасности. Одновременно возрастает значение киберпространства как новой арены противоборства, где информационные атаки, технологические ограничения и цифровой шпионаж становятся инструментами геополитической конкуренции [17].

Несмотря на различие масштабов и акцентов, существует значительный пересекающийся сегмент угроз. Обе страны рассматривают международный терроризм как системный вызов, способный дестабилизировать общественно-политическую ситуацию и подорвать устойчивость государственных институтов [3]. Для России это проявляется как в виде угрозы возвращения радикализированных лиц из зон конфликтов, так и в риске терактов на собственной территории. Для Таджикистана - в потенциальной инфильтрации экстремистских групп через южные границы и распространении радикальной пропаганды среди уязвимых социальных групп.

Кроме того, обеим странам приходится учитывать экономические риски, связанные с глобальными кризисами, нарушением логистических цепочек, энергетической трансформацией и изменением мировых рынков. Экономическая устойчивость напрямую влияет на способность государства финансировать оборону, социальные программы и модернизацию инфраструктуры безопасности [8].

Сравнительный анализ угроз позволяет выявить как различия в стратегическом положении и приоритетах Таджикистана и России, так и общие направления противодействия современным вызовам.

Южное направление традиционно рассматривается в качестве одного из наиболее чувствительных элементов системы национальной безопасности Республики Таджикистан. Протяжённая таджикско-афганская граница, проходящая преимущественно по труднодоступным горным и речным участкам, формирует объективные предпосылки для возникновения трансграничных рисков. Изменение политической конфигурации в Афганистане, сохраняющаяся фрагментарность управления на местах, а также присутствие различных вооружённых и радикальных структур усиливают неопределённость в приграничной зоне и повышают вероятность нестабильности.

Афганский фактор проявляется прежде всего в угрозе проникновения экстремистских идеологий и возможной инфильтрации радикально

настроенных групп на территорию Таджикистана [15]. В условиях социально-экономических трудностей и информационной открытости региона деструктивные идеи могут распространяться посредством сетевых коммуникаций, религиозной пропаганды и неформальных трансграничных связей. Речь идёт не только о физическом пересечении границы, но и о влиянии через информационное пространство, что требует комплексных мер противодействия - от усиления пограничной инфраструктуры до профилактической работы с населением.

Не менее значимым элементом афганского фактора остаётся наркотрафик. Афганистан на протяжении десятилетий сохраняет позиции одного из крупнейших мировых производителей опиатов, а географическое положение Таджикистана делает его частью северного маршрута транзита наркотических веществ. Незаконный оборот наркотиков представляет собой не только криминальную проблему, но и серьёзный вызов государственным институтам, поскольку способствует формированию теневых финансовых потоков, подпитывающих организованную преступность и потенциально экстремистские структуры. Таким образом, наркотрафик оказывает комплексное воздействие на экономическую, социальную и правовую устойчивость государства [23].

Следует учитывать и демографический, и гуманитарный аспекты приграничной динамики. Возможные волны вынужденной миграции из Афганистана, вызванные обострением внутренней ситуации, создают дополнительные нагрузки на инфраструктуру и систему социального обеспечения приграничных районов. При отсутствии достаточных ресурсов это может усиливать локальную напряжённость и осложнять управление территорией.

В совокупности афганский фактор выступает многослойным вызовом, затрагивающим военную, правоохранительную, социально-экономическую и информационную сферы. Ответ на данные угрозы предполагает укрепление пограничной службы, развитие межгосударственного и регионального сотрудничества, а также реализацию программ социально-экономической поддержки приграничных территорий. Комплексный характер рисков требует не только силовых мер, но и долгосрочной стратегии устойчивого развития, направленной на снижение уязвимости общества к внешнему дестабилизирующему воздействию [15].

Современная система национальной безопасности Республики Таджикистан не ограничивается исключительно военными и правоохранительными аспектами. Существенное значение приобретают социально-экономические факторы, напрямую влияющие на устойчивость государства, внутреннюю стабильность и способность противостоять внешним и

внутренним угрозам. В данном контексте особую роль играют процессы трудовой миграции, вопросы продовольственной обеспеченности и состояние системы здравоохранения.

За последние десятилетия внешняя трудовая миграция фактически превратилась в один из устойчивых элементов хозяйственного уклада республики. Переводы граждан, работающих за рубежом, занимают весомое место в структуре валового внутреннего продукта, поддерживают потребительский спрос и позволяют многим семьям сохранять приемлемый уровень жизни. В периоды экономической турбулентности именно эти средства нередко выполняют роль своеобразной «подушки безопасности», смягчая социальное напряжение [23].

Одновременно чрезмерная опора на внешние рынки труда формирует зависимость, чувствительную к внешним факторам. Изменения миграционных правил в принимающих странах, колебания валютных курсов, санкционные ограничения или региональные конфликты непосредственно отражаются на доходах домохозяйств внутри страны. Снижение объёма переводов или сокращение числа выезжающих работников неизбежно влияет на уровень занятости, внутренний спрос и наполняемость бюджета. В долгосрочном измерении подобные процессы способны перерасти в источник экономических и социальных дисбалансов [13].

Миграция затрагивает не только финансовую сферу. Продолжительное отсутствие трудоспособных мужчин и женщин в местах постоянного проживания меняет привычную структуру семейных отношений, усиливает нагрузку на оставшихся членов семьи, прежде всего на женщин и пожилых родственников. Возникают сложности в воспитании и социализации подростков, формируется риск разрыва поколенческих связей. В неблагоприятных условиях это может способствовать социальной разобщённости и повышенной восприимчивости части молодёжи к девиантным либо радикальным влияниям.

Тем самым миграционные процессы выступают многослойным вызовом, охватывающим одновременно экономическую устойчивость и гуманитарную сферу, и требуют взвешенной государственной политики, ориентированной на снижение уязвимостей и расширение внутренних возможностей развития.

Одним из ключевых условий долгосрочной стабильности выступает гарантированное обеспечение населения продовольствием. Природно-климатические особенности страны, ограниченный фонд пригодных для обработки земель и зависимость сельского хозяйства от водных ресурсов объективно сдерживают возможности полного самообеспечения. По ряду позиций внутренний рынок опирается на импорт, что делает его уязвимым

к изменениям мировой конъюнктуры, колебаниям цен и перебоям в логистике. В периоды глобальной нестабильности или нарушения торговых маршрутов подобная зависимость способна провоцировать ускорение инфляции, снижение реальных доходов граждан и усиление социальной напряжённости. В этой связи особое значение приобретают меры по повышению эффективности аграрного производства, обновлению ирригационной инфраструктуры, расширению круга внешних поставщиков и созданию продовольственных резервов, рассчитанных на чрезвычайные ситуации [13].

Состояние системы здравоохранения также напрямую связано с уровнем национальной безопасности. Опыт недавних пандемий показал, что распространение инфекционных заболеваний способно парализовать экономическую активность и существенно изменить привычные социальные процессы. Для Таджикистана приоритетными остаются укрепление материально-технической базы медицинских учреждений, обеспечение равного доступа к медицинской помощи в горных и отдалённых районах, подготовка профессиональных кадров и совершенствование санитарно-эпидемиологического надзора. Слабость медицинской системы чревата ростом заболеваемости и смертности, сокращением трудоспособного населения и увеличением бюджетных расходов на экстренные меры, что в совокупности негативно отражается на общем потенциале развития государства.

Прочность внутреннего устройства государства во многом определяет его способность отвечать на внешние вызовы. Для Республики Таджикистан вопрос общественно-политической стабильности имеет не абстрактный, а практический характер, учитывая пережитые в прошлом кризисные периоды и сложную социальную ткань общества. Сохранение согласия и управляемости остаётся стратегической задачей, напрямую связанной с безопасностью страны.

Серьёзным препятствием на этом пути выступает коррупция. Она не только искажает работу институтов, но и снижает доверие граждан к власти, затрудняет приток инвестиций и тормозит реализацию государственных программ. Когда решения воспринимаются как зависимые от неформальных связей, усиливается ощущение несправедливости и отчуждения. Со временем подобные настроения способны перерасти в политическую уязвимость, поскольку государству становится сложнее консолидировать общество и мобилизовать ресурсы в условиях внешнего давления [13].

Не меньшую угрозу представляет распространение радикальных идей. В цифровую эпоху деструктивные установки распространяются значительно быстрее, чем прежде: через социальные сети, закрытые онлайн-

сообщества и транснациональные коммуникационные каналы. Социальные трудности, безработица среди молодёжи, ограниченные перспективы профессионального роста могут усиливать восприимчивость к подобной пропаганде. Экстремистские группы нередко используют религиозную или социальную риторику, придавая противоправным действиям видимость идейной оправданности и тем самым посягая на основы конституционного строя [13].

Эти явления взаимосвязаны и усиливают друг друга. Ослабление институтов вследствие коррупционных практик облегчает проникновение радикальных идей, а апелляция к социальной несправедливости становится инструментом вербовки. Именно поэтому реагирование на подобные вызовы требует не точечных мер, а последовательной политики, охватывающей разные сферы общественной жизни.

Устойчивость предполагает укрепление принципов законности, повышение открытости государственного управления, действенные антикоррупционные механизмы и формирование инклюзивной модели развития. Важную роль играет поддержка межрегионального взаимодействия, развитие общегражданской идентичности и создание реальных возможностей для самореализации молодёжи в образовании и труде. Лишь при наличии внутреннего согласия и доверия к институтам Республика Таджикистан сможет эффективно противодействовать дестабилизации. При этом способность государства твёрдо реагировать на внешние вызовы и сохранять устойчивость в долгосрочной перспективе во многом определяется характером окружающей международной среды [13]. В случае Российской Федерации спектр угроз складывается на фоне продолжающихся изменений мировой политической архитектуры, усиления соперничества между центрами силы и постепенного размывания прежних договорных механизмов в сфере контроля над вооружениями. Современная обстановка отличается высокой напряжённостью: к традиционным формам военного сдерживания добавились экономические ограничения, технологическое давление и активное информационное противоборство. В российском понимании внешняя среда рассматривается как подвижная и потенциально турбулентная, что требует постоянной адаптации стратегических подходов.

Отдельное место в оценке рисков занимает продвижение военно-политических институтов западных стран, прежде всего НАТО, в направлении государств постсоветского пространства. В российской аналитике этот процесс трактуется как сокращение стратегической дистанции и изменение конфигурации безопасности у собственных границ. Расширение инфраструктуры, усиление военного присутствия, развитие логистических узлов и средств оперативного переброса сил воспринимаются как обстоя-

тельства, способные повлиять на баланс сил и потребовать выработки ответных мер.

Концентрация военных ресурсов в сопредельных регионах повышает вероятность инцидентов и усиливает значение механизмов стратегической стабильности. Масштабные учения, совершенствование высокоточного вооружения и отработка сценариев быстрого реагирования формируют ситуацию, при которой локальный кризис теоретически может выйти за рамки ограниченного конфликта. В этой связи особое внимание уделяется развитию систем раннего предупреждения, техническому обновлению оборонной сферы и сохранению потенциала ядерного сдерживания как фактора, минимизирующего риск прямого вооружённого столкновения [2].

Помимо военных аспектов, геополитическое противостояние выражается в формах политико-экономического и информационного давления. Санкционные механизмы, ограничения в сфере технологий и финансов, а также попытки изоляции на международных площадках рассматриваются как инструменты стратегического сдерживания России. Дополняет эту картину информационное воздействие, направленное на формирование негативного имиджа государства и влияние на внутренние общественно-политические процессы. В совокупности данные меры создают многомерную систему давления, выходящую за рамки традиционного межгосударственного соперничества [3].

Таким образом, для Российской Федерации угрозы национальной безопасности носят комплексный и многоуровневый характер. Они охватывают военную, политическую, экономическую и информационную сферы и требуют системного ответа, основанного на укреплении обороноспособности, диверсификации внешнеполитических связей и повышении устойчивости внутренних институтов. В отличие от государств, сосредоточенных преимущественно на региональных вызовах, Россия действует в условиях глобальной стратегической конкуренции, что определяет масштаб и специфику её подхода к обеспечению национальной безопасности.

Наряду с геополитическим противостоянием, существенное место в структуре угроз национальной безопасности Российской Федерации занимают военные и пограничные риски, связанные с конфликтами вблизи государственных рубежей и необходимостью обеспечения территориальной целостности. Пространственная протяжённость страны, охватывающая несколько стратегически чувствительных направлений, предопределяет сложность формирования устойчивой системы обороны и контроля над границами [17].

Современные вооружённые конфликты в сопредельных регионах характеризуются высокой степенью технологизации и использованием ги-

бридных инструментов ведения борьбы. Они нередко сопровождаются информационными операциями, кибератаками и экономическим давлением, что размывает традиционные границы между состоянием войны и мира. Наличие очагов нестабильности в непосредственной близости к российской территории повышает вероятность вовлечения в кризисные процессы либо возникновения сопутствующих угроз - от потока беженцев до диверсионной активности [6].

Повышенное внимание государства закономерно сосредоточено на приграничных территориях и объектах, от функционирования которых зависит устойчивость всей страны. Речь идёт не только о вероятности открытого вооружённого столкновения, но и о риске локальных инцидентов, диверсий, нарушений воздушного пространства или наращивания военного потенциала вблизи границ. Подобные обстоятельства способны изменить баланс сил в регионе и осложнить оперативную обстановку. В этой связи приоритетом остаётся поддержание надлежащего уровня боевой подготовки, обновление технического оснащения армии, совершенствование систем противовоздушной защиты и раннего предупреждения.

Сохранение территориальной целостности выступает фундаментом суверенитета и закреплено в конституционных нормах. В условиях международной напряжённости любые попытки поставить под сомнение статус отдельных районов либо использовать этнополитическую проблематику для расшатывания ситуации рассматриваются как серьёзный вызов. Противодействие подобным рискам требует не только военных усилий, но и последовательной работы по развитию приграничных регионов: строительства дорог, социальных объектов, создания рабочих мест. Существенное значение имеет скоординированная деятельность армии, правоохранительных органов и гражданских структур, обеспечивающая оперативное реагирование на возникающие угрозы [18].

Современное понимание пограничной безопасности выходит за рамки сугубо силового подхода. Контроль за перемещением людей и грузов, пресечение каналов незаконной миграции, борьба с транснациональной преступностью и нелегальным оборотом оружия становятся неотъемлемыми направлениями этой работы. Эффективность таких мер во многом зависит от внедрения технологических решений - систем дистанционного мониторинга, спутникового наблюдения, автоматизированных пунктов контроля. Сложность и многослойность рисков предполагают сочетание превентивных шагов и готовности к силовому реагированию, что позволяет снижать вероятность эскалации и поддерживать стабильность вдоль государственной границы [1].

Цифровизация затронула практически все сферы общественной и государственной жизни, вследствие чего информационная и кибернетическая составляющие безопасности вышли на уровень самостоятельного стратегического направления. Для Российской Федерации защита национального сегмента информационного пространства, а также противодействие внешнему информационному давлению становятся частью комплексной политики обеспечения суверенитета. Современное соперничество всё чаще разворачивается не на традиционных театрах военных действий, а в виртуальной среде, где воздействие может быть менее заметным, но не менее разрушительным.

Расширение применения цифровых платформ, автоматизированных систем управления, электронного документооборота, а также внедрение цифровых решений в банковской сфере, энергетике и транспортном комплексе значительно повышают управляемость и оперативность процессов. Вместе с тем такая технологическая зависимость усиливает уязвимость инфраструктуры. Целенаправленные кибератаки на объекты критической инфраструктуры способны нарушить работу целых отраслей, привести к серьёзным экономическим потерям и вызвать общественный резонанс. Поэтому защита государственных информационных ресурсов, телекоммуникационных сетей, центров обработки данных и межведомственных каналов связи приобретает принципиальное значение [25]

Киберпространство постепенно превращается в зону постоянного, зачастую скрытого соперничества как между государствами, так и с участием негосударственных акторов. Распространение вредоносного программного кода, попытки несанкционированного доступа к серверам, вмешательство в цифровые коммуникации, утечки конфиденциальной информации и промышленный шпионаж формируют новый спектр угроз. Их специфика заключается в высокой степени анонимности и сложности установления источника атаки. Недостаточная проработанность международно-правовых норм в сфере кибербезопасности усиливает неопределённость и осложняет формирование общепринятых правил поведения в цифровой среде [25].

Параллельно с техническими киберугрозами разворачивается информационное противоборство, направленное на влияние на общественное мнение и внутреннюю политическую динамику. Информационные кампании, распространение дезинформации, манипуляция социальными сетями и использование медиаплатформ в качестве инструмента давления становятся элементами так называемых информационных войн. Их целью может выступать подрыв доверия к государственным институтам, дискредитация

внешнеполитических инициатив и формирование негативного международного имиджа.

Особенность информационно-кибернетических угроз заключается в их трансграничном характере и высокой скорости распространения. Виртуальное пространство не подчиняется традиционным географическим границам, что требует создания многоуровневой системы защиты, включающей технические, правовые и организационные меры. Для Российской Федерации приоритетными направлениями остаются развитие национального сегмента сети, совершенствование нормативно-правовой базы в сфере информационной безопасности, подготовка специализированных кадров и внедрение отечественных технологических решений [25].

Таким образом, информационно-кибернетическое измерение формирует самостоятельный контур угроз, тесно связанный с военной, политической и экономической сферами. Обеспечение безопасности в цифровой среде рассматривается как условие сохранения суверенитета, устойчивости государственных институтов и защиты национальных интересов в условиях глобальной конкуренции.

Экономическое измерение национальной безопасности Российской Федерации в последние годы приобрело стратегическое значение в связи с усилением внешнего санкционного давления и трансформацией глобальной финансово-экономической архитектуры. В современных условиях экономика рассматривается не только как сфера хозяйственной деятельности, но и как инструмент геополитического воздействия. Ограничительные меры в торгово-финансовой, технологической и инвестиционной сферах формируют новые вызовы, требующие системного ответа со стороны государства [1].

Введение ограничительных мер отражается прежде всего на базовых секторах экономики - банковской системе, топливно-энергетическом комплексе, транспортной отрасли, машиностроении и высокотехнологичном производстве. Ограниченный доступ к зарубежным финансовым ресурсам, сокращение использования международных платёжных механизмов, запреты на поставки оборудования и технологий напрямую сказываются на инвестиционной активности и темпах обновления производственной базы. В ближайшей перспективе это создаёт нагрузку на макроэкономические показатели, влияет на курс национальной валюты и параметры бюджета; в более длительном горизонте усиливается потребность в глубокой структурной трансформации хозяйственной системы.

На первый план выходит проблема технологической самостоятельности. Ситуация показала, насколько чувствительными остаются отдельные отрасли к поставкам импортных комплектующих, программных реше-

ний и микроэлектроники. Ответом становится курс на развитие внутреннего производственного потенциала. Речь идёт не только о замещении зарубежных товаров отечественными образцами, но и о формировании собственных научных школ, конструкторских бюро, производственных коопераций и инновационных площадок, способных обеспечить устойчивый технологический цикл.

Параллельно усиливается поиск новых направлений внешнеэкономического взаимодействия. Активизация связей со странами Азии, Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки позволяет расширить рынки сбыта и выстроить альтернативные каналы поставок и технологического обмена. Такая переориентация снижает концентрацию рисков и способствует формированию более диверсифицированной и адаптивной модели участия в мировой экономике [6].

Составной частью экономической безопасности остаётся сохранение социальной стабильности в условиях внешнего давления. Практика показывает, что устойчивость общества во многом зависит от способности государства оперативно поддерживать ключевые отрасли, стимулировать деятельность малого и среднего предпринимательства, удерживать цены на товары первой необходимости и предотвращать рост безработицы. Подобные меры направлены не только на сглаживание экономических последствий ограничений, но и на сохранение общественного равновесия, поскольку материальная устойчивость населения напрямую связана с уровнем доверия и социальной сплочённости.

Тем самым внешние ограничения стали серьёзным испытанием, однако одновременно подтолкнули к пересмотру прежних экономических моделей. В современных условиях обеспечение экономической безопасности России связывается с развитием собственных производственных мощностей, укреплением финансовой автономии, внедрением новых технологий и расширением географии внешнеэкономических партнёров. Последовательная реализация этих направлений позволяет рассматривать устойчивость хозяйственной системы как фундаментальный компонент национальной безопасности в период глобальных перемен.

Общие вызовы для Республики Таджикистан и Российской Федерации носят во многом сходный характер, несмотря на различия в масштабах и ресурсных возможностях двух государств. Оба государства сталкиваются с транснациональными угрозами, к числу которых относятся международный терроризм, проявления экстремизма, а также организованные преступные сети, вовлечённые в незаконный оборот наркотиков и оружия. Эти процессы не ограничиваются рамками отдельных стран и формируют

пространство повышенного риска, требующее координации усилий и выработки совместных механизмов противодействия [11].

Современный терроризм заметно изменил свои организационные формы. Если ранее речь чаще шла о жёстко структурированных группировках, то сегодня всё большую роль играют разветвлённые сети, действующие децентрализованно и гибко адаптирующие идеологию под конкретную аудиторию. Интернет и социальные платформы используются не только для распространения пропагандистских материалов, но и для поиска сторонников, координации действий и финансовой поддержки. Для Таджикистана чувствительным фактором остаётся активность радикальных элементов в сопредельных регионах, способная оказывать влияние на внутреннюю ситуацию. Для России существенную обеспокоенность вызывает риск индивидуальной радикализации, а также проблема возвращения участников вооружённых конфликтов, получивших боевой опыт за рубежом. В обоих случаях задача заключается не только в пресечении конкретных преступных действий, но и в устранении идеологической почвы, на которой они возникают [11].

Противодействие экстремистским установкам не может ограничиваться исключительно силовыми инструментами. Работа правоохранительных органов необходима, однако долгосрочный эффект достигается через системную профилактику. Существенное значение имеют образовательные программы, культурные инициативы, информационная политика, направленные на формирование устойчивых гражданских ценностей и правовой ответственности. Создание возможностей для самореализации молодёжи, расширение социальной мобильности и снижение маргинализации отдельных групп рассматриваются как факторы, способные снизить восприимчивость к радикальным идеям.

Серьёзным вызовом остаётся и организованная преступность. Нелегальный оборот наркотиков продолжает приносить значительные доходы криминальным сетям и нередко становится источником финансирования иных противоправных структур. Географическое положение Таджикистана, находящегося на одном из маршрутов транзита наркотических веществ, обуславливает необходимость усиленного контроля на границе и выявления каналов контрабанды. Россия сосредоточена на пресечении распространения наркотиков внутри страны и нейтрализации транснациональных группировок, действующих на её территории. Взаимодействие двух государств в данной сфере приобретает особую значимость в условиях трансграничного характера угроз [11].

Незаконное распространение оружия усиливает уже существующие риски, подпитывая криминальную среду и создавая дополнительные угро-

зы общественной безопасности. Перемещение вооружений вне правового контроля, их продажа и передача преступным либо радикально настроенным группам повышают вероятность тяжких насильственных преступлений и террористических проявлений. В подобных условиях возрастает значение согласованных действий правоохранительных структур, регулярного обмена оперативными сведениями и участия в региональных форматах сотрудничества, направленных на перекрытие каналов нелегальных поставок.

Следовательно, терроризм, экстремистские проявления и организованная преступность образуют общий контур угроз для Таджикистана и России. Трансграничный характер этих явлений требует не разовых мер, а системного взаимодействия, совершенствования нормативной базы и укрепления профильных институтов. Скоординированные шаги в сфере безопасности становятся важным условием поддержания устойчивости региона и защиты стратегических интересов двух государств.

Сопоставление угроз показывает, что при наличии общих вызовов их масштаб и направленность для Республики Таджикистан и Российской Федерации различаются. Для Таджикистана на первый план выходят риски, связанные с региональной обстановкой, прежде всего с сохраняющейся нестабильностью в Афганистане. Южное направление продолжает оказывать определяющее влияние на стратегическую ситуацию, что требует концентрации усилий на укреплении границы, пресечении трансграничной экстремистской активности и поддержании внутреннего социального равновесия. В этих условиях ключевая задача заключается в предотвращении возможной дестабилизации и сохранении общественного согласия внутри страны.

Для России спектр угроз отличается более широким охватом и глубиной. Они складываются на фоне обострения международной конкуренции и связаны с необходимостью сохранения внешнеполитических позиций, стратегической самостоятельности, надёжной охраны государственной границы и защиты собственного информационного пространства. Военно-политическое напряжение, экономические ограничения, кибератаки и информационное давление формируют сложную совокупность рисков, требующую продуманной и последовательной политики. В отличие от Таджикистана, для которого преобладают вызовы регионального характера, Россия действует в условиях глобального соперничества, где безопасность охватывает не только территорию, но и финансово-технологическую, а также идеологическую сферы.

При этом для обеих стран сохраняется общая задача - противодействие международному терроризму, экстремистским проявлениям и транс-

национальной преступности. Существенную роль в координации усилий играет Организация Договора о коллективной безопасности, служащая площадкой для согласования подходов к реагированию на региональные и трансграничные угрозы. Совместные учения, механизмы коллективной обороны, обмен оперативной информацией и взаимодействие правоохранительных структур способствуют повышению устойчивости государств-участников перед современными вызовами и укрепляют общий контур безопасности.

Таким образом, при различии стратегического масштаба угроз безопасность Таджикистана и России взаимосвязана. Региональная стабильность Центральной Азии и общая архитектура евразийской безопасности во многом зависят от согласованных действий и институционального взаимодействия, что придаёт двустороннему и многостороннему сотрудничеству системообразующее значение в условиях продолжающейся трансформации мировой политической среды.

Литература

1. Абаев Л.Ч., Вавилов А.И. Угрозы национальной безопасности России: экспертный взгляд // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. - 2018. - № 3(806). [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugrozy-natsionalnoy-bezopasnosti-rossii-ekspertnyy-vzglyad> (дата обращения: 21.02.2026).
2. Алиева Р.Р., Раджабова Г.К. Военно-техническое сотрудничество Республики Таджикистан и Российской Федерации в обеспечении региональной безопасности государств Центральной Азии // Society and Security Insights. - 2020. - № 2. - С. 109–120. [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voenno-tehnicheskoe-sotrudnichestvo-respubliki-tadzhikistan-i-rossiyskoy-federatsii-v-obespechenii-regionalnoy-bezopasnosti> (дата обращения: 21.02.2026).
3. Алимов Б.Х. Россия и Таджикистан: развитие стратегических отношений в годы независимости // Вестник ТГУПБП. - 2013. - № 4(56). - С. 182–188. [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-tadzhikistan-razvitie-strategicheskikh-otnosheniy-v-gody-nezavisimosti> (дата обращения: 21.02.2026).
4. Алимов Б.Х., Ризоев Б.М. Стратегическое партнёрство Республики Таджикистан и Российской Федерации в начале XXI века // Вестник Педагогического университета. - 2021. - № 1(90). - С. 182–187. [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskoe-partnyorstvo-respubliki-tadzhikistan-i-rossiyskoy-federatsii-v-nachale-xxi-veka> (дата обращения: 21.02.2026).
5. Амиров Т.Ш. Политико-исторические отношения Республики Таджикистан с Российской Федерацией в военной сфере // Вестник Педагогического университета. - 2020. - № 1(84). - С. 195–200. [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politiko-istaricheskogo-otnosheniy-respublikoy-tadzhikistan-s-rossiyskoy-federatsii-v-voennoy-sfere> (дата обращения: 21.02.2026).

6. Грищенко Л.Л. Современные угрозы национальной безопасности России // Академическая мысль. - 2022. - № 4(21). - С. 13–16. [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-ugrozy-natsionalnoy-bezopasnosti-rossii> (дата обращения: 21.02.2026).
7. Договор о коллективной безопасности: подписан 15 мая 1992 г. // Организация Договора о коллективной безопасности: офиц. сайт. [Электронный ресурс]. - URL: https://odkbcto.org/documents/documents/dogovor_o_kollektivnoy-bezopasnosti/ (дата обращения: 25.07.2025).
8. Забиров Д.В. История формирования национальной безопасности республики Таджикистан в рамках системы региональной безопасности // Национальная безопасность / nota bene. - 2017. - №6(53). [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-formirovaniya-natsionalnoy-bezopasnosti-respubliki-tadzhikistan-v-ramkah-sistemy-regionalnoy-bezopasnosti> (дата обращения: 21.02.2026).
9. Закон Республики Таджикистан «О безопасности» (в ред. и с изм. по состоянию на публикацию) // Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан. [Электронный ресурс]. - URL: <https://ncz.tj/content> (дата обращения: 25.07.2025).
10. Каримова М.И., Рахимов К.Х., Хеззекова К.Т. Сотрудничество Российской Федерации и Республики Таджикистан по противодействию терроризму в рамках ОДКБ (1991–2024 гг.) // Постсоветские исследования. - 2025. - Т. 8. - № 2. [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotrudnichestvo-rossiyskoy-federatsii-i-respubliki-tadzhikistan-po-protivodeystviyu-terrorizmu-v-ramkah-odkb-1991-2024-gg> (дата обращения: 21.02.2026).
11. Касюк А.Я. Религиозно-политический экстремизм - угроза национальной безопасности России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. - 2017. - № 3(787). [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/religiozno-politicheskiy-ekstremizm-ugroza-natsionalnoy-bezopasnosti-rossii> (дата обращения: 21.02.2026).
12. Клевакина Е.В. Организация Договора о коллективной безопасности в контексте национальных интересов стран-участниц // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. - 2013. - №2. [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-dogovora-o-kollektivnoy-bezopasnosti-v-kontekste-natsionalnyh-interesov-stran-uchastnits> (дата обращения: 21.02.2026).
13. Концепция внешней политики Республики Таджикистан // Министерство иностранных дел Республики Таджикистан: офиц. сайт. [Электронный ресурс]. - URL: <https://mfa.tj/ru/nur-sultan/view/988/kontseptsiya-vneshnei-politiki-respubliki-tadzhikistan> (дата обращения: 25.07.2025).
14. Майтдинова Г.М., Шарапов О.М. Российско-таджикское военное и военнотехническое сотрудничество в двустороннем формате и в рамках ОДКБ // Известия Восточного института. - 2022. - № 3 (55). - С. 138–147. [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiysko-tadzhikskoe-voennoe-i-voenno-tehnicheskoe-sotrudnichestvo-v-dvustoronnem-formate-i-v-ramkah-odkb> (дата обращения: 21.02.2026).
15. Малышева Д.Б. Безопасное развитие Центральной Азии и афганский фактор // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и

- мировая политика. - 2013. - №2. - С. 70–89. [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bezopasnoe-razvitie-tsentralnoy-azii-i-afganskiy-faktor-1> (дата обращения: 21.02.2026).
16. Махамат Т.Н., Рахимов К.Х., Теплов А.В., Чертилин О.В. Борьба с терроризмом в СНГ (на примере Таджикистана) // Постсоветские исследования. - 2024. - Т.7. - №5. - С. 556–567. [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/borba-s-terrorizmom-v-sng-na-primere-tadzhikistana> (дата обращения: 21.02.2026).
17. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. - URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001202107030001> (дата обращения: 25.07.2025).
18. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 05.12.2016 г., № 646 // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. - URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001201612060002> (дата обращения: 25.07.2025).
19. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 // Официальный интернет-портал правовой информации. - URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303310007> (дата обращения: 25.07.2025).
20. Улфатшоева М.Ф. Международный терроризм и его влияние на безопасность Таджикистана в рамках постсоветского пространства // Мировая политика. - 2025. - №4. [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyy-terrorizm-i-ego-vliyanie-na-bezopasnost-tadzhikistana-v-ramkah-postsovetskogo-prostranstva> (дата обращения: 21.02.2026).
21. Устав Организации Договора о коллективной безопасности: принят 7 октября 2002 г. // Организация Договора о коллективной безопасности: офиц. сайт. [Электронный ресурс]. - URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/ustav_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti/ (дата обращения: 25.07.2025).
22. Хабибов Ш.С. Российская военная база как гарант безопасности Таджикистана и мира в регионе // Клио. - 2025. - № 1(217). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-voennaya-baza-kak-garant-bezopasnosti-tadzhikistana-i-mira-v-regione> (дата обращения: 21.02.2026).
23. Хасанов Р.Д. Современные детерминанты усиления террористической угрозы в Республике Таджикистан // Вестник КРУ МВД России. - 2022. - № 2 (56). - С. 37–41. [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-determinanty-usileniya-terroristicheskoy-ugrozy-v-respublike-tadzhikistan> (дата обращения: 21.02.2026).
24. Черняев М.С., Трусова А.А. Угроза терроризма в Центральной Азии: предпосылки, направления, проблемы региональной безопасности // Постсоветские исследования. 2020. - Т.3. - №6. -С. 488–498 [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugroza-terrorizma-v-tsentralnoy-azii-predposylki-napravleniya-problemy-regionalnoy-bezopasnosti> (дата обращения: 21.02.2026).

25. Юрченко В.М. Вызовы и угрозы национальной безопасности России в информационной сфере // Южно-российский журнал социальных наук. - 2011. - № 1. [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyzovy-i-ugrozy-natsionalnoy-bezopasnosti-rossii-v-informatsionnoy-sfere> (дата обращения: 21.02.2026).
26. Global Terrorism Index 2024: Measuring the Impact of Terrorism / Institute for Economics & Peace. - Sydney, 2024 [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2024/02/GTI-2024-web-290224.pdf> (дата обращения: 25.07.2025).
27. Tsygankov A.P. Russia's Foreign Policy: Change and Continuity in National Identity. - 5th ed. - Lanham: Rowman & Littlefield, 2022. - 320 p.
28. World Drug Report 2024 / United Nations Office on Drugs and Crime. - Vienna: UNODC, 2024. - URL: <https://www.unodc.org/unodc/en/data-and-analysis/world-drug-report-2024.html> (дата обращения: 25.07.2025).

COMPARATIVE ANALYSIS OF NATIONAL SECURITY THREATS: THE CASE OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN AND THE RUSSIAN FEDERATION

Khakimov Mirzovali Kodirovich

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor,
the Head of International Relations and Diplomacy Department
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 987 77 46 50 (m.)
mirzovali@mail.ru

The article provides a comprehensive comparative analysis of national security threats to the Republic of Tajikistan and the Russian Federation in terms of the transformation of the modern international system and the emergence of a polycentric world order. The study employs an integrated approach, considering the interconnection of military-political, socio-economic, information, and humanitarian factors that define the strategic priorities of both nations.

Regarding the Republic of Tajikistan, particular emphasis is placed on the "Afghan factor" as a key source of transboundary risks, including the spread of extremist ideologies, activities of terrorist groups, and illegal drug trafficking. The author examines internal socio-economic challenges, highlighting the significant role of external labor migration, food dependency, limited resource bases, and the necessity of modernizing the healthcare system. The study underscores the link between economic illicit, social stability, and humanitarian security.

In the case of the Russian Federation, the article analyzes challenges emerging from global strategic competition. It considers factors such as military-political confrontation, the expansion of military-political alliances, sanctions pressure, cyber threats, and information warfare. Special attention is given to issues of technological sovereignty, protection of critical infrastructure, and ensuring economic independence under external constraints.

A separate section is dedicated to transnational threats common to both states, including international terrorism, extremism, and organized crime. The author concludes that while the risks differ in scale and nature - being primarily regional for Tajikistan and systemic or global for Russia - coordination remains vital. The importance of collaborative efforts within multilateral formats, specifically the Collective Security Treaty Organization (CSTO), is emphasized as a crucial instrument for strengthening state resilience and countering contemporary security challenges.

Keywords: national security; Republic of Tajikistan; Russian Federation; geopolitical confrontation; Afghan factor; international terrorism; economic security.

ТАҲЛИЛИ МУҚОИСАВИИ ТАҲДИДҲО БА АМНИЯТИ МИЛЛӢ: ДАР МИСОЛИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН ВА ФЕДЕРАТСИЯИ РОССИЯ

Ҳакимов Мирзовалӣ Қодирович

номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент,
мудири кафедраи муносибатҳои байналмилалӣ ва дипломатия
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 987 77 46 50 (м.)
mirzovali@mail.ru

Дар мақола таҳлили муфасссали муқоисавии таҳдидҳои амнияти миллӣ барои Ҷумҳурии Тоҷикистон ва Федератсияи Россия дар шароити тағйирёбии низоми муносибати байналмилалӣ ва ташаккули тартиботи полисентрии ҷаҳонӣ пешниҳод мегардад. Тадқиқот бар асоси равиши комплексӣ анҷом дода шуда, ҳамбастагии омилҳои ҳарбӣ-сиёсӣ, иқтимоӣ ва иқтисодӣ, иттилоотӣ ва гуманитариро, ки афзалиятҳои стратегияи ду давлатро муайян менамоянд, дар бар мегирад.

Нисбат ба Ҷумҳурии Тоҷикистон таваҷҷуҳи махсус ба омилҳои афғонӣ ҳамчун манбаи асосии хавфҳои фаромарзӣ равона гардидааст, аз ҷумла паҳншавии идеологияҳои ифротгарой, фаъолияти гурӯҳҳои террористӣ ва гардиши ғайриқонунии маводи мухаддир. Ҳамзамон, мушкилоти дохилии иқтимоӣ ва иқтисодӣ баррасӣ мешаванд, ки дар байни онҳо нақши муҳоҷирати меҳнатии хориҷӣ, вобастагии озуқаворӣ, маҳдудияти захираҳо ва зарурати навсозии низоми тандурустӣ ҷойгоҳи муҳим доранд. Робитаи мутақобилаи устувории иқтисодӣ, суботи иқтимоӣ ва амнияти гуманитарӣ таъкид мегардад.

Дар мавриди Федератсияи Россия таҳдидҳое таҳлил мешаванд, ки дар шароити рақобати стратегии ҷаҳонӣ ташаккул меёбанд. Масъалаҳои муқобилияти ҷарбӣ-сиёсӣ, густариши иттиҳодҳои ҷарбӣ, фишори таҳримӣ, таҳдидҳои киберӣ ва таъсири иттилоотӣ мавриди омӯзиш қарор мегиранд. Ба масъалаи соҳибхӯрии технологӣ, ҳифзи инфрасохтори ҳаётан муҳим ва таҳкими мустақилияти иқтисодӣ дар шароити маҳдудиятҳои беруна диққати махсус дода мешавад.

Қисмати алоҳида ба таҳдидҳои умумии фаромиллӣ, аз ҷумла терроризми байналмилалӣ, ифротгарӣ ва ҷинойткорӣ муташаққил, баҳшида шудааст. Хулоса бароварда мешавад, ки барои Тоҷикистон хавфҳо асосан хусусияти минтақавӣ доранд, дар ҳоле ки барои Россия онҳо дорои миқёси системавӣ ва глобалӣ мебошанд. Аҳамияти ҳамроҳсозии кӯшишҳо дар доираи форматҳо ва созмонҳои бисёрҷонибаи амниятӣ, пеш аз ҳама дар доираи Созмони Аҳдномаи амниятӣ дастаҷамъӣ, ҳамчун механизми муҳими таҳкими устуворӣ ва муқовимат ба таҳдидҳои муосир таъкид мегардад.

Калидвожаҳо: амниятӣ миллӣ; Ҷумҳурии Тоҷикистон; Федератсияи Россия; муқовимати геополитикӣ; омили Афғонистон; терроризми байналмилалӣ; амниятӣ иқтисодӣ.

УДК 327(581):001.891(470+574/575)

АФГАНСКАЯ ПРОБЛЕМА В ИССЛЕДОВАНИЯХ РОССИЙСКИХ И ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ АВТОРОВ

Имомалиев Амирджон Алишерович

соискатель 1 года обучения
кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 501 81 30 03 (м.)
amir97.97.97@mail.ru

Статья посвящена всестороннему анализу афганской проблемы в контексте региональной безопасности Центральной Азии и рассматривает подходы российских и центральноазиатских исследователей к её изучению. Афганский кризис определяется как один из ключевых факторов нестабильности в регионе, оказывающий значительное влияние на внутреннюю и внешнюю политику государств, трансграничные процессы, динамику миграции, незаконного оборота наркотиков, а также формирование и функционирование механизмов коллективной безопасности. В статье детально анализируются теоретические, историко-политические и практические аспекты афганского фактора, включая последствия кризиса для приграничных территорий, национальных стратегий безопасности и системы международного взаимодействия. Российские исследователи делают акцент на макроуровневых геополитических и международно-политических последствиях кризиса, подчёркивая роль внешних акторов, международных организаций и сетей глобальных угроз. Центральноазиатские авторы ориентируются на региональные и национальные особенности влияния афганской нестабильности, рассматривают последствия для Таджикистана и других сопредельных стран, а также практические меры противодействия трансграничным вызовам. Сопоставительный анализ демонстрирует взаимодополняющий характер подходов, выявляет общие позиции и проблемные зоны. Статья подчёркивает необходимость комплексного междисциплинарного подхода и интеграции различных научных традиций для глубокого понимания афганского кризиса и выработки эффективных стратегий обеспечения безопасности региона.

Ключевые слова: Афганистан; Центральная Азия; региональная безопасность; афганский фактор; трансграничные угрозы; Россия; Таджикистан.

Афганская проблема на протяжении длительного времени занимает особое место в системе региональной безопасности Центральной Азии. Географическое положение Афганистана, его внутренняя политическая нестабильность и затяжной характер кризиса обуславливают трансграничное распространение угроз, оказывающих непосредственное влияние на безопасность государств региона. В научных исследованиях подчёркивается, что афганский фактор выступает одним из ключевых источников нестабильности в Центральной Азии, затрагивая как военно-политическую, так и социально-экономическую сферы [5; 10; 18].

В условиях трансформации международных отношений и изменения архитектуры региональной безопасности значение афганской проблематики существенно возросло. Современные исследователи обращают внимание на то, что влияние Афганистана на Центральную Азию проявляется через угрозы международного терроризма, экстремизма, незаконного оборота наркотиков, а также через риски радикализации и дестабилизации приграничных территорий [4; 3; 11; 16]. Эти вызовы приобретают комплексный характер и требуют системного анализа с учётом исторического опыта и современных политических реалий.

В научной литературе афганская проблема рассматривается с различных теоретических и методологических позиций. Так, в ряде работ акцент делается на концептуальных и историко-политических аспектах изучения афганского фактора в системе региональной безопасности Центральной Азии [1; 20]. При этом подчёркивается, что динамика афганского кризиса в начале XXI века оказывает прямое воздействие на формирование внешнеполитических и оборонных стратегий государств региона [17; 21].

Особое место в исследованиях занимает анализ влияния афганского кризиса на постсоветское пространство и безопасность отдельных стран Центральной Азии. В этом контексте значительное внимание уделяется роли Таджикистана как государства, непосредственно вовлечённого в процессы региональной безопасности, а также специфике его внешнеполитического курса в отношении Афганистана [2; 12; 13]. Отдельные авторы рассматривают афганский кризис в более широком региональном и международном контексте, включая деятельность международных организаций и коллективных механизмов безопасности [7; 11; 14].

Несмотря на наличие значительного массива научных публикаций, анализ литературы показывает, что исследования афганской проблемы зачастую носят фрагментарный характер и сосредоточены на отдельных аспектах - угрозах безопасности, внешнеполитических позициях государств региона или международных инициативах. Это обуславливает необходи-

мость историографического осмысления накопленных научных подходов, а также их сопоставления в рамках единого аналитического поля.

Целью настоящей статьи является анализ основных подходов российских и центральноазиатских исследователей к изучению афганской проблемы в контексте обеспечения региональной безопасности Центральной Азии. В соответствии с поставленной целью в статье рассматриваются концептуальные позиции авторов, выявляются ключевые направления научных дискуссий и определяются недостаточно разработанные аспекты данной проблематики.

Рассмотрим подходы российских исследователей к изучению афганской проблемы в контексте региональной безопасности Центральной Азии.

В трудах российских исследователей афганская проблема рассматривается преимущественно как один из ключевых факторов нестабильности в системе региональной безопасности Центральной Азии. В научных публикациях подчёркивается, что длительный характер кризиса в Афганистане, слабость государственных институтов и сохраняющийся конфликтный потенциал создают устойчивые трансграничные угрозы, затрагивающие интересы как стран региона, так и Российской Федерации [4; 5; 15].

Значительное внимание российские авторы уделяют анализу угроз безопасности, исходящих с территории Афганистана. В частности, подчёркивается роль международного терроризма и экстремистских сетей, использующих афганское пространство как зону подготовки, транзита и идеологического влияния. В этом контексте Афганистан рассматривается как важный элемент международных сетей джихадизма, связанных с Центральной Азией, Кавказом и Ближним Востоком [3; 22; 23]. Данный подход позволяет рассматривать афганский кризис не изолированно, а как часть более широкой системы глобальных и региональных угроз.

В работах российских исследователей также акцентируется внимание на политико-стратегическом измерении афганской проблемы. Так, анализируя влияние Афганистана на безопасность Центральной Азии, авторы подчёркивают, что нестабильность в этой стране оказывает прямое воздействие на формирование внешнеполитических и оборонных стратегий государств региона, а также на деятельность коллективных механизмов безопасности [5]. Афганский фактор в данном контексте рассматривается как один из определяющих элементов региональной архитектуры безопасности.

Отдельное направление российских исследований связано с осмыслением афганского кризиса в контексте постсоветского пространства. В диссертационных и аналитических работах подчёркивается, что трансформация афганской проблемы после распада СССР сопровождалась измене-

нием характера угроз и расширением круга акторов, вовлечённых в процессы обеспечения безопасности в Центральной Азии [6; 20]. При этом особое значение придаётся историческому опыту взаимодействия государств региона с Афганистаном и его влиянию на современные подходы к безопасности.

Современные публикации также отражают стремление российских авторов к концептуализации афганской проблематики. В частности, предлагаются теоретические и методологические подходы к изучению афганского фактора как сложного и многомерного явления, включающего политические, военные, социально-экономические и идеологические компоненты [1]. Такой подход позволяет выйти за рамки узко прикладного анализа и рассматривать афганскую проблему в более широком научном контексте.

В ряде работ подчёркивается, что афганский кризис следует рассматривать не только как источник угроз, но и как фактор, стимулирующий развитие регионального сотрудничества в сфере безопасности. Авторы обращают внимание на роль России в формировании механизмов коллективного реагирования на вызовы, исходящие с территории Афганистана, а также на необходимость координации усилий с государствами Центральной Азии [10].

Специфика подходов центральноазиатских исследователей к анализу афганской проблемы заключается в следующем.

В исследованиях центральноазиатских авторов афганская проблема рассматривается преимущественно через призму её непосредственного влияния на безопасность государств региона. В отличие от российских работ, где доминирует макроуровневый и геополитический анализ, труды исследователей из Центральной Азии в большей степени ориентированы на региональное и национальное измерение афганского кризиса, а также на практические вызовы, с которыми сталкиваются сопредельные государства [8; 9].

Центральное место в работах центральноазиатских авторов занимает анализ трансграничных угроз, исходящих с территории Афганистана. Подчёркивается, что нестабильность в этой стране оказывает прямое воздействие на приграничные районы Центральной Азии, способствуя распространению экстремистских идей, росту наркотрафика и усилению нелегальной миграции. Афганский фактор в данном контексте рассматривается как постоянный источник рисков, требующий комплексных и долгосрочных мер реагирования [9; 10].

Особое внимание в научных исследованиях уделяется роли отдельных государств Центральной Азии, прежде всего Республики Таджики-

стан, как страны, непосредственно граничащей с Афганистаном. В диссертационных и аналитических работах подчёркивается, что таджикское направление является одним из ключевых в системе региональной безопасности, а афганский кризис оказывает значительное влияние на формирование внешнеполитических приоритетов и стратегий национальной безопасности Таджикистана [2; 8]. При этом отмечается, что исторический опыт взаимодействия с Афганистаном во многом определяет современные подходы таджикской стороны к вопросам безопасности.

В ряде исследований акцент делается на трансформации афганской проблемы в постсоветский период и изменении характера угроз после 1991 года. Анализируя развитие кризиса в Афганистане в динамике, авторы указывают на усложнение структуры вызовов и рост их взаимосвязанности, что усиливает уязвимость государств Центральной Азии перед внешними и внутренними угрозами [6; 19]. Такой подход позволяет рассматривать афганский кризис как длительный и многоэтапный процесс, а не как совокупность отдельных эпизодов нестабильности.

Значительное место в работах центральноазиатских исследователей занимает анализ механизмов коллективной и международной безопасности. В частности, подчёркивается роль многосторонних форматов и организаций в противодействии угрозам, исходящим с территории Афганистана, а также необходимость координации усилий государств региона и внешних партнёров [2; 7]. Афганская проблема при этом рассматривается как фактор, стимулирующий развитие регионального сотрудничества в сфере безопасности.

Дополнительным направлением исследований является анализ социально-экономических и гуманитарных последствий афганского кризиса для Центральной Азии. В публикациях отмечается, что наряду с военнополитическими угрозами государства региона сталкиваются с долгосрочными вызовами, связанными с наркотрафиком и криминализацией приграничных территорий, что также находит отражение в материалах международных организаций [11; 21].

В целом исследования центральноазиатских авторов характеризуются практической направленностью и ориентацией на региональные реалии. Вместе с тем в ряде работ прослеживается недостаточная теоретическая систематизация и ограниченное сопоставление региональных подходов с российскими и международными исследованиями. Это подтверждает необходимость комплексного историографического анализа афганской проблемы, объединяющего различные научные традиции и исследовательские перспективы.

Далее целесообразно провести сравнительный анализ подходов российских и центральноазиатских исследователей.

Сопоставление российских и центральноазиатских исследований афганской проблемы позволяет выявить как общие концептуальные позиции, так и существенные различия в интерпретации её роли в системе региональной безопасности Центральной Азии. В работах обеих научных традиций Афганистан рассматривается как ключевой источник трансграничных угроз, оказывающий дестабилизирующее воздействие на безопасность региона в целом [5; 10]. При этом акцент делается на устойчивости и комплексном характере вызовов, связанных с террористической активностью, экстремизмом и наркотрафиком [3; 11].

В то же время подходы российских и центральноазиатских авторов различаются по уровню анализа и исследовательским приоритетам. Российские исследования, как правило, ориентированы на макроуровневое осмысление афганской проблемы, включая её геополитическое измерение, роль внешних акторов и значение международных и региональных механизмов безопасности [4; 5]. В данных работах Афганистан рассматривается как элемент более широкой системы международных отношений и региональной архитектуры безопасности.

Центральноазиатские исследователи, напротив, в большей степени сосредотачиваются на региональных и национальных аспектах афганской проблемы. В их работах приоритет отводится анализу непосредственного влияния кризиса в Афганистане на безопасность отдельных государств Центральной Азии, прежде всего стран, имеющих с ним общую границу [8; 9]. Такой подход обусловлен практической значимостью афганского фактора для внутренней и внешней политики государств региона.

Различия прослеживаются и в интерпретации роли отдельных стран Центральной Азии в процессах обеспечения безопасности. В центральноазиатских исследованиях подчёркивается особое значение Таджикистана как ключевого элемента региональной безопасности, находящегося в зоне прямого воздействия афганского кризиса [2; 8]. В российских работах данный аспект, как правило, рассматривается в более обобщённом виде, в контексте региональных процессов и многостороннего взаимодействия [4].

Несмотря на различие исследовательских акцентов, в трудах российских и центральноазиатских авторов прослеживается общий вывод о необходимости координации усилий государств региона и внешних партнёров для противодействия угрозам, исходящим с территории Афганистана. Особое внимание уделяется роли коллективных механизмов безопасности и международных организаций, рассматриваемых как важный элемент стабилизации ситуации в Центральной Азии [7; 11].

Вместе с тем анализ литературы показывает наличие ряда дискуссионных и недостаточно разработанных аспектов. К их числу относятся вопросы долгосрочного влияния трансформации афганского кризиса на внутренние социально-политические процессы в странах Центральной Азии, а также степень эффективности существующих механизмов региональной безопасности [1; 6]. Недостаточное внимание уделяется и сопоставлению национальных стратегий государств региона в контексте афганской проблемы.

Вследствие этого сравнительный анализ подходов российских и центральноазиатских исследователей позволяет сделать вывод о взаимодополняющем характере данных научных традиций. Их интеграция создаёт основу для более целостного понимания афганской проблемы и её роли в обеспечении региональной безопасности Центральной Азии, а также открывает перспективы для дальнейших междисциплинарных исследований в рамках данной тематики.

Проведённый анализ российских и центральноазиатских исследований афганской проблемы позволяет сделать несколько ключевых выводов:

1. Афганистан продолжает оставаться важным фактором региональной безопасности Центральной Азии, оказывая влияние на внутреннюю и внешнюю политику государств региона, а также на формирование механизмов коллективного реагирования на трансграничные угрозы [5; 8; 10].

2. Российские и центральноазиатские исследования демонстрируют как общие, так и различающиеся подходы к анализу афганского кризиса: российские авторы акцентируют внимание на макроуровневых геополитических и международных аспектах, в то время как центральноазиатские исследователи сосредоточены на региональных и национальных особенностях угроз [4; 8; 9].

3. Подходы обеих научных традиций взаимодополняют друг друга. Российские исследования позволяют увидеть афганскую проблему в контексте глобальной системы безопасности и международных механизмов реагирования, тогда как центральноазиатские работы обеспечивают глубокое понимание конкретных рисков, трансграничных угроз и национальных стратегий противодействия [1; 2]. Интеграция этих подходов создаёт основу для более целостного понимания афганского кризиса и его влияния на Центральную Азию.

4. Ряд аспектов афганской проблематики остаётся недостаточно исследованным. В частности, требуется более системная оценка долгосрочного влияния афганского кризиса на социально-политическую и экономическую стабильность государств региона, а также эффективность существующих механизмов коллективной безопасности [6; 11]. Это создаёт

пространство для дальнейших научных исследований и формулирования рекомендаций для практики обеспечения региональной безопасности.

Вследствие этого афганская проблема представляет собой сложное, многоаспектное явление, требующее комплексного и междисциплинарного подхода к изучению. Историографический анализ российских и центральноазиатских исследований позволяет не только выявить основные направления научных дискуссий и подходы к интерпретации афганского кризиса, но и обозначить недостаточно разработанные области, открывая перспективы для последующих исследований.

Литература

1. Арипов Э.Т. Афганистан: время для диалога // Россия в глобальной политике. - 2024. - Т. 22. № 6. - С. 169-176.
2. Губайдуллина А.А. Концептуальные основы изучения теоретических и историко-политических аспектов исследования афганского фактора в региональной безопасности Центральной Азии // Молодой ученый. - 2024. - № 17 (516). - С. 377-380. [Электронный ресурс]. - URL: <https://moluch.ru/archive/516/113299> (дата обращения: 10.01.2026).
3. Джумаева Г.С. Геополитические интересы великих держав в Центральной Азии на современном этапе: общее и особенное. - Ташкент, 2024. - 440 с.
4. Дмитриева М.О., Дхака А. Афганская стратегия Узбекистана как фактор развития трансграничного взаимодействия Центральной и Южной Азии // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. - 2025. - Т. 25. - № 1. - С. 109-120. - DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-1-109-120. [Электронный ресурс]. - URL: <https://journals.rudn.ru/international-relations/article/view/43463> (дата обращения: 05.02.2026).
5. Зафар Сайидзода. Трансграничная эскалация в Восточном Памире: структурные факторы нестабильности и угрозы региональной безопасности [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.osiyoavrupo.tj/tg/post/transgranichnaya-eskalaciya-v-vostochnom-pamire-strukturnye-factory-nestabilnosti-i-ugrozy-regionalnoy-bezopasnosti> (дата обращения: 05.02.2026).
6. Искандаров А., Искандаров К., Сафранчук И.А. Новый этап кризиса в Афганистане и безопасность Таджикистана: доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». - М., 2016. [Электронный ресурс]. - URL: <https://ru.valdaiclub.com> (дата обращения: 15.01.2026).
7. Казанцев А.А. Международные сети джихадизма: Центральная Азия, Кавказ, Ближний Восток и Афганистан. - М.: МГИМО-Университет, 2019. - 350 с.
8. Коргун В.Г. Афганский конфликт и Центральная Азия // Россия и мусульманский мир. - 2012. - № 6. [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/afganskiy-konflikt-i-tsentralnaya-aziya> (дата обращения: 11.01.2026).
9. Махмудов Р.Б. Возвращение «Талибана» к власти как фактор трансформации угроз и вызовов для региональной безопасности // Мировая экономика и между-

- народные отношения. - 2025. - Т. 69. - № 2. - С. 65-75. - DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-2-65-75.
10. Малышева Д.Б. Безопасное развитие Центральной Азии и афганский фактор // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. - 2013. - № 2. - С. 105-125.
 11. Мирзоев С. Афганский кризис и его влияние на региональную безопасность в Центральной Азии: геополитический аспект: дис. ... д-ра полит. наук. - М., 2022. [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.dissercat.com/content/afganskii-krizis-i-ego-vliyanie-na-regionalnuyu-bezopasnost-v-tsentralnoi-azii-geopolitiches> (дата обращения: 05.02.2026).
 12. Мирзоева А.Р. Кризис в Афганистане в контексте региональной безопасности на постсоветском пространстве (1991–2024 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. - М., 2026. - 32 с.
 13. Нессар М.О. Афганский фактор в политике стран Центральной Азии: трансформация восприятия // Обозреватель. - 2025. - № 4. - DOI: 10.48137/2074-2975_2025_4_40.
 14. Организация Договора о коллективной безопасности. Вызовы безопасности, исходящие с территории Афганистана. - М., 2021 [Электронный ресурс]. - URL: <https://odkb-csto.org> (дата обращения: 01.02.2026).
 15. Раимов Ш. К вопросу вовлечения Афганистана в региональные интеграционные процессы: подходы Узбекистана // Мировая экономика и международные отношения. - 2025. - Т. 69, № 9. - С. 94–104. - DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-9-94-104. [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.imemo.ru/publications/periodical/meimo/archive/2025/9-t-69/at-post-soviet-space/afghanistans-involvement-in-regional-integration-processes-uzbekistans-approach> (дата обращения: 05.02.2026).
 16. Саидзода М. Афганский фактор во внешней политике Республики Таджикистан: история, приоритеты и перспективы (1992–2015 гг.): дис. ... канд. ист. наук. - Душанбе, 2017. - 185 с.
 17. Тошев А. Обеспечение региональной безопасности в Центральной Азии: афганский фактор // inLibrary. - 2024. - Т. 12. - №1. - С. 10-15 [Электронный ресурс]. - URL: <https://inlibrary.uz/index.php/archive/article/view/37171> (дата обращения: 05.02.2026).
 18. Умаров А. Фактор Афганистана в региональной безопасности Центральной Азии в начале XXI века // Каталог авторефератов. - 2023. - Т. 1. - № 1. - С. 1-53. [Электронный ресурс]. - URL: <https://inlibrary.uz/index.php/autoabstract/article/view/71194> (дата обращения: 05.02.2026).
 19. Шершах Арьян. Афганистан и страны Центральной Азии в контексте обеспечения региональной безопасности // Международные отношения. - 2022. - № 3. [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/afganistan-i-strany-tsentralnoy-azii-v-kontekste-obespecheniya-regionalnoy-bezopasnosti> (дата обращения: 15.01.2026).
 20. Khizar S., Saeed S., Ilyas M. Afghanistan's Security Situation and the Regional Dynamics: An Analysis of the Convergence of Interests // Journal of Development & Social Sciences (JDSS). - 2024. - Vol. 5. - No. 2. - P. 670-681. - DOI: 10.47205/jdss.2024(5-II)62.

21. Sakhi N. The Taliban Takeover in Afghanistan and Security Paradox // Asian Journal of Comparative Politics. - 2024. - Vol. 9. - No. 3. - P. 241-256. [Электронный ресурс]. - URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/23477970221130882> (дата обращения: 05.02.2026).
22. United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). Afghanistan and Central Asia: Drug Trafficking and Security. - Vienna, 2018. [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.unodc.org> (дата обращения: 10.01.2026).

THE AFGHAN ISSUE IN THE STUDIES OF RUSSIAN AND CENTRAL ASIAN AUTHORS

Imomaliyev Amirdzhon Alisherovich

1st year PhD student
of the Department of Foreign Regional Studies and Foreign Policy
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 501 81 30 03 (m.)
amir97.97.97@mail.ru

The article is devoted to the analysis of the Afghan issue in the context of regional security in Central Asia and examines the approaches of Russian and Central Asian authors to its study. The Afghan crisis is considered as a key factor of instability in the region, influencing the domestic and foreign policies of states, cross-border processes, and the formation of collective security mechanisms.

The paper analyzes the theoretical, historical-political, and practical aspects of the Afghan factor, as well as the consequences of the crisis for border areas and national security strategies. Russian researchers focus primarily on the macro-level geopolitical and international political consequences of the Afghan issue, emphasizing the role of external actors and international organizations. Central Asian authors, in turn, pay greater attention to the regional and national specifics of threats, the impact of the crisis on Tajikistan and other neighboring states, and practical measures to counter cross-border challenges.

A comparative analysis demonstrates the complementary nature of these approaches, identifies common positions, and highlights controversial issues. The article underscores the need for a comprehensive interdisciplinary approach and the integration of various academic traditions for a deeper understanding of the Afghan crisis and the development of effective regional security strategies.

Keywords: Afghanistan; Central Asia; regional security; Afghan factor; cross-border threats; Russia; Tajikistan.

МАСЪАЛАИ АФҒОНИСТОН ДАР ТАҲҚИҚОТИ МУАЛЛИФОНИ РУСИЯ ВА ОСИЁИ МАРКАЗӢ

Имомалиев Амирчон Алишерович

довталаби соли аввали таҳсил
кафедраи минтақашиносии хориҷӣ ва сиёсати хориҷӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон,
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 501 81 30 03 (м.)
amir97.97.97@mail.ru

Мақола ба таҳлили масъалаи Афғонистон дар заминаи амнияти минтақавии Осиёи Марказӣ бахшида шуда, равишҳои муаллифони Русия ва кишварҳои Осиёи Марказиро дар омӯзиши он баррасӣ менамояд. Бухрони Афғонистон ҳамчун омили калидии ноустуворӣ дар минтақа арзёбӣ гардида, таъсири он ба сиёсати дохилӣ ва хориҷии давлатҳо, равандҳои фаромарзӣ ва ташаккули механизмҳои амнияти дастаҷамъӣ мавриди таҳлил қарор мегирад.

Дар қор ҷанбаҳои назариявӣ, таърихӣ сиёсӣ ва амалии омили афғонӣ, инчунин паёмдҳҳои бухрон барои минтақаҳои наздисарҳадӣ ва стратегияҳои миллии амният баррасӣ мешаванд. Муҳаққиқони рус бештар ба паёмдҳҳои геополитикӣ ва байналмилалӣ мушкилаи Афғонистон таваҷҷуҳ зоҳир намуда, нақши бозигарони хориҷӣ ва созмонҳои байналмилалиро таъкид мекунанд. Муаллифони Осиёи Марказӣ бошад, ба хусусиятҳои минтақавӣ ва миллии таҳдидҳо, таъсири бухрон ба Тоҷикистон ва дигар кишварҳои ҳамсоя, инчунин ба чораҳои амалии муқовимат ба ҷолишҳои фаромарзӣ диққати бештар медиҳанд.

Таҳлили муқоисавӣ хусусияти мукамалкунандаи равишҳоро нишон дода, мавқеъҳои умумӣ ва масъалаҳои баҳсбарангезро ошкор месозад. Мақола зарурати равиши фарогири байнисоҳавӣ ва ҳамгироии анъанаҳои гуногуни илмиро барои дарки амиқи бухрони Афғонистон ва таҳияи стратегияҳои самараноки амнияти минтақавӣ таъкид менамояд.

Калидвожаҳо: Афғонистон; Осиёи Марказӣ; амнияти минтақавӣ; омили афғонӣ; таҳдидҳои фаромарзӣ; Русия; Тоҷикистон.

УДК 94(571.1/5):28-9(=222.8)

ВКЛАД ТАДЖИКОВ В РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИСЛАМА В СИБИРИ (XVI - XVIII ВВ.)

Мухидинов Сайдали Раджабович

доктор исторических наук, профессор
кафедры всеобщей и отечественной истории
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 93 521 92 74 (м.)
raja1956@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы вклада таджиков в распространение ислама в Сибири (XVI- XVIII вв.). Сибирь с давних времён являлась рынком сбыта среднеазиатских товаров. Торговые и политические сношения с центрами мусульманского просвещения в Средней Азии – Бухарой и Ургенджем - способствовали распространению на берегах Туры и Тобола духовной культуры ислама. Распространение ислама в Сибири, непосредственным образом связаны с торговой деятельностью купцов, в том числе сибирских бухарцев (таджиков). Исламизаторская деятельность на этой территории связана с представителями суфийских орденов, среди которых главную роль сыграли шейхи из тарикатов Йасавийа и Накшбандийа. Вклад бухарцев (таджиков) в распространение религии в Сибири подтверждается иностранными учёными. В это число входят и американские учёные, которые отмечают заметный статус и важную роль бухарцев (таджиков) среди мусульман России. Бухарцы - достаточно «мобильная диаспора», зарекомендовали себя в местном мусульманском обществе как верхний слой, как носителей исламской веры в Сибири. Среди распространителей ислама в Сибири были и таджикские женщины по имени Ханифабиби, Хадичабиби и Солихабиби.

Ключевые слова: Сибирь; ислам; суфизм; распространение; суфийский орден; мусульмане; Йасавийа; Накшбандийа; бухарцы (таджики); шейхи.

После основания ислама на Ближнем Востоке и в Центральной Азии как государственной идеологии, арабские и среднеазиатские торговцы добрались до Иртыша, Оби и Енисея, чтобы найти новые рынки сбыта. Они поведали сибирякам данные по географии, о населении стран и их культуре. По возвращении на родину собранная информация о жителях северо-восточной границы обитаемого мира была обнародована. Торговцы свои записи фиксировали на различных носителях информации [8, с.46].

Учёные обнаруживали надписи на фарси на кайраке, на кладбище, на р. Хемчик в Республике Тыва, которые относятся к 1194 г. Это свидетельствует о появлении на этой территории мусульман. Скорее всего, это связано с торговлей по магистралям и ответвлениям Великого Шёлкового пути. По словам учёных, торговые караваны проходили и по югу Западной Сибири. Однако, тогда мусульмане постоянно здесь не жили. Также при археологических раскопках было найдено несколько кладов иранских вещей. «Один из них территориально приписан к городищу Лорвож, в материалах которого среди болгарских вещей была обнаружена накладка на крышку шкатулки с характерной куфической надписью, содержащей классическую формулу...» [8, с.50].

Академик В.В. Бартольд [2], определяя понятия «мусульманский мир», в частности отмечает, что «Мусульманские торговля и культура в Средней Азии оказали влияние на народы, находящиеся не только вне политических границ мусульманского мира, но и вне сферы распространения ислама, как религии... Мусульманские купцы были в орде Чингисхана задолго до начала его завоеваний...» [2, с.33]. Слово «сарт» (от индийского), первоначально означавшее «купец» и ставшее у тюрков народным названием среднеазиатских иранцев, затем было заимствовано монголами в форме «сартактай» и в монгольских сказаниях превратилось в собственное имя легендарного богатыря - строителя чудесных плотин и запруд.

Констатируя слова академика В.В. Бартольда, исследователь Д.Исхаков пишет, что в распространение ислама среди татарского (татаро-монгольского) сословия Золотой Орды главную роль действительно сыграли мусульмане из Хорезма, и в целом из Средней Азии. С ними связано и формирование в Золотой Орде института сейидов, который сохранился также и в поздnezолотоордынских тюрко-татарских государствах, возникших в результате распада Улуса Джучи в первой половине XV в. [10, с.12].

После открытия пути для проникновения ислама в Западную Сибирь из Средней Азии начали прибывать караваны. Их появление, по-видимому, отражает подлинные намерения правящих кругов узбекских ханств: посредством распространения ислама они стремились не только к установлению политического влияния в регионе, но и к развитию торговых связей с Сибирским ханством. Имеются основания утверждать, что в тот период Сибирь выступала в качестве «рынка сбыта» среднеазиатских товаров [6, с.18]. На основании анализа источников можно утверждать, что распространение ислама в Сибири непосредственно связано с торговой деятельностью купцов, в частности сибирских бухарцев (таджиков - СМ), «которые обеспечивали тесные экономические и культурные связи между Западной Сибирью и исламским миром».

Торговые и политические сношения с центрами мусульманского просвещения в Средней Азии – Бухарой и Ургенджем - способствовали

распространению духовной культуры ислама в районах Туры и Тобола. При них и, если верить татарской легенде, по их инициативе, бухарский хан Абдулла направил в 1572 г. «к сибирскому народу для наставления его в вере» посольство во главе с одним из наиболее уважаемых шейхов Ургенча – Шербети (Шарбаты - СМ) и сеидом Ярымом. Спустя несколько лет им же была отправлена в Сибирь новая миссия, в состав которой вошли тот же Шербети, учёный ургенчский богослов Дин-Али и другие учёные - «с ахунами, мирзами и слугами» [20, с.161]. Отметим, согласно изученным нами источникам, бухарский хан Абдулла взойшёл на трон в 1557 году при непосредственной поддержке руководителя «суфийского тариката Накшбандийя Мухаммада Ислама, известного также как Ходжа Джуйбари» [14, с.7].

Историография последних десятилетий показывает, что учёными и специалистами, занимающимися исламской проблематикой Сибирского региона, были подготовлены и опубликованы монографии, ряд книг, многочисленные статьи, в которых отражены проблемы распространения и обоснования ислама в Сибири. В их работах в том или ином аспекте рассматриваются следующие вопросы: культ святых, книжная традиция и религиозное образование, среднеазиатское (бухарское) влияние, роль религиозных элит среднеазиатского происхождения в формировании культурно-религиозной идентичности сибирских мусульман, а также исламский фактор политического развития. Среди таких ученых можно выделить: Ф.Т. Валеев [6], М.А. Корусенко [11; 12; 13], А.Г. Селезнев [20], И.А. Селезнева [18], И.В. Белич [19], М.Е. Резван [17], Д.М. Исхаков [9; 10], А.С. Зуев, П.С. Игнаткин, В.А. Слугина [7], а также такие труды, как «Сибирский ислам в Средние века и Новое время» [22], «Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири» [8] и др.

Согласно историческим данным в XV–XVI вв. Шейбаниды в Сибири основали два ханства – Тюменское (1429–1510-е гг.) и Сибирское (1563–1610-е гг.). Распространение ислама в данном регионе исследователи связывают с деятельностью представителей «суфийских орденов, среди которых главную роль сыграли сейиды из тарикатов Йасавийя и Накшбандийя» [20].

Таким образом, распространители ислама, прибывшие в Сибирь, характеризуются как ученики и последователи Ходжа Бахааддина. В этом персонаже большинство интерпретаторов усматривают Ходжа Бахааддина Накшбанд (1318–1389), который заложил организационные основы суфийского тариката, впоследствии получившего название Накшбандийя.

Результатом религиозного противостояния стало принятие ислама частью местного населения; однако часть жителей покинула регион и укрылась в Китае. По данным источников, из общего числа участников со-

бытий погибло около трёхсот шейхов и тысячи четырёмсот сорока восьми стражников Шейбанидов, тогда как часть из них осталась в Сибири «для обучения основам ислама», а остальные вернулись на родину - в Бухару.

После этих событий была открыта дорога вдоль реки Джирс (Иртыш), по которой начали проходить караваны. В регион стали прибывать учёные, ходжи и ишаны для религиозного обучения; большинство из них принадлежало к суфийским мистическим традициям [20,170-171].

В книге «Ислам на краю света» сообщается, что распространители ислама якобы доложили Бахауддину о честном и успешном выполнении его поручения. Согласно тексту, «300 из 3663 12 шейхов и 1 448 из 1 700 сопровождавших воинов погибли в ходе «великого сражения за веру». Интересно и указание в тексте: только три (!) пришельца обосновались среди сибиряков, а 63 шейха вернулись на родину». Применительно к другому герою легенд и сачара (шаджара-СМ) упомянем: - Багау-ль-хакк-уа-д-дине Ходжа (Бахавуддин шейх / Ходжа-йи бузург / Шах-и накшбанд / Бахā' ад-дин Мухаммад б. Бурхāн ад-дин Мухаммад ал-Бухāри / Баха' ад-дин Накшбанд) (1318–1389) – предводитель суфийского братства Накшбандия, который умер в 1389 г. Некоторые авторы, сомневаясь в достоверности приведённых выше данных, отмечают, что Баха ад-дин Мухаммеде б. аль-Хусейн аль-Хатиби аль Бальти (Руми / Мауляна / Мавлоно Джалолиддина) (1207–1273) - поэт-мистик и руководитель братства Маулавия - отец Мавлоно Джалолиддина - естественно, не мог ни отправлять, ни принимать подобные миссии [8, с.73].

Исследователь Р.Ф. Бахтиев, рассматривая вопросы распространения ислама в Западной Сибири на основе источников – шаджара татар Сибири, опубликованных исследователем Н.Ф. Катановым в начале XX века, приводит хронологию распространения ислама в Западной Сибири в XIV–XVI вв. [4]. Начальный этап распространения ислама проходил, предположительно, с начала X по XIII вв. Второй этап охватывает XIII – XV столетия. Третий этап исламизации сибирских татар проходил в период с 1563 по 1598 годы [4, с.5-11]. Заключительный этап распространения ислама в этом регионе проходил в конце XVI до начала XX вв. Согласно мнению автора, на первом этапе исламизация продолжилась при посредничестве бухарцев (таджиков) из Средней Азии, которые выступали торговыми посредниками между Россией и регионами Средней Азии [14, с.11].

По словам известного таджикского философа А. Мухаммедходжаева, «ранние представители суфизма, избегая роскоши и богатства, общества людей, вели сугубо аскетический образ жизни. Именно исходя из этого, многие исследователи суфизма единогласно придерживаются мнения, что основным и определяющим элементом суфизма в его раннем периоде был аскетизм - зухд (воздержание, отшельничество). Многие из них избегали мира до такой степени, что жили в уединении, старались как можно мень-

ше встречаться с людьми, целиком и полностью уповали на бога» [16, с.10]. Автор развивая данную мысль также отмечает, что с начального этапа появления суфизма, в период раннего Средневековья, «постепенно обогащался элементами набожности и мистицизма, а в последующем – и пантеизма» [16, с.13].

По сведению одного из первых исследователей Сибири Г.Ф. Миллера, в семье сейидов, проживавших во время его пребывания в Сибири «недалеко от Тобольска, в юртах Сабанакowych и Тадзымовых», сохранялось предание о том, что они ведут свой род со времен Кучума. По его словам, предводителем данной «сеитской семьи» являлся житель Ургенча Дин-аул ходжа (Дин-али-ходжа), представляющий духовную элиту государства Шейбанидов [23, с.25].

Исследователи истории ислама в Сибири постоянно основываются на сибирских рукописях, в частности на рукописи «О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири», также шаджара сибирских суфиев. По мнению исследователя А.К. Бустанова, «содержащаяся в них легенда об исламизации Сибири – всего лишь образ того, как хотели видеть процесс распространения истинной веры мусульманские ученые XVII–XVIII вв.» [14, с.5].

Учёные констатируют, что культ святых - феномен, универсальный для всего исламского мира, - наиболее наглядно проявился в региональной форме ислама в Сибири. Содержание данного культа, как и везде в мире ислама, в Сибири составляет «комплекс ритуальных действий, связанных с почитанием священных могил и захороненных на них святых последователей. Конечно, огромный вклад в развитии культа святых принадлежит в целом суфизму [20, с.162-163].

Также ключевым элементом культа святых в исламе Сибири, который связан с остальным исламским миром, являются святилища (астаны). [20, с.163-164]. По словам исследователя А.Г. Селезнева, слово «астана» имеет таджикское происхождение. Близкие дифиниции (астана, остон, остана) очень популярны «в исламских общинах Казахстана, Средней Азии, Приуралья». Более того, в исламе повсюду они связаны с культом святых. Наиболее полные аналогии культа святых имеются на Памире (в Горно-Бадахшанской автономной области в Таджикистане - СМ), среди местных исмаилитских ираноязычных групп (таджиков - СМ), где вокруг гробниц святых подвижников формируются святилища, называемые остон [20, с.165].

По мнению М.Д.Исхакова, самый выдающийся среди вышеназванных святых – шейх Меджидуддин Ширвани «из рода пророка, от сына Хазрет-и Али, известный учёный». Второй – шейх Неджибуддин, из сыновей Мухаммеда бин Абу Бакра ас Сыддика-Баба Токлас. Третий – один из

великих ханафитских учёных, шейх Ахмед (Ахмад-СМ), и четвёртый был шейх Хасан Гюргани (на таджикском Гургони - СМ)» [10,16].

Таким образом, М.Д.Исхаков устанавливает, что Саййид-Ата – это и есть Сейид Ахмад. Он считает, что по любому Саййид-Ата, т.е. шейх Ахмад, является одной и той же личностью. По его мнению, с принятием ислама ханом Узбеком и его последователями Саййид-Ата был назначен «верховным сейидом в государстве» и получил титул «почётного сейида, главы шерифов» [10, с.18].

Особо надо отметить ещё один важный аспект: значительную роль в распространении ислама в Сибири, по мнению ряда исследователей, сыграли бухарцы (таджики). Данный факт подтверждается иностранными учёными.

Американский учёный А. Франк, рассматривая крупные бухарские общины, которые проживали в Сибири и Волго-Уральском регионе России в XVII–XIX вв., проанализировал религиозные отношения мусульман. В частности, он пишет «о заметном статусе и роли бухарцев (таджиков) среди мусульман России». Согласно словам учёного, на исламское возрождение, появившееся в России с середины XVIII столетия, огромное влияние оказали бухарские медресе и научная среда [21, с.57].

Другой американец - учёный К. Ноак, изучая торговую деятельность бухарцев в Сибири, характеризует их как «небольшую, но богатую группу из Центральной Азии», обеспечивавшую устойчивые и многосторонние связи между Западной Сибирью и исламским миром. В своих публикациях он рассматривает историю таджиков (бухарцев) «как маленькую и очень «мобильную диаспору». В силу удалённости Сибири от среднеазиатского региона, российские государственные «органы признавали необходимость экономической деятельности небольшой мусульманской элиты и предоставляли им существенные привилегии». По заключению учёного, бухарцы (таджики) сохранили свой экономический потенциал и свои специфические особенности культурной идентичности «вплоть до начала XIX столетия. Сибирские бухарцы являлись верхним слоем в местном мусульманском обществе [21, с.57].

Интересные сведения приводит и американская исследовательница Э. Монахэн. Она рассматривает деятельность торговцев в Сибири и их контакты с другими государствами, отмечая особую роль сибирских бухарцев (таджиков). Анализируя значение ислама в жизни сибирских торговых групп, автор подчёркивает, что, несмотря на государственную ориентацию на православие, именно мусульманские торговцы были необходимы для развития торговли. По её мнению, «сибирские бухарцы были тесно связаны с исламским миром, выступали носителями исламской традиции в Сибири и сохраняли родовые генеалогические предания» [21, с.58].

Желание укрепить торговые связи с Сибирью побуждало Абдуллу-хана к активным дипломатическим действиям, и в 1572 г., по просьбе Кучума, он направил духовное посольство для утверждения ислама в его владениях. Как отмечает С. В. Бахрушин, в среднеазиатской торговле мусульманскому духовенству принадлежало весьма значительное место. В 1596 г. среди бухарских торговых людей, направлявшихся к Кучуму и перехваченных русскими, упоминается Усеин-абыз (Хусайн хофиз - СМ), обладавший почётным духовным титулом [3, с.199].

После официального принятия ислама мусульманское духовенство в Сибирском юрте формировалось преимущественно из образованных выходцев из Средней Азии. Уроженец Ургенча Дин-Али Ходжа выходец из Урганджа, который руководил очередной миссией, посланной в Бухару, выражал желание жить в Сибири. По некоторым сведениям, он в дальнейшем женился на «дочери Кучума – Нал-Ханише» [3, с.201].

В XVII в. среди сибирских бухарцев сохранялось значительное число представителей духовенства, вероятно потомков мусульманских переселенцев XVI в. В Таре в 1672 г. упоминаются «сеиты», т.е. «сеиды». Здесь упоминаются дворы сеита Мирали Сеитова и Ак-сеита Сеитова (Саидовых - СМ), возможно принадлежавших к потомкам Дин-Али Ходжи. В бухарской колонии Тобольска духовные лица занимали почётное положение: в 1701 г. представителем интересов сибирских бухарцев выступает мулла Максютка Алимов (Максудака Олимов - СМ). Часть из них являлась крупными собственниками. Наряду с официальными представителями мусульманского духовенства встречались и «шейхи» - почитаемые за святость жизни старцы. Таким образом, заключает С.В.Бахрушин, и в XVII в., подобно их предкам, прибывшим по вызову Кучума и Ахмет-Гирея, выходцы из Бухары служили проводниками ислама среди сибирских народов и живой связью с среднеазиатскими центрами правоверия [3, с.208].

Среди татарского населения Сибири бухарцы (таджики) выделялись сравнительно высоким уровнем образования. По словам Витзена, в Тобольске существовала «арабская школа», т.е. училище, где преподавалось чтение корана на арабском языке. Преподавателем был, по свидетельству Витзена, «араб», т.е. один из бухарских ходжей или сеидов, ведущих свой род от Мухаммада и других халифов. Эта школа и служила центром распространения грамотности среди татарского населения. «А в Тобольске, - говорится в одной воеводской отписке – татаровя и бухарцы грамоте умеют многие». Через бухарских посредников проникали в Тобольск и образцы среднеазиатской литературы исторического и богословского характера. Миллер нашёл у тобольских бухарцев «рукописную книгу Абулгазиева», отрывки из которой для него перевёл один человек духовного чина, буха-

рец по происхождению. В XVIII в. в обращении находилась также арабская рукописная книга «Деяния Спасителя» [15, с.212].

Исследователи признают, что часть жителей Сибири, которые были кочевниками, пока не имели в «своем мировоззрении» объединяющие идеи. По документам XIV – XV вв., их называют «мещеряками». Уже позднее в XVI – XVII вв. – татарами. Территория их проживания, это – правобережье Волги и до правобережья Оки на севере [15, с.163-164]. Первыми мусульманами, которые остались жить на постоянной основе, были бухарцы и служилые татары. С 1640-х гг. они «остались для постоянного жительства на земле Кузбасса и выступали переводчиками в переговорах о принятии российского подданства» [8, с.185].

Бухарский сейид Дин-Али б. Мирали и сибирский хафиз Игеберди выступали послами в трёхсторонних переговорах между Бухарой и Сибирью. Более того, бухарский сейид, по некоторым данным «был верховным сейидом Сибирского ханства с 1574 г.» [8, с.185].

Источники свидетельствуют, что быть бухарцем «было не только выгодно, но и престижно». Именно из бухарцев вышли видные и авторитетные улемы, особенно те, которые были из числа оставшихся от «бухарских миссий». Среди них были: Дин-Али ходжи, Худжам Шукур, шайх Шарбати. А также те, которые вновь прибыли, в том числе Давлат-шах б. шах 'Абд ал-Ваххаб ал-Хусайни и др. Отмечается, что им, т.е. бухарцам, даже «доверяли государственные дела». Например, в 1647 г. «тарской бухаретин мулла, бухарской поп» послан вместе с отрядом П. Сабанского для переговоров о возвращении беглых в Отечество, а в составе первого российского посольства, следовавшего из Тобольска в Китай в 1652 г., находился бухарец С. Аблин» [8, с.212]. «Социокультурная идентичность проявлялась в повседневной деятельности и формах поведения: бухарцы, к примеру, выступали «законодателями моды». Почти все элементы их парадного костюма были среднеазиатского типа, и только зимняя одежда претерпела изменения. Летнюю мужскую одежду составляла рубашка «наподобие халата», т.е. распашная, и халат, а также тонкий армяк. У богатых одежда была шелковая и полушелковая» [8, с.212].

Известный таджикский историк М.Б. Бабаханов отмечает участие женщин-бухарок в процессе исламизации Сибири — Окилабиби, Ханифабиби, Хадичабиби, Солихабиби. Эти сведения зафиксированы в рукописи Саъди Ваккоса Бухорои, хранящейся в Тобольском музее [1, с.180].

Не меньший авторитет имел «глава народа таб», который в 1769 г. был ахуном Соборной мечети. Этой мечетью владел персидский и тюркий бухарец или татарин Худжа Шукур б. Гаваза (Хужа-Назар б. Гаиб -Назар) (1267 г.), вероятно, потомок мирзы Баки б. Гаваза. Это должность была не «светское, а духовное руководство тобольскими мусульманами». Он был не только религиозным руководителем, но и поэтом, автором «Насихат-

наме» («Книга наставлений») под псевдонимом «Аэмдэми» (Амдами (скорее всего Хамдами - СМ)). О себе он упоминал как Хужа-Назар [8, с.273].

Интересы юртовских бухарцев в Тобольске и Тюмени представлял мулла М. Алимов. Принимая присягу на Коране, «они отвечали и за перевод показаний, и за соответствие предъявляемого наказания вине, и за разъяснение решений суда людям, не знавшим русский язык». В Западной Сибири исламская жизнь в значительной степени регулировалась как «людьми меча», так и «людьми пера». Здесь каждый мужчина «являлся воином, а в мирное время занимался хозяйством» [8, с.276].

В ответ на просьбу бухарцев в 1762 г. императорским указом было разрешено основание слободы и выделение земель под мечеть и кладбище, что свидетельствует о росте мусульманского населения в городах региона. Сибирские власти даже выделили земли ближе к городам под мусульманские кладбища, т.к. городских мусульман стало много [8, с. 200].

А.К. Бустанов и С.Н. Корусенко в статье «Родословные сибирских бухарцев: шахи» предлагают интересные факты [5, с.136-145], анализируют генеалогии сибирских мусульманских элит, происхождение которых связано с переселением бухарцев в XVI–XIX вв. Статья рассматривает исторические события из высших слоев общества, т.е. «семейств сибирских мусульман». Существование родословий среди западносибирских татар, скорее всего была связано с теми бухарцами, «которые активно заселяли регион в XVI–XIX вв.». Они только в XX веке стали сибирскими татарами. Учёным «удалось выявить несколько вариантов родословной потомков Авваз-Боки, которые «прибыли из Сайрама в Сибирь, в окрестности г. Тары, и установить социальный статус основных представителей рода Шиховых» [5, с. 136-145].

Заселенных в деревнях, которые основали бухарцы в XVII–XIX столетия в Тарском уезде, «продолжают функционировать в коллективной памяти предания, связанных с появлением представителей этого рода в Сибири и знаковыми для сибирских бухарцев событиями». Это говорит о том, что Шиховы (потомственные бухарцы) долгое «время сохраняли письменные родословия (араб. шаджара – «дерево»). Это говорит о том, что Шиховы долгое «время сохраняли письменные родословия (араб. шаджара – «дерево»). В ряде случаев родословные сохранялись вплоть до XX в., часть из них была утрачена в советский период или продолжила существование за пределами России, в частности в Турции. Там они основали «отдельное поселение, где семейные родословные предания обрели вторую жизнь» [5, с.36-145].

Согласно данным переписи населения 1897 г., значительная часть представителей рода Шиховых получила образование в исламских учебных заведениях. Сопоставление генеалогических схем с материалами реви-

зий позволило выявить потомков всех четырёх сыновей Аввас-Бакышайха, хотя на данном этапе более полно прослежены линии Алим-шайха и Файзи-шайха. Для их потомков характерно закрепление фамилии Шиховы, а также формирование устойчивой трехсоставной именной основы.

Таким образом, торговые и политические сношения с центрами мусульманского просвещения в Средней Азии – Бухарой и Ургенджем способствовали распространению на берегах Туры и Тобола духовной культуры ислама. Распространение ислама в Сибири, непосредственно связано с торговой деятельностью купцов, в частности сибирских бухарцев (таджиков). Распространение ислама в данном регионе принадлежит, прежде всего, «сейидам из тарикатов Йасавийа и Накшбандийа» и другим представителями суфийских орденов. О высоком статусе и значительной роли бухарцев (таджиков) в мусульманском обществе России отмечаются и в зарубежной историографии.

Литература

1. Бабаханов М. История таджиков мира. - Душанбе: Эчод, 2005. - 512 с.
2. Бартольд В.В. Мусульманский мир . - Петербург: Наука и школа, 1922. - 92 с.
3. Бахрушин С.В. Научные труды. IV-е Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. Сибирь и Средняя Азия в XVI – XVII вв. – М.: Из-во АН СССР, 1959. - 1959. - С. 163-212.
4. Бахтиев Р.Ф. Шеджере Сибирских татар (по списку Н.Ф.Катанова) как языковой источник: Автореф... дис. канд. филолог. наук. - Казань, 2013. - 24 с.
5. Бустанов А.К., Корусенко С.Н. Сибирские бухарцы: Шиховы // Археология, этнология и антропология Евразии. - . 2014. - №60(4). - С.136-145.
6. Валеев Ф.Т. Сибирские татары: культуры и быт. - Казань: Татар.кн. изд-во, 1993. - 207 с.
7. Зуев А.С., Игнаткин П.С., Слугина В.А. Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI – начале XVIII в. - Новосибирск: Изд-во НГУ, 2017. - 444 с.
8. Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири: [в 3 т.]. – Т. 2: Сибирский ислам в Средние века и Новое время [коллективная монография] / под ред. А.П. Яркова. – М., 2019. - 408 с.
9. Исхаков Д.М. Институт сейидов в Улусе Джучи и позднесолотоордынских тюрко-татарских государствах. - Казань: Фэн, 2011. - 228 с.
10. Исхаков Д.М. Фигура Сайидада-ата в ходе исламизации улуса Джучи по тюркским источникам//Родной край. Краеведческий журнал. - Казань, 2024. - №4. - С.11-22.
11. Корусенко М.А. Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII–XX вв.: Опыт анализа структуры и содержания. - Новосибирск, 2003. - 188 с.
12. Корусенко С.Н. Этносоциальная история и межэтнические связи тюркского населения Тарского Прииртышья XVIII–XX веков. – Омск: Изд. дом «Наука», 2006. – 218 с.
13. Корусенко С.Н. Сибирские бухарцы в начале XVIII века. - Омск, 2011. – 248 с.

14. Корусенко М.А., Ожередов Ю.И., Ярзуткина А.А. Мифология сибирских татар в символах образов и вещей (опыты прочтения). - СПб., 2013.
15. Маслюженко Д.Н. Деятельность суфийских орденов на территории Тюменского и Сибирского ханств //Вестник Томского гос. Ун-та.Истории. - 2015. - №2(34). - С.5-9.
16. Миллер Г.Ф. История Сибири. - М.; -Л.,1937. - Т.1. - 638 с.
17. Мухаммедходжаев А. Гносеология суфизма. - Душанбе: Дониш, 1990. -116 с.
18. Резван М.Е. Коран в системе мусульманских магических практик. -СПб., 2011. - 220 с.
19. Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Сибирский ислам: региональный вариант религиозного синкретизма. - Новосибирск, 2004. - 72 с.
20. Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Белич И.В. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. - М., 2009.- 216 с.
21. Селезнев А.Г. Ислам в Сибири: некоторые направления антропологического изучения // Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского. Этнография Омск. - 2018. - № 2. -С. 160-187.
22. Сибирские татары: материалы Всерос. (с междунар. участием) симп. «Культур. наследие народов Западной Сибири», посвящен. 100-летию д-ра ист. наук Фоата Тач Ахметовича Валеева и 20-летию I Сиб. симп. «Культур. наследие народов Зап. Сибири» (10–12 декабря 2018 г.) / под ред. З.А. Тычинских. – Тобольск: Тобольская типография, 2019. – 397 с.
23. Сибирский ислам в Средние века и Новое время [коллективная монография] / под ред. А.П. Ярков. – М., 2019. – 408 с.
24. Тычинских З.А. Сибирские бухарцы в XVI – XVIII вв.//Родной край. Краеведческий журнал. - Казань, 2024.- №4. - С.23-34.

THE CONTRIBUTION OF TAJIKS TO THE SPREAD OF ISLAM IN SIBERIA (15th-17th CENTURIES)

Mukhidinov Saidali Radzhabovich

Doctor of Historical Sciences, Professor
of the Department of General and National History
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 935 21 92 74 (m.)
raja1956@mail.ru

In this article, the author examines the contribution of Tajiks to the spread of Islam in Siberia in the 16th and 17th centuries. Siberia has long been a market for Central Asian goods. Trade and political relations with the centers of Muslim education in Central Asia, such as Bukhara and Urgench, contributed to the spread of Islamic spiritual culture along the banks of the Tura and Tobol rivers. The spread of Islam in Siberia was directly linked to the trade activities of merchants, particularly the Siberian Bukharans (Tajiks). The Islamization of

this territory is associated with representatives of the Sufi orders, among whom the main role was played by the seyids of the tariqas of Yasaviyya and Naqshbandiyya. The contribution of the Bukharans (Tajiks) to the spread of religion in Siberia is confirmed by foreign scholars. American scholars note the prominent status and role of the Bukharans (Tajiks) among Russia's Muslims as a highly «mobile diaspora», establishing themselves as the upper stratum of the local Muslim society and as the bearers of Islam in Siberia. Among the spreaders of Islam in Siberia were Tajik women such as Hanifabibi, Hadichabibi, and Solikhabibi.

Keywords: Siberia; Islam; Sufism; spread; Sufi order; Muslims; Yasawiyya; Naqshbandiyya; Bukharans (Tajiks); sheikhs.

САҲМИ ТОЧИКОН ДАР ГУСТАРИШИ ИСЛОМ ДАР СИБИР (АСРҲОИ XVI-XVIII)

Муҳидинов Саидалӣ Раҷабович

доктори илмҳои таърих, профессори
кафедраи таърихи умумӣ ва ватании

Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон

734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30

Тел.: (+992) 935 21 92 74 (м.)

raja1956@mail.ru

Дар ин мақола саҳми тоҷикон дар густариши ислом дар Сибир дар асрҳои XVI-XVII баррасӣ мешавад. Сибир аз қадимулайём бозори молҳои Осиёи Марказӣ буд. Тиҷорат ва муносибатҳои сиёсӣ бо марказҳои маърифатии мусалмонон дар Осиёи Марказӣ - Бухоро ва Урганҷ – ба густариши фарҳанги маънавии ислом дар соҳилҳои дарёҳои Тӯра ва Тобол мусоидат намуд. Паҳншавии ислом дар Сибир мустақиман бо фаъолияти тиҷоратии тоҷирон, бахусус бухороӣни Сибир (тоҷикон) алоқаманд буд. Фаъолияти исломикунонӣ дар ин минтақа бо намоёндагони тариқати суфиён алоқаманд буданд, ки дар миёни онҳо сайидҳои тариқатҳои Ясавия ва Нақшбандия нақши пешбарро бозида буданд. Олимони хориҷӣ дар бораи саҳми бухороӣн (тоҷикон) дар паҳншавии ислом дар Сибир навиштаанд. Олимони амрикоӣ мақом ва нақши барҷастаи бухороӣн (тоҷикон)-ро дар байни мусалмонони Русия ҳамчун як диаспораи хеле фаъол, ки худро ҳамчун қабати болоии ҷомеаи маҳаллии мусалмонон ва ҳамчун муболиғони ислом дар Сибир муаррифӣ мекунанд, қайд менамоянд. Занони тоҷик Ҳанифабӣ, Ҳадичабӣ ва Солихабӣ низ дар миёни паҳнкунадагони ислом дар Сибир буданд.

Калидвожаҳо: Сибир; ислом; тасаввуф; густариш; тариқати суфиён; мусулмон; Ясавия; Нақшбандия; бухорӣ (тоҷик); шайх.

УДК 94(575.32)"02/07"

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ПАМИРА

Пирумшоев Мунир Хайдаршоевич

доктор исторических наук, доцент
кафедры всеобщей и отечественной истории,
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республики Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 93 527 77 37 (м.)
munir.85@mail.ru

В статье рассматривается историография истории Памира и Бадахшана в III–VIII вв. в источниках и исторической литературе. Раннесредневековый период, согласно периодизации истории таджикского народа, охватывает III–VIII вв. – с утверждения власти Сасанидов до начала усиления освободительного движения за независимость от арабского владычества в Хорасане и Мавераннахре. Наиболее достоверными источниками для освещения истории конца древности и начала средневековья считаются китайские источники, особенно сочинения, повествующие о династических историях Китайской империи I–X вв., и, несомненно, записки китайских паломников до начала VIII в., путь которых в Индию пролегал через Памир и другие области Средней Азии. В частности, одними из первых были Фа Сянь (около 400 г. н. э.), а также Сон Юнь, который во время паломничества в Индию в 518–522 гг. н. э. прошёл через Вахан и Бадахшан и оставил в своих путевых записках ценные сведения о положении памирских владений. Несмотря на скудность источников, на основе имеющихся сведений в той или иной степени можно констатировать факт отношения таких этнических групп, как хунны, хиониты, кидариты, эфталиты, к народонаселению Памира на заре раннесредневекового периода.

Ключевые слова: Средняя Азия; Центральная Азия; Памир; Бадахшан; Афганистан; Кабул; Вахан; средневековый; советский; европейский.

Раннесредневековый период, согласно принятой периодизации истории таджикского народа в отечественной историографии, охватывает III–VIII вв., т. е. с утверждения власти Сасанидов до начала усиления освободительного движения за создание независимости от арабского владычества в Хорасане и Мавераннахре. По сравнению со сведениями, касающимися политической истории, в источниках крайне скудно отражена социально-

экономическая обстановка раннесредневекового Памира. Это затрудняет более обстоятельный анализ этого важного показателя истории жизни и хозяйственной деятельности коренных обитателей указанной горной возвышенности в её раннесредневековом периоде.

В сравнительно достоверных источниках, составителями которых преимущественно являлись китайские паломники, основное внимание обращено на политическую обстановку, сложившуюся вокруг Памира и близлежащих к нему государств, включая более мелкие самостоятельные владения. Тем не менее, сведения, содержащиеся в их путевых заметках, в совокупности с другими, также очень редкими доступными источниками, дают возможность составить общую картину социально-хозяйственной жизни раннесредневековых обитателей края.

В записках Сюань Цзана, приведшего свои наблюдения о занятиях местного населения Памира, в частности указывается, что в Шицини (Шугнан) много хлеба и овощей, но очень мало риса. Одежда местного населения в основном состоит из шерстяных тканей и кожи [13, с. 112; 4]. Интерес представляют сведения, имеющиеся в записках Хой Чао, совершившего путешествие в 20-х годах VIII в. в Индию. На обратном пути (в 729 г.), пролегавшем через Тохаристан, Памир и Восточный Туркестан, автор, обращая внимание на жизнь и быт населения Хуми (Вахана), указывает, что пища жителей в основном состояла из печёных и варёных мучных изделий, а сами они занимаются скотоводством. Разводят рогатый скот и овец. Это наводит на заключение о развитии земледелия и скотоводстве [16, с. 454].

В раннесредневековой китайской династической хронике – «Таншу» (История Тан) – эпизодически приводятся сведения, касающиеся хозяйственной жизни населения памирских владений. В частности, указывается, что в Вахане вызревали бобы и пшеница, имелись фруктовые сады, а жители разводили превосходных лошадей [13, с. 126].

Уместно отметить, что исследователь в ходе археологических раскопок, прослеживая ход развития земледельческой культуры вплоть до начала средневековья, пришёл к заключению о том, что разновидности культур, имевшие распространение на Памире в позднем средневековье, за некоторыми исключениями, внедрялись еще задолго до начала средневековья. «Характер древнего памирского земледелия, – пишет учёный, – можно представить себе (разумеется, в самых общих чертах и с необходимыми коррективами) на основании памирского земледелия в конце XIX – начале XX вв.» [3, с. 223].

На Западном Памире до высоты более 3000 м над уровнем моря земледельцам удавалось возделывать разновидности зерновых злаков. Соответственно природным условиям каждого из владений Западного Памира, местное население занималось возделыванием пшеницы, ячменя, ржи,

проса, гороха, маша, чечевицы и других зерновых культур. Из масличных и технических культур высеивали лён, подсолнечник, хлопок (в Дарвазе, Ванче, Рушане), табак, коноплю. Широко практиковались посевы таких бахчевых культур, как дыня, арбуз, тыква, огурцы, репа, морковь, свёкла, перец, лук и чеснок. То же самое можно сказать и о развитии садоводства и скотоводства [3, с. 222–225]. Все это, разумеется, в целом - хотя и несколько скудно, но в соответствии с климатическими условиями и малоземельем - обеспечивало необходимые жизненные потребности местного населения.

Суровые природные условия и географическая изолированность обуславливали в течение длительного времени развитие жизненно важных самобытных традиций ремесленного производства. Разнообразные археологические находки на всём пространстве Памира и Бадахшана свидетельствуют о сложении и развитии ремесленного производства. Этому способствовало наличие железных руд (главным образом в Ванче и Рушане), драгоценных металлов и камней. Кузнечное дело было широко распространено на всей территории Памира и Бадахшана. Следует отметить, что домницы (чиндон) для выплавки железных руд в основном находились вблизи копей. При этом важно было наличие соответствующего для выплавки топлива. Очищенное железо, из которого можно было изготовить орудия труда, затем путём обмена на необходимые товары распространялось во всех городах и селениях, где имелись кузнечные мастерские.

Известный историк и этнограф, большой знаток истории культуры Памира М.С. Андреев, наблюдавший непосредственно способы выплавки железа в Ванче, хотя и не углубляется в историю этого довольно полезного и доходного занятия для местного населения, пишет: «Ванч снабжает своим железом все соседние страны, окружающие его. Население последних само приходит в Ванч за покупками. Ванчцы свой товар не развозят. Торговля ведётся исключительно в виде товарообмена. Вахиочи (жители Вахиё), преодолевая громадные перевалы, привозят в Ванч для уплаты за покупку домотканые шерстяные материи (чакман, чодар, товарза), соль (вся соль получается из Вахиё). Дарвазцы привозят в Ванч главным образом «карбос» – местной выделки бумажную бязь, местной выделки чалмы («саля») и соль, покупая её сами в нижнем Вахиё. Язгулямцы привозят чулки (шерстяные) и шерстяные подпруги, сушёный урюк, местную обувь («чорук»). Шугнанцы выменивают, привозя шерстяные халаты, чулки, кожу (для выделки обуви). С афганской стороны везут, главным образом, бумажную материю (карбос)» [2, с. 17].

Разумеется, нельзя в прямом смысле приравнивать по достоверности результаты наблюдений М. С. Андреева к раннесредневековым источникам касательно добычи железа и развития кузнечного ремесла на Памире.

Но если исходить из той реалии, что в течение почти всего средневекового периода во многом усовершенствовалась техника изготовления железных изделий и качественные достижения в этом виде ремесленного производства, тем не менее, фактически способы добычи и выплавки железа вплоть до конца позднего средневековья почти не претерпели изменений.

Археологические находки из погребальных сооружений свидетельствуют о том, что на Памире в раннем средневековье ассортимент изготавливаемых железных изделий был широк и разнообразен. Он охватывал орудия труда, воинские доспехи, изящные изделия и украшения.

Согласно мнению специалистов, в раннем средневековье в каждой историко-культурной области Средней Азии сформировалась своя керамическая школа. В ходе раскопок археологических памятников на территории Кабадиана, Шумана, Ахаруна, Вахана и других мест были обнаружены керамические изделия, характерные для этих владений [10, с. 101]. Гончарное производство получило широкое распространение по всему Памиру. Как отмечено выше, керамическое производство занимало прочное место в жизни памирцев еще в древности. А. Д. Бабаев по археологическим материалам, прослеживая развитие этого вида ремесла и его место в хозяйственной жизни населения Памира, в частности пишет: «Интересна керамика раннего средневековья (могильники Зумудг, Ямчу и др.), где в тесто примешивалась слюда, особенно на Западном Памире. Слюда имитировала позолоту, делала керамику более нарядной. Керамическая глина – не всегда высокого качества, часто в неё подмешивали песок, зато обжиг – высокого качества» [3, с. 226].

Основываясь на археологических материалах, А. Д. Бабаев указывает, что начиная с древности и на протяжении всего средневековья и последующих периодов деревообделочное ремесло было одним из главных занятий горцев. Широко практиковалось изготовление разнообразной посуды и другой хозяйственной утвари [3, с. 227].

Судя по разнообразным ювелирным находкам, на Памире соответствующее развитие имело ювелирное дело. Опираясь на материалы, добытые в ходе археологических раскопок, А.Д. Бабаев высказал предположение о развитии ювелирного дела. Украшения изготавливались из бронзы, железа, кости и стеклянной массы бусы. «Памирские находки – украшения, – пишет учёный, – можно отнести к довольно продолжительному времени: от III в. до н. э. (сакская эпоха) до раннего средневековья (IV–VI вв. н. э.). Это браслеты (бронзовые - могильники Чилхона, Гюль-Мазар; стеклянные – могильник Ямчун), перстни, серьги, подвески, бусы (могильники Зумудг, Птуп и др.). Анализ бронзовых изделий показал, что бронза привозная. Очевидно, бронза привозилась и обменивалась на другие предметы, а местные ювелиры изготавливали из неё украшения» [3, с. 227].

Одним из ярких социально-экономических показателей раннесредневекового Памира является его прямая причастность к Великому шёлковому пути.

Памир и его суровые климатические условия, географическая труднопроходимость для несведущего человека создают впечатление изолированности края от главных очагов мировой цивилизации. Но даже при поверхностном знакомстве с историей этого горного региона, казалось бы, малопригодного для жизни, открывается загадочный и во многом восхищающий воображение факт его неотъемлемой связи с развитыми древними и средневековыми государствами. Почти все исследователи, в той или иной мере причастные к изучению истории и культуры Памира, едины во мнении о том, что именно по этому великому горному узлу на протяжении многих веков проходил Великий шёлковый путь, соединяющий Восток с Западом [8, с. 112–118].

Как бы подчеркивая верность мнения исследователей о значимости Памира в торговых связях Запада и Востока, А.Д. Бабаев пишет: «Через Памир пролегал один из наиболее важных и оживлённых путей древности и средневековья, по которому следовали торговые караваны и предприимчивые купцы доставляли большие партии товаров... Памир, по которому проходил Великий шёлковый путь, несомненно, имел торговые связи с Индией и Китаем на востоке, с Ираном, Тохаристаном и другими землями на западе» [3, с. 229].

Имеющиеся источники показывают, что торговые связи Памира и Бадахшана с близкими и дальними странами берут начало с глубокой древности. В этой связи, как отмечено выше, известно, что добыча, обработка и экспорт балахша (рубина) распространили славу Бадахшана до Египта и Вавилонии [15, с. 266; 1, с. 69–70; 7, с. 355–356]. Изделия, изготовленные из рубина и ляпис-лазури в древние времена, обнаружены на территории государств Ближнего Востока [11, с. 31].

Указывая на определяющее значение Шёлкового пути в этом отношении, М. А. Бубнова верно заметила, что «на основе археологических материалов выявлены предпосылки зарождения Ваханского и Шугнанского участков Великого шёлкового пути. В погребениях VII–III вв. до н. э. обнаружены привозные изделия из железа, бронзы, стекла, полудрагоценных камней, сердолика и нефрита» [5, с. 32]. Она же, сопоставляя данные археологических материалов с письменными источниками и выводами ведущих специалистов, определила функционирование в I в. до н. э. следующих ветвей Шёлкового пути через Памир и Припамирье:

«Шугнанский путь – единственный, пересекавший Памир с востока на запад в широтном направлении. Он шёл по линии: Яркенд – Ташкуртан – Аличур – Гунт – оз. Шива – Файзабад – Балх... Одновременно Шугнан-

ский путь являлся северной ветвью Южного пути из Китая в страны Запада.

Ваханский путь, проходивший по югу Памира вдоль северных склонов Гиндукуша по линии: Яркенд – Ташкуртан – Вахан – Ишкашим – Зебак – Файзабад – Балх (маршрут из Ташкуртана в Вахан пролегал тремя путями: по р. Памир, по р. Вахандарье и по р. Вахджир через одноимённый перевал. Наиболее удобным был маршрут по р. Памир через оз. Зоркуль). Ваханский путь являлся главной ветвью Южного пути и был, по-видимому, наиболее древним и самым важным путём Памира и Припамирья» [5, с. 33].

Следует отметить, что на рубеже II–I вв. до н. э., когда участились нападения кочевых племён на степных участках Великого шёлкового пути, особую важность получил торговый путь через Памир. Это способствовало тому, что Ваханский (или Великий буддийский) путь и Шугнанский путь стали важными частями международных торговых магистралей. Они открыли возможность постоянного передвижения буддийских паломников, торговых караванов и посольских миссий между государствами. Более пяти веков памирский маршрут считался одной из важных ветвей Шёлкового пути, связующей Восток и Запад. Уместно отметить, что Памир с древних времён был связующим звеном между Средней Азией, Шаншунгом и северными и северо-западными владениями Тибета. Культурные традиции Ирана, наблюдаемые в Тибете, приводят к мнению о том, что именно через этот путь они могли распространяться в данном крае [12, с. 298–300].

После падения Кушанской империи в IV в. международная торговая связь через Памир несколько ослабла. Теперь она чаще проходила через северные и северо-восточные соседние провинции Средней и Центральной Азии [8, с. 112–118; 9, с. 166; 14]. Ослабление значимости памирской ветви Великого шёлкового пути в VI–VIII вв. связано с осложнением политической ситуации в регионе в целом, о которой речь шла выше.

Но это вовсе не может стать поводом для заключения о прекращении функционирования памирской ветви Великого шёлкового пути. Разумеется, её работа в той или иной мере зависела от тех политических ситуаций, которые разворачивались не только вокруг Памира и соседних владений, но и во всей Центральной Азии в целом. Значимость памирского торгового пути всегда была отчётливо заметной в политической и торговой жизни всего региона.

Таким образом, исходя из имеющихся сведений, касающихся социально-экономической истории Памира в раннем средневековье, – хотя они, как мы отмечали выше, крайне скудны, – можно констатировать факт развития земледелия и скотоводства в регионе. Обилие археологических находок на всей территории Памира и Бадахшана свидетельствует о сложении и развитии самобытной традиции ремесленного производства. Со-

циально-экономическому развитию региона в данный период способствовала причастность Памира к Великому шёлковому пути, на протяжении многих веков соединявшему Восток с Западом.

Литература

1. Абаева Т.Г. Очерки истории Бадахшана. – Ташкент, 1964. – 164 с.
2. Андреев М. С. Выработка железа в долине Ванджа (Верховья Амударьи): из материалов, собранных экспедицией Общества для изучения Таджикистана и Среднеазиатского края, бывшей в Таджикистане летом 1925 г. – Ташкент, 1926. – 17 с.
3. Бабаев А.Д. Древние земледельцы «Крыши мира». – Худжанд: Нури маърифат, 2006. – 399 с.
4. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.; - Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Т. I–III. – 1049 с.
5. Бубнова М.А. Археологическая карта Горно-Бадахшанской автономной области. Восточный Памир (памятники каменного века – XX в.). – Душанбе, 2015. – 280 с.
6. Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. – М.: Наука, 1972. – 634 с.
7. Дьяконов И.М. Ассиро-Вавилонские источники по истории Урарту. Приложение // Вестник древней истории. – 1951. – № 2. – С. 355–356.
8. Зелинский А.Н. Памир и Великий шелковый путь // Народы Азии и Африки. – 1976. – № 5. – С. 112–118.
9. История Горно-Бадахшанской автономной области. - Т. I. (С древнейших времён до новейшего периода) / коллектив авторов. – Душанбе: Пайванд, 2005. – 494 с.
10. История Таджикского народа. - Т. II. Эпоха формирования таджикского народа / коллектив авторов. – Душанбе, 1999. – 790 с.
11. История Узбекской ССР. - Т. I. - Кн. 1 / коллектив авторов. – Ташкент: АН УзССР, 1955. – 544 с.
12. Кузнецов Б.И. Культурные связи Памира с Тибетом // Страны и народы Востока. – Вып. 16. – М.: Наука, 1975. – С. 298–300.
13. Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времён до X в. н. э. – Сталинабад: Изд-во АН Таджикской ССР, 1957. – 183 с.
14. Пирумшоев М.Х. Историография раннесредневекового Памира // Национальное единство: история и достижения. – Душанбе, 2022. – С. 233–241.
15. Ферсман А.Е. Очерки истории камня. – Т. I–II. – М., 1954. – 740 с.
16. Fuchs W. Huei-chao's Pilgerreise durch Nordwest-Indien und Zentral-Asien // Sitzungsberichte der Preußischen Wissenschaften (SPAW). – 1938. – P. 454.

SOCIO-ECONOMIC STATUS OF EARLY MEDIEVAL PAMIR

Pirumshoev Munir Khaidarshoevich

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
of the Department of General and National History,
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 93 527 77 37 (м.)
munir.85@mail.ru

The article examines the historiography of the history of the Pamirs and Badakhshan in the 3rd–8th centuries in sources and historical literature. According to the periodization of the history of the Tajik people, the Early Medieval period covers the 3rd–8th centuries – from the establishment of Sassanid power to the beginning of the liberation movement for independence from Arab rule in Khorasan and Maverannahr. Chinese sources are considered the most reliable for illuminating the history of late antiquity and the early Middle Ages, especially works narrating the dynastic histories of the Chinese Empire from the 1st to the 10th centuries, and undoubtedly the records of Chinese pilgrims until the beginning of the 8th century, whose path to India lay through the Pamirs and other regions of Central Asia. In particular, among the first were Fa Xian (c. 400 AD), as well as Son Yun, who during his pilgrimage to India in 518–522 AD passed through Wakhan and Badakhshan and left valuable information about the state of the Pamir possessions in his travel notes. Despite the scarcity of sources, based on available information, it is possible to a certain extent to state the relation of such ethnic groups as the Huns, Chionites, Kidarites, and Hephthalites to the population of the Pamirs at the dawn of the early medieval period.

Keywords: Central Asia; Middle Asia; Pamir; Badakhshan; Afghanistan; Kabul; Wakhan; medieval; Soviet; European.

ВАЗЪИ ИҚТИМОЙ-ИҚТИСОДИИ ПОМИР ДАР АВВАЛИ АСРҲОИ МИЁНА

Пирумшоев Мунир Хайдаршоевич

доктори илмҳои таърих, дотсенти
кафедраи таърихи умумӣ ва ватании,
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 93 527 77 37 (м.)
munir.85@mail.ru

Дар мақола историографияи таърихи Помир ва Бадахшон дар асрҳои III–VIII дар сарчашмаҳо ва адабиёти таърихӣ мавриди баррасӣ қарор гирифтааст. Давраи аввали асрҳои миёна, мувофиқи давлатбандии таърихи халқи тоҷик, асрҳои III–VIII-ро дар бар мегирад - аз замони истиқрори ҳокимияти Сосониён то оғози пурзӯршавии ҷунбишҳои озодихоҳӣ барои истиқлолият аз тасаллути арабҳо дар Хуросон ва Мовароуннаҳр. Сарчашмаҳои ҷинӣ, махсусан асарҳои марбут ба таърихи сулолаҳои империяи Чин дар асрҳои I–X ва бешак, ёддоштҳои сайёҳони ҷинӣ то ибтидои асри VIII, ки роҳи онҳо ба сӯи Ҳиндустон аз тариқи Помир ва дигар минтақаҳои Осиёи Миёна мегузашт, манбаъҳои бозғатимод барои равшан намудани таърихи охири аҳди бостон ва ибтидои асрҳои миёна ба шумор мераванд. Аз ҷумла, яке аз аввалинҳо Фа Сян (тақрибан соли 400 м.) ва инчунин Сон Юн буданд, ки замони сафари зиёрати худ ба Ҳиндустон дар солҳои 518–522 м. аз Вахону Бадахшон гузашта, дар ёддоштҳои сафарии худ маълумоти арзишмандро дар бораи вазъи мулкҳои Помир боқӣ гузоштаанд. Бо вучуди камбудии сарчашмаҳо, дар асоси маълумоти мавҷуда метавон робитаи ҷунин гурӯҳҳои этникӣ, аз қабилҳои хунҳо, хионитҳо, кидориҳо ва ҳайтолиёнро бо аҳолии Помир дар остонаи давраи асрҳои миёнаи ибтидоӣ тасдиқ кард.

Калидвожаҳо: Осиёи Миёна; Осиёи Марказӣ; Помир; Бадахшон; Афғонистон; Кобул; Вахон; асрҳои миёна; шӯравӣ; аврупоӣ.

УДК 94(575.3):338.48(091)

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ТУРИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН В 90-е ГОДЫ XX ВЕКА

Заррина Рахматова

кандидат исторических наук, доцент
кафедры всеобщей и отечественной истории
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992 37) 227 76 93 (p.)
zarrina-1966@mail.ru

В статье рассматривается историческое развитие туризма в Республике Таджикистан как неотъемлемой части общей истории таджикского народа, отражающей богатую традицию путешествий, освоения территорий и межкультурных контактов. Особое внимание уделяется анализу уникального историко-культурного наследия, природно-географических условий и рекреационных ресурсов страны, включая горные ландшафты Памира, которые формируют высокий туристский потенциал. Исследуются предпосылки и факторы, способствующие развитию как внутреннего, так и въездного туризма.

Значительное место в работе занимает анализ периода 1990-х годов, ставшего этапом глубоких социально-экономических и политических трансформаций. Показано, что переход к рыночной экономике, совпавший с гражданской войной 1992–1997 гг., оказал существенное негативное влияние на состояние туристской отрасли, поставив её на грань упадка. В статье рассматриваются процессы адаптации отрасли к новым условиям, включая формирование нормативно-правовой базы и институциональных механизмов регулирования туризма. Обосновывается актуальность исследования данного периода с точки зрения сохранения и последующего развития туристского потенциала страны, а также определения туризма как приоритетного направления государственной политики и важного фактора устойчивого экономического развития.

Ключевые слова: туризм; природа; нормативно-правовая база; экскурсия; альпинизм; санаторий; лагерь; туроператор.

Первый этап истории туризма и путешествий таджикского народа, именуемый «предыстория туризма», охватывает период от первобытности до XX века. Туризм относится к тому виду деятельности человечества, чья история начинается задолго до возникновения цивилизованного общества. Как свидетельствуют письменные источники, ещё задолго до нашей эры путешествия по территории предков таджикского народа были явлением

довольно распространённым [1, с. 133-136]. В период XVIII - XIX вв. путешествия в нашу страну, а также выезды за ее пределы начали принимать более интенсивный характер. Этому способствовал ряд факторов, в числе которых и тот, что после эпохи великих географических открытий стало формироваться единое мировое социально-экономическое пространство и началось организованное и планомерное изучение ранее неизвестных человечеству континентов, осуществлялось полное картографо-географическое и этнографическое познание мирового пространства. Только в XIX в. после присоединения Средней Азии к России были приняты серьезные картографо-географические исследования, проводимые русскими учеными-путешественниками, получившими относительно свободный доступ перемещения по территории Таджикистана. Но знания, приобретенные ими, ограничивались лишь склонами тех хребтов, что высились над линиями их маршрутов, а в сторону от этих маршрутов труднопроходимые территории Таджикистана, названные «белыми пятнами», оставались географически неведомыми ещё до первой трети XX века.

XX век можно охарактеризовать следующими знаменательными событиями: развитие коммуникационно-дорожной системы, появление автомобильных, железнодорожных и авиационных путей сообщения внутри Таджикистана и за его пределами; появление на территории Таджикистана и последующее введение в эксплуатацию технических средств передвижения, используемых в развитых странах ещё с XVIII - XIX вв. (автомобиль, поезд, самолёт и т.д.); формирование рабочего «среднего класса», обладающего свободным временем, социальными и гражданскими правами на лечение, отдых, отпуск и др.; косвенное исследование туристского потенциала Таджикистана, формирование смежных туристскому сектору отраслей деятельности, создание первых специализированных предприятий по производству туристских услуг и появление комплексного обслуживания туристов. Благодаря всем этим событиям и произошел резкий скачок в формировании туристического сектора Таджикистана, и его дальнейшее развитие шло интенсивным путем. Начавшаяся во второй половине 80-х гг. перестройка и последующий распад СССР привели к распаду единой туристско-экскурсионной системы международного и внутреннего туризма Советского Союза. Период независимости республики характеризуется децентрализацией системы социального туризма и является переходным периодом к созданию национальной туристской индустрии, обладающей государственной стратегией развития и обозначенными перспективами функционирования. Процесс этот является длительным и в полной мере еще не завершённым. Формирование современной системы управления туризмом проходило в русле достаточно сложного исторического развития страны, в процессе преодоления острого социально-экономического и по-

литического кризиса. Стабилизация общественно-политической ситуации позволила приступить к осуществлению экономических реформ и демократических преобразований в стране.

Необходимо отметить, что к началу 90-х годов XX века Таджикская ССР обладала развитой туристической инфраструктурой, интегрированной в общесоюзную систему. Основными субъектами управления выступали Республиканский совет по туризму и экскурсиям, структуры «Интуриста» и бюро молодежного туризма «Спутник». В этот период Таджикистан славился тремя основными направлениями:

1. Высокогорный альпинизм: Памир (пики Коммунизма и Ленина) был Меккой для альпинистов со всего мира.

2. Санаторно-курортное лечение: уникальные бальнеологические курорты «Ходжа Оби Гарм», «Оби Гарм», «Зумрад» и «Шаамбары» ежегодно принимали десятки тысяч отдыхающих.

3. Познавательный туризм: маршруты по городам Великого Шелкового пути (Пенджикент, Ходжент).

С обретением независимости в 1991 году произошел разрыв вертикальных связей с Москвой. Исчезла централизованная система дотаций и распределения путевок через профсоюзы. Туристические объекты оказались в ситуации неопределенности, формально принадлежа государству, они лишились потока туристов из других республик СССР, который составлял более 80% всего оборота.

Для глубокого понимания процессов 90-х годов необходимо учитывать, что природно-ресурсный капитал Таджикистана оставался единственным стабильным фактором, когда социально-экономическая система рухнула. В начале десятилетия, несмотря на политическую нестабильность, научное сообщество продолжало рассматривать Таджикистан как «климатический оазис» Центральной Азии. Особое значение в этот период придавалось изучению Фанских гор и Гиссарской долины. В 1990–1991 годах, перед самым началом межтаджикского конфликта, велись разработки по созданию комплексных зон отдыха, которые могли бы работать круглогодично. Горно-бадахшанская автономная область (ГБАО) с её уникальными озерами Сарез и Каракуль рассматривалась как база для элитарного экстремального туризма. Однако специфика 90-х годов заключалась в том, что этот потенциал оказался «законсервирован».

Начавшаяся в Таджикистане гражданская война (1992–1997 гг.) существенным образом повлияла на туристическую отрасль. Период с 1992 по 1997 годы характеризуется практически полной деградацией туристического рынка. Вооруженный конфликт нанес отрасли не только прямой материальный, но и катастрофический имиджевый ущерб. Многие туристические базы и лагеря в Варзобском ущелье, в Раштской долине и на Памире были либо разрушены, либо использованы для размещения беженцев и

дислокации военных подразделений. Инфраструктура, не получавшая обслуживания, стремительно ветшала. Произошел массовый отток квалифицированных кадров. Инструкторы по альпинизму, гиды-переводчики и управленцы высшего звена эмигрировали, что привело к утрате методологической базы подготовки специалистов. В международном информационном поле Таджикистан получил статус «зоны риска». В 1993–1996 гг. въездной туризм практически отсутствовал, за исключением редких экстремальных экспедиций, которые не носили системного характера. В этот период деятельность государства в сфере туризма была парализована, так как основные ресурсы направлялись на достижение мира и решение гуманитарных проблем.

В 90-е годы лечебно-оздоровительный туризм (санаторно-курортная сфера) претерпел наиболее сложную трансформацию. Если в советский период такие гиганты, как курорт «Ходжа Оби Гарм», имели всесоюзное значение, то после 1991 года они столкнулись с проблемой отсутствия централизованного снабжения медикаментами и оборудованием.

Однако, стоит отметить, согласно архивным данным и экономическим обзорам того времени, именно санатории стали первыми объектами, попытавшимися внедрить элементы хозрасчета. Например, курорт «Зумрад» (Исфара) в середине 90-х продолжал функционировать, несмотря на близость к границам и сложную логистику. В этот период в санаторной сфере начал формироваться феномен «внутреннего социального туризма» - посещение курортов гражданами страны для реабилитации после военных действий.

Подписание 27 июня 1997 года в Москве «Общего соглашения об установлении мира и национального согласия в Таджикистане» открыло новый этап в истории страны. Правительство Республики Таджикистан под руководством Эмомали Рахмона начало поиск путей диверсификации экономики, где туризму отводилась роль катализатора внешнеэкономической деятельности.

В середине и конце 90-х годов полномочия по управлению отраслью передавались различным ведомствам. Важным шагом стало усиление роли Комитета по делам молодежи, спорта и туризма при Правительстве РТ. Именно эта структура начала работу по инвентаризации уцелевших объектов и разработке первых национальных программ. Ключевым событием десятилетия стало принятие Закона Республики Таджикистан «О туризме» от 3 сентября 1999 года (№ 824) [7]. Этот документ стал фундаментом, на котором начала строиться современная отрасль.

Закон 1999 года заложил фундамент для перехода от государственной монополии к многоукладной экономике в сфере отдыха. В преамбуле и первых статьях данного документа была четко сформулирована позиция

государства: туризм признается одной из приоритетных отраслей экономики. Это было крайне важно для постконфликтного периода, так как давало сигнал иностранным инвесторам о том, что республика гарантирует правовую защиту их деятельности. Особое внимание заслуживает Статья 5, определяющая основные направления государственной политики. В условиях конца 90-х, когда казна была истощена, закон закрепил приоритет въездного и внутреннего туризма. Это было стратегически оправдано: государству требовался приток твердой валюты (въездной туризм) и консолидация общества через познание родного края (внутренний туризм).

Основные положения закона 1999 года включали:

- законодательное закрепление понятий «турист», «туроператор» и «турагент»;
- введение системы лицензирования туристической деятельности (что позволило отсеять недобросовестных участников и начать формирование цивилизованного рынка);
- определение приоритетных зон развития туризма;
- установление государственных гарантий безопасности туристов.

Принятие данного закона позволило легализовать частный сектор, который начал зарождаться в Душанбе и Худжанде.

Одной из самых объемных и значимых в законе стала глава, посвященная лицензированию туристической деятельности (Статьи 9–12). В 90-е годы на рынке действовало множество стихийных фирм, которые не несли ответственности за безопасность и качество услуг. Закон ввел обязательное требование: любая организация, называющая себя туроператором или турагентом, должна была подтвердить свою финансовую и профессиональную состоятельность. Были установлены жесткие критерии для персонала (наличие профильного образования или опыта работы), что в условиях кадрового голода 90-х стимулировало возвращение специалистов в отрасль. Лицензирование позволило государству сформировать первый реестр субъектов туристической деятельности, что стало основой для статистического учета, практически утраченного в годы войны. Для Таджикистана, только что вышедшего из гражданского конфликта, вопрос безопасности стоял острее всего. Статья 15 закона возлагала на государство и турфирмы обязательства по обеспечению личной безопасности туристов, сохранности их имущества и предотвращению вреда окружающей среде. Впервые была введена норма об обязательном страховании туристов. В условиях 90-х это было революционным новшеством, которое позволило интегрировать таджикский турпродукт в международные системы бронирования, где страховка является обязательным условием.

В конце 90-х годов XX века Таджикистан начал активно интегрироваться в мировое туристическое сообщество. Республика обратила внимание на глобальные инициативы Всемирной туристской организации

(ЮНВТО) и ЮНЕСКО. Особое значение имел проект *»Мир на Шелковом пути«*. Таджикистан, находясь в сердце этого исторического маршрута, начал позиционировать свои древние города (Пенджикент, Истаравшан), как объекты мирового наследия. В 1998–1999 гг. начались первые попытки создания трансграничных маршрутов совместно с Узбекистаном и Кыргызстаном, хотя их реализации мешали визовые барьеры и сохраняющаяся нестабильность на границах. В этот же период (1998 г.) Правительство РТ приняло ряд постановлений по упрощению визового режима для граждан ряда развитых стран, что стало первым робким шагом к политике «открытых дверей».

Несмотря на общий упадок, Горно-Бадахшанская автономная область (ГБАО) в конце 90-х стала регионом, где закладывались основы экологического и общинного туризма (Community Based Tourism - CBT). При поддержке международных организаций (в частности, Фонда Ага Хана) начались проекты по вовлечению местного населения в обслуживание туристов. В частности, Фонд Ага Хана в конце 90-х начал реализацию программы MSDSP (Mountain Societies Development Support Programme), которая косвенно способствовала развитию инфраструктуры в ГБАО: строились малые ГЭС, улучшались дороги, проводились тренинги для местного населения. Эти меры создали базу для того, чтобы уже в начале 2000-х годов Памир смог принять первых организованных иностранных туристов. Уникальность памирского ландшафта и культуры позволяла привлекать узкий сегмент иностранных туристов даже в условиях дефицита комфорта.

К 2000 году отрасль подошла с рядом нерешенных проблем, зародившихся в 90-е годы XX века:

1. **Транспортная изоляция:** изношенный авиапарк и отсутствие регулярного сообщения с мировыми столицами.

2. **Энергетический кризис:** лимиты на электроэнергию в зимний период делали невозможным круглогодичное использование турбаз.

3. **Отсутствие инвестиций:** весь капитал в стране был сосредоточен в торговле и сельском хозяйстве, и туризм считался высокорискованным активом.

4. **Низкий уровень сервиса:** отсутствие стандартов обслуживания, соответствующих международным требованиям.

Также, важно отметить, что именно в 90-е годы, несмотря на экономический хаос, в Таджикистане началось академическое осмысление туризма как науки. Было осознано, что без профессиональных кадров отрасль не восстановится. В Таджикском государственном национальном университете (ТГНУ) и ряде других вузов в конце 90-х начали внедряться учебные программы по специальностям «Менеджмент в социальной сфере» с уклоном в туризм. Ученые (Р. Абуев и др.) начали публиковать пер-

вые работы по рекреационному зонированию страны в условиях перехода к рынку. Этот интеллектуальный вклад 90-х годов часто недооценивается, но именно тогда была заложена методическая база для будущих национальных стратегий развития туризма.

В заключение можно отметить, что 90-е годы XX века в истории туризма Таджикистана были периодом «драматической трансформации». Первое пятилетие (1991–1996 гг.) стало временем потерь и стагнации, вызванной войной и распадом СССР. Второе пятилетие (1997–1999 гг.) ознаменовалось возрождением отрасли на новых рыночных началах. Главным достижением этого десятилетия стало создание правового поля (Закон «О туризме» 1999 г.) и сохранение ключевых рекреационных объектов. Таджикистан сумел заявить о себе как о самостоятельном игроке на международном рынке, выбрав стратегию развития экологического и горного туризма, которая остается приоритетной и в наши дни.

Литература

1. Аминов И., Нилуфархон Б. Г. «О необходимости развития туризма в республике Таджикистан» Вестник Таджикского государственного университета коммерции. - № 3 (2020). - С.133-138.
2. Блиничкина Н.Ю. Развитие туризма как основа системы экономической безопасности республики Таджикистан // Азимут научных исследований: экономика и управление. - 2015. - № 4 (13). - С. 11-14.
3. Диловаров Р.Д. Основы туризма: Учебное пособие / Р. Диловаров, Дж.Н. Ёров, Н.Н. Сайфуллоев. - Душанбе, 2014. - 194 с.
4. Дустбаев Ш. Приоритетные направления развития туризма в Республике Таджикистан // Экономика Таджикистана. - 2020. - С. 128-133.
5. Еров Дж., Сайфуллоев М. Рекреационные ресурсы как базовые основы туризма. - Душанбе, 2015. - С.113.
6. Еров Дж., Сайфуллоев Р. Основы туризма. - Душанбе: Ирфон, 2014.
7. Закон Республики Таджикистан «О туризме» от 3 сентября 1999 г., № 824 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. - 1999. - № 9.
8. Канаев Е.А. Таджикистан край туризма. - Душанбе: Ирфон, 1980. - С.168.
9. Кодирзода Д.Б., Мирбобоев Ф.Н. Формирование и развитие сферы туризма: теоретические аспекты // Таджикистан и современный мир. - 2019. - № 4 (67). - С. 15-26.
10. Концепция развития туризма в Республике Таджикистан на период 2009-2019 гг. (содержит ретроспективный анализ 90-х годов). - Душанбе, 2008.
11. Комилов С.Д., Файзуллоев М.К. Экономика туризма: учебное пособие. - Душанбе: Ирфон, 2011. - 280 с.
12. Мамадризохонов А.А. Туризм – важный рычаг развития экономики горных регионов // Развитие горных регионов: проблемы и перспективы: Материалы семинара. - Душанбе: Ирфон, 2013. - С. 43–51.
13. Мухаббатова Х.М. Особенности формирования и развития туризма в горном Таджикистане // Вестник филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе. - 2014. - №2 (26). (Анализ историко-географических аспектов).

14. Одинаев Х.А. Основные этапы становления и развития иностранного туризма в Таджикистане // Известия Академии наук Республики Таджикистан. Серия: Экономика и политология. - 2010. - № 1-2.
15. Рахимов М.К. Проблемы и перспективы развития туризма в Таджикистане в переходный период. - Душанбе: Сино, 1998. - 144 с.
16. Саидов А.С. Становление законодательства о туризме в странах Центральной Азии // Государство и право. - 2001. - № 4.
17. Сангинов Д.Ш. Туризм в республике Таджикистан теория и практика правового регулирования: Монография. - Душанбе: «Эр-граф», 2014. - 210 с.
18. Статистический ежегодник Республики Таджикистан. - Душанбе: Агентство по статистике при Президенте РТ, 2000.
19. Шарифзода Ф. Развитие туризма как фактор экономического роста Таджикистана // Экономика Таджикистана: стратегия развития. - 2002. - № 4.
20. Усманова Т.Дж. Туризм в системе факторов устойчивого развития / Туризм как важный элемент устойчивого развития Таджикистана//Составители сб.: Асророва З.И., Хасанов Р.Х. - Душанбе: РТСУ. 2021. - С. 201.

THE HISTORY OF THE FORMATION OF TOURISM IN THE REPUBLIC TAJIKISTAN IN THE 90^S OF THE XX CENTURY

Zarrina Rakhmatova

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
of the Department of General and National History
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, St. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992 37) 227 76 93 (w.)
zarrina-1966@mail.ru

In the article, the author considers the historical development of tourism in the Republic of Tajikistan as an integral part of the general history of the Tajik people, reflecting a rich tradition of travelling, territorial development and intercultural contacts. Special attention is paid to the analysis of the unique historical and cultural heritage, natural and geographical conditions and recreational resources of the country, including the mountainous landscapes of the Pamirs, which form a high tourist potential. The prerequisites and factors contributing to the development of both domestic and inbound tourism are being investigated.

A significant place in the work is occupied by the analysis of the period of the 1990s, which became a stage of profound socio-economic and political transformations. It is shown that the transition to a market economy, which coincided with the civil war of 1992-1997, had a significant negative impact on the state of the tourism industry, putting it on the verge of decline. The article examines the processes of adaptation of the industry to new conditions, including the formation of a regulatory framework and institutional mechanisms for regulating of tourism. The article substantiates the relevance of the study of this period in terms of the preservation and subsequent development of the country's tourism potential, as well as the

definition of tourism as a priority area of state policy and an important factor in sustainable economic development.

Keywords: tourism; nature; regulatory framework; excursion; mountaineering; sanatorium; camp; tour operator.

ТАЪРИХИ ТАШАККУЛИ ТУРИЗМ ДАР ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН ДАР СОЛҲОИ 90-УМИ АСРИ XX

Заррина Рахматова

номзади илмҳои таърих, дотсенти
кафедраи таърихи умумӣ ва ватании
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992 37) 227 76 93 (к.)
zarrina-1966@mail.ru

Дар мақола муаллиф рушди таърихӣ сайёҳиро дар Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳамчун қисми ҷудонопазири таърихи умумии халқи тоҷик, ки инъикоскунандаи анъанаи бойи саёҳатҳо, азхудкунии ҳудудҳо ва алоқаҳои байнифарҳангӣ мебошад, мавриди баррасӣ қарор медиҳад. Таваҷҷуҳи махсус ба таҳлили мероси беназири таърихӣ фарҳангӣ, шароити табиӣ ҷуғрофӣ ва захираҳои рекреатсионии кишвар, аз ҷумла манзараҳои кӯхӣи Помир, ки иқтидори баланди сайёҳиро шакл медиҳанд, зоҳир шудааст. Заминаҳо ва омилҳои мусоидаткунанда ба рушди сайёҳии дохилӣ ва ҳам берунӣ (вори-дотӣ) тадқиқ карда мешаванд.

Қисми назарраси қорро таҳлили давраи солҳои 1990-ум ташкил медиҳад, ки ба марҳалаи таҳаввулотӣ амиқи иҷтимоӣ иқтисодӣ ва сиёсӣ табдил ёфта буд. Нишон дода шудааст, ки гузариш ба иқтисоди бозорӣ, ки бо ҷанги шаҳрвандии солҳои 1992–1997 рост омад, ба вазъи соҳаи сайёҳӣ таъсири манфии ҷиддӣ расонида, онро дар ҳолати та-наззул қарор дод. Дар мақола равандҳои мутобиқшавии соҳа ба шароити нав, аз ҷумла шаклирии заминаҳои меъёрию ҳуқуқӣ ва механизмҳои институтсионалии танзими сайёҳӣ баррасӣ мешаванд. Муҳимияти тадқиқи давраи мазкур аз нуқтаи назари ҳифз ва рушди минбаъдаи иқтидори сайёҳии кишвар, инчунин муайян кардани сайёҳӣ ҳамчун самти афзалиятноки сиёсати давлатӣ ва омили муҳими рушди устувори иқтисодӣ асоснок карда мешавад.

Калидвожаҳо: сайёҳӣ; табиат; заминаи меъёрию ҳуқуқӣ; экскурсия; кӯҳнавардӣ; ороишгоҳ; оромгоҳ; туropolератор.

УДК 94(575):625.1

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СРЕДНЕЙ АЗИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Артыков Абдурафик Абдраманжанович

кандидат исторических наук, доцент
кафедры всеобщей и отечественной истории
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республики Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 907 98 61 71 (м.)
rafick_rtsu@mail.ru

Статья посвящена комплексному анализу проектирования и строительства железнодорожной сети в Туркестане во второй половине XIX - начале XX века. На основе архивных материалов, ведомственной переписки и статистических данных автор исследует эволюцию транспортного вопроса: от ранних проектов 1850-х годов до создания стратегической Закаспийской магистрали. В центре внимания находится тесное переплетение экономических интересов Российской империи с задачами военно-стратегического контроля и геополитического соперничества с Великобританией в рамках «Большой игры».

В работе подробно рассматриваются инициативы К. П. Кауфмана, М. Н. Анненкова и международный резонанс проекта Ф. де Лессепса. Автор доказывает, что решающим стимулом к практическому строительству стало обострение ситуации на границах региона, в частности Кушкское сражение 1885 года. Особое внимание уделено последовательной политике государственного контроля над путями сообщения и принципиальному отказу от привлечения иностранного частного капитала.

На основе сравнительной статистики начала XX века показана трансформация железных дорог из инструмента военного присутствия в мощный фактор хозяйственной модернизации и глубокой интеграции региона в общероссийский рынок. Сделан вывод, что созданная инфраструктура определила вектор социально-экономического развития Средней Азии, став «стальной полосой», надежно связавшей азиатские окраины с центром империи.

Ключевые слова: Туркестан; Средняя Азия; железные дороги; Закаспийская железная дорога; транспортная инфраструктура; Российская империя; Англия; экономическое развитие; военная стратегия; железнодорожные проекты; XIX век; геополитика.

Предыстория железнодорожного строительства в Туркестане восходит к 60-м годам XIX века. Уже в 1869 году на I съезде представителей железнодорожной отрасли был поставлен вопрос об организации прямого сообщения с окраинными территориями империи, при этом подчеркивалась необходимость предварительного изучения их хозяйственного потенциала.

После включения Средней Азии в состав России перед правящими кругами встала задача более активного использования природных богатств региона в интересах развивающейся промышленности. Туркестан всё чаще рассматривался как стратегическая сырьевая база, однако реализация этого потенциала наталкивалась на отсутствие транспортной инфраструктуры, способной обеспечить устойчивые связи с центром. Именно поэтому уже в 60–70-е годы XIX века вопрос о железных дорогах в Средней Азии превратился в одну из приоритетных задач имперской политики: проведение путей связывалось не только с экономикой, но и с необходимостью укрепления административного и военно-политического присутствия в регионе. Однако фундамент для будущих магистралей закладывался задолго до их масштабного проектирования.

В фондах Оренбургской области сохранились материалы, содержащие проекты и отзывы В.А. Перовского и Н.А. Крыжановского. Так, 28 июля 1856 года Перовскому по поручению императора Александра II была направлена записка с предложением изучить маршрут железной дороги между Каспийским и Аральским морями и собрать необходимые местные сведения. Предполагалось провести линию от залива Мёртвый Култук на Каспийском море по возвышенности Усть-Юрт к заливу Чернышевского на Аральском море. Однако представленный в январе 1857 года в Министерство путей сообщения проект обнаружил слабое знание местных условий и в итоге был признан неприемлемым [21, с.214].

По мере накопления знаний о крае фокус обсуждений сместился с чисто технических трудностей на стратегические цели. На этом фоне всё более отчётливо проявлялась связь железнодорожного вопроса с общей колониальной политикой России в Туркестане. Так, военный инженер А.М. Бонч-Богдановский прямо отмечал, что расходы на содержание армии, строительство железных дорог и другие нужды должны быть возложены на Туркестан, поскольку регион фактически рассматривался как колония империи [11, с.458–459]. Эта позиция позволяет лучше понять общий политический контекст, в котором формировались проекты железнодорожного строительства.

Важную роль в продвижении этой идеи в 1870-е годы сыграл генерал-губернатор К.П. Кауфман. В письме министру путей сообщения К. Н. Посьету от 15 марта 1874 года он особо отмечал необходимость соединения региона с железнодорожной сетью страны для усиления позиций им-

перии в Туркестане [17, с.14]. В том же году в Оренбурге была создана специальная комиссия Русского географического общества, которая пришла к выводу, что маршрут Оренбург–Ташкент является наиболее естественным, так как он соответствовал сложившимся торговым связям и оставался самым коротким [18, с.87].

В этом контексте показателен и интерес к проекту со стороны научных исследователей. Так, в 1872 году К.П. Кауфман поручил известному исследователю Средней Азии Н.А. Северцову изучить предполагаемый маршрут, уточнить его направление и оценить природные условия. По итогам работы Н.А. Северцов подготовил два докладных письма по вопросу установления связи между Центральной Россией и Туркестаном. Однако сам он оценивал перспективы строительства железной дороги сдержанно, полагая его нерентабельным вследствие недостаточного пассажиро- и грузопотока. В качестве альтернативы исследователь предлагал развивать пароходство на Сырдарье. Тем не менее эти предложения не получили поддержки со стороны К.П. Кауфмана [18, с.87].

В дальнейшем, в 1876 году, К. Н. Посыет поручил инженерам провести исследования по линии Челябинск–Троицк–Ташкент. Однако итогом научных экспедиций 1877–1879 годов стал повторный вывод о целесообразности строительства именно в направлении Оренбург–Ташкент. Примечательно, что проекты соединения Средней Азии с центральной Россией начали появляться практически одновременно с развитием сети в европейской части страны. Всего в период с 1854 по 1880 год правительству было представлено более сорока различных проектов, большая часть которых ориентировалась на оренбургскую линию [21, с.213]. Это свидетельствует о том, какое огромное значение придавалось данному направлению и в стратегическом, и в хозяйственном отношении.

При этом обсуждение перспектив региона не замыкалось исключительно в кругу российских военных и чиновников. Вместе с тем в разработке концепций будущих магистралей принимали участие и иностранные инженеры. Одним из них был французский инженер путей сообщения Иоахим Барран, который в 1875 году представил князьям Константину Николаевичу и Владимиру Александровичу план экономического развития Туркестанского генерал-губернаторства и подробный проект строительства железной дороги в Среднюю Азию. Барран предлагал провести линию из Оренбурга в Ташкент, Самарканд, Бухару и далее до Чарджуя [8, с.92]. Хотя практическая реализация пошла позже несколько иным путём, сам проект оказался весьма примечательным с точки зрения предвидения будущего направления железнодорожного развития.

Продолжая рассмотрение проектных инициатив, следует отметить, что к середине 1870-х годов обсуждение путей сообщения приобретает

международный характер. На этом фоне особое место занимает проект французского инженера и предпринимателя Фердинанда де Лессепса, получившего широкую известность благодаря строительству Суэцкого канала. Его инициатива по созданию железнодорожной линии, соединяющей Россию с Индией через территорию Средней Азии, вызвала значительный интерес как в России, так и за её пределами. Следует отметить, что Лессепс не являлся первооткрывателем этой идеи: ещё в 1868 году русский специалист Богданович предлагал строительство линии Екатеринбург – Троицк – Ташкент. Однако именно Лессепс сумел придать проекту международный резонанс и экономическое обоснование [21, с.215].

В ноябре 1873 года Ф. де Лессепс направил письмо генерал-губернатору Туркестана К.П. Кауфману, в котором стремился заручиться его поддержкой. В своём обращении он подчёркивал, что будущая железная дорога станет не только мощным стимулом развития для населения региона, но и откроет России новые рынки, превратившись в важный источник экономических выгод [18, с.88]. Тем самым в проекте сочетались как экономические, так и геополитические расчёты.

Получив разрешение императора Александра II, Лессепс приступил к изучению маршрутов на территории Средней Азии. Для подготовки проекта он направил своих представителей в Петербург, где они ознакомились с уже существующими разработками российских инженеров, в частности с проектом К.С. Безносикова [21, с.215]. Используя накопленные материалы, Лессепс разработал собственный вариант железнодорожной линии, предусматривавший соединение России с Индией через Туркестан.

16 ноября 1874 года данный проект был представлен на рассмотрение российскому правительству. В начале января 1875 года состоялось специальное совещание, в котором приняли участие представители высших государственных кругов, включая К.П. Кауфмана, министров военного ведомства, путей сообщения и финансов, а также ведущих инженеров. Несмотря на широкий интерес к инициативе, проект Лессепса был отклонён. Основной причиной отказа стали военно-стратегические соображения, поскольку предложенное направление не в полной мере отвечало интересам обеспечения безопасности и контроля над регионом [18, с.88].

Однако наряду с иностранными инициативами решающее значение имели детальные изыскания российских военных специалистов, проводившиеся непосредственно на местности. Особого внимания заслуживает и деятельность генерал-майора сапёрных войск К.С. Безносикова, который в 1874 году провёл профессиональное исследование будущего маршрута Ташкент–Оренбург и составил подробное описание пути на 180 листах. Ещё раньше, в 1871 году, он был направлен в Туркестан, а в январе 1873 года получил поручение определить наиболее выгодное направление железнодорожного сообщения между Россией и Туркестаном. Хорошо зная

Южную Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию, К.С. Безносиков вместе со своим отрядом пешком прошёл маршрут из Ташкента в Оренбург и из Троицка через Орск в Ташкент, изучая водные ресурсы, почвенный состав и рельеф местности. По итогам этой работы он пришёл к выводу, что строительство железной дороги в направлении Оренбург–Ташкент возможно как с технической, так и с географической точки зрения [18, с.214].

Обсуждение этих инициатив не ограничивалось рамками ведомственной переписки. Вопрос о железнодорожном сообщении со Средней Азией широко освещался в российской и зарубежной печати. В дискуссиях участвовали издания европейских стран и США, что свидетельствует о международном интересе к проекту. Особенно пристальное внимание привлекала идея прокладки линии Оренбург–Ташкент, поскольку она затрагивала не только вопросы внутреннего развития России, но и широкий круг геополитических проблем.

Уже на раннем этапе железнодорожный вопрос в Средней Азии приобрёл комплексный характер, объединив в себе инженерные расчёты, задачи колониального управления и вопросы стратегической безопасности. Именно поэтому обсуждение проектов, включая инициативы Фердинанда де Лессепса, стало логическим продолжением процессов, заложенных в 1860-1870-е годы. В общественном сознании и научной среде железная дорога всё чаще воспринималась не просто как транспортный объект, а как ключевой фактор модернизации региона. В этом контексте показателен взгляд современников, рассматривавших строительство Закаспийской магистрали как событие не только экономического, но и цивилизационного значения, полагая, что она активизировала хозяйственную деятельность населения и открыла доступ к научному изучению труднодоступных территорий [14, с.3-4].

К концу 1870-х годов складывается устойчивая тенденция к переходу от проектных обсуждений к практической реализации железнодорожного строительства. Этому способствовало не только накопление инженерных разработок и научных данных, но и обострение военно-политической ситуации в регионе.

Особую роль в ускорении этого процесса сыграли события начала 1880-х годов. После Ахалтекинской экспедиции возникла необходимость в надёжной транспортной системе для оперативного перемещения войск. В апреле 1880 года начались изыскательские работы по трассе будущей железной дороги, а уже 9 июня того же года было положено начало строительству первого участка линии от восточного побережья Каспийского моря. Примечательно, что начальный отрезок протяжённостью 26 верст был построен в исключительно сжатые сроки – всего за десять дней, что свидетельствует о высокой степени мобилизации ресурсов и приоритетном ха-

рактере данного проекта. Проведённые в мае-июне 1880 года исследования подтвердили возможность продолжения линии до Кызыл-Арвата, протяжённость которой составила 217 верст [19, с.33].

Руководство строительством Закаспийской военной железной дороги было возложено на генерал-лейтенанта М.Н. Анненкова, отвечавшего за организацию работ и обеспечение их тыловой поддержки. В строительстве принимали участие как инженерные специалисты, так и военные подразделения, включая специально сформированные железнодорожные батальоны. Это ещё раз подчёркивает, что железнодорожное строительство изначально носило не только экономический, но и военно-стратегический характер [15, с.196].

Значение новой транспортной линии проявилось уже в ходе военных действий. Так, в январе 1881 года взятие крепости Геок-Тепе и последующее присоединение ряда территорий Средней Азии к Российской империи были в значительной степени обеспечены благодаря наличию железнодорожного сообщения [21, с.218]. Это убедительно продемонстрировало эффективность использования железных дорог как инструмента военного контроля.

Именно эти обстоятельства обусловили дальнейшее расширение железнодорожной сети. В условиях продолжающегося соперничества России и Великобритании в Средней Азии особую актуальность приобрёл вопрос о продлении линии вглубь региона, что стало следующим этапом развития транспортной инфраструктуры.

Логическим продолжением начатого строительства Закаспийской железной дороги стало её дальнейшее развитие в условиях обострения международной обстановки в Средней Азии. К началу 1880-х годов регион окончательно превращается в арену геополитического соперничества Российской и Британской империй, что напрямую влияет на темпы и направления железнодорожного строительства.

Ещё до окончательного закрепления России в ряде ключевых пунктов Туркестана военное руководство осознавало необходимость продолжения железнодорожной линии вглубь региона. Так, командующий войсками Кавказского округа указывал на стратегическую важность продления дороги от Кызыл-Арвата к Ашхабаду. Этот вопрос был детально рассмотрен во всеподданнейшем докладе по Главному штабу № 6 от 12 июля 1884 года, где подчёркивалась необходимость дальнейшего строительства Закаспийской военной железной дороги. Согласно расчётам, протяжённость участка от Кызыл-Арвата до Ашхабада должна была составить 205 верст [21, с.218].

В 1884 году в правительственных кругах вновь был поднят вопрос о расширении железнодорожной сети. В течение периода с июля 1884 по апрель 1885 года были приняты решения о продолжении строительства в

направлении Ашхабада, Каахки и Амударьи. В результате этих мероприятий была сформирована основная часть железнодорожной линии, проходившей через Мерв, Чарджуй, Бухару и Самарканд, что существенно усилило транспортную связанность региона.

Однако развитие железнодорожной сети нельзя рассматривать вне контекста международного соперничества. На протяжении всего рассматриваемого периода между Россией и Англией велась непрерывная борьба за влияние в Средней Азии. Каждое продвижение российских войск вызывало обеспокоенность в Лондоне, особенно после присоединения в 1884 году Мервского и Пендинского оазисов. Эти территории занимали важное стратегическое положение и открывали возможности для дальнейшего продвижения к Афганистану.

В этих условиях активизировалась деятельность британских политических агентов, действовавших на территории Афганистана. Их целью было противодействие российскому влиянию и провоцирование антироссийских настроений среди местного населения. Результатом этого противостояния стали вооружённые столкновения, наиболее значительным из которых стало сражение 18 марта 1885 года на реке Кушка. Начальник Закаспийского края генерал-лейтенант Комаров был вынужден вступить в бой с афганскими войсками, одержав победу, которая продемонстрировала нестабильность политической ситуации в регионе и необходимость укрепления военного присутствия России.

В этих условиях значение железнодорожной инфраструктуры резко возросло. После кушкинского сражения стало очевидно, что дальнейшее строительство железной дороги в направлении Амударьи имеет первостепенное значение. Железная дорога рассматривалась как средство обеспечения оперативной переброски войск через труднопроходимые районы Закаспийского края, включая солончаковые пустыни и песчаные массивы [14, с.8].

Именно поэтому высшие правительственные круги пришли к выводу о необходимости продолжения строительства железнодорожной линии от Кызыл-Арвата к берегам Амударьи. В 1885 году было принято решение о реализации данного проекта, что стало важным шагом в укреплении позиций Российской империи в Средней Азии [9, с.53]. Строительство участка Закаспийской железной дороги от Кызыл-Арвата через Ашхабад и Мерв до Амударьи общей протяжённостью около 765 верст было поручено генерал-лейтенанту М.Н. Анненкову. Согласно предварительным расчётам, на реализацию данного проекта было выделено около 13 578 000 рублей, что подчеркивало стратегический масштаб задачи.

С целью повышения эффективности работ железнодорожная линия была разделена на несколько участков: от Кызыл-Арвата до Гяурса, от

Гяурса до Мерва и от Мерва до Чарджуя. Такое деление учитывало как природно-географические особенности территории, так и административную структуру региона, что способствовало более рациональной организации строительства.

Одновременно с развитием Закаспийской линии велись работы и по другим направлениям. В сентябре 1885 года началось строительство железной дороги Самарканд–Андижан, а затем и линии на Ташкент. Первоначально данный участок рассматривался как второстепенный, что было связано с ограниченными финансовыми возможностями государства. Однако со стороны администрации Туркестанского генерал-губернаторства поступали настойчивые просьбы о продолжении строительства.

Интерес к проекту проявляли и иностранные инвесторы. В частности, в 1892 году представители Парижского и Нидерландского банков, а также французская компания «Фивь-Лилль» выступили с инициативой финансирования строительства. Тем не менее правительство Российской империи отклонило предложения о привлечении частного капитала, поскольку железнодорожная инфраструктура рассматривалась как объект стратегического значения. В результате в 1895 году было принято решение о строительстве Самарканд–Андижанской линии за счёт государственного бюджета [5, с.9].

Работы по данному направлению были завершены к 1898 году. В период с 1897 по 1901 гг. были построены также участки Черняево–Андижан, Горчаково–Скобелево, Мерв–Кушка и Каган–Бухара. К концу XIX века железнодорожная сеть Средней Азии приобрела завершённый вид, обеспечивая устойчивое сообщение между ключевыми экономическими и административными центрами региона. В 1899 году Закаспийская и Самарканд–Андижанская железные дороги были объединены в единую Среднеазиатскую железную дорогу, которая вскоре была передана из ведения военного ведомства в Министерство путей сообщения. Это свидетельствует о постепенном переходе от преимущественно военного использования железнодорожной сети к её более широкому экономическому применению.

Показательно, что уже в первые годы эксплуатации Закаспийская железная дорога, несмотря на первоначальные финансовые трудности, начала демонстрировать устойчивую положительную динамику. В 1899 году по ней было перевезено 442 900 пассажиров и 23 262 556 пудов грузов. Спустя десятилетие, в 1909 году, эти показатели увеличились более чем в несколько раз: количество пассажиров достигло 2 981 953 человек, а объём перевозимых грузов составил 69 873 364 пуда [18, с.90]. Эти данные наглядно свидетельствуют о постепенном превращении железнодорожной сети в важнейший элемент экономической инфраструктуры региона.

Вместе с тем в конце XIX века в Туркестане продолжались активные дискуссии относительно дальнейших направлений развития железнодорожного сообщения. Особое внимание уделялось вопросу выбора маршрута, который мог бы обеспечить наиболее эффективную связь региона с центральными районами Российской империи. Так, 22 февраля 1896 года на заседании Оренбургской городской думы обсуждалась «Записка о Среднеазиатской железной дороге и преимуществах направления её от г. Оренбурга на г. Ташкент», подготовленная журналистом М.Л. Юдиным. В своём исследовании автор сопоставлял различные варианты маршрутов – Омск–Ташкент, Петропавловск–Ташкент, Челябинск–Ташкент, Уральск–Ташкент и Оренбург–Ташкент – и на основе анализа экономических, технических и географических факторов обосновывал преимущества именно последнего направления.

Особое значение в проекте М. Юдина придавалось развитию хлопководства, а также обеспечению региона зерном из Самары и Оренбурга посредством железнодорожных перевозок. Эти положения получили поддержку со стороны правительственных кругов, что свидетельствует о совпадении интересов государства и хозяйственных структур в вопросах транспортного развития региона [1, с.20].

В 1896-1897 гг. администрация Туркестанского генерал-губернаторства во главе с А. Вревским неоднократно обращалась к министру финансов С.Ю. Витте и министру путей сообщения М.И. Хилкову с ходатайствами о продолжении строительства железной дороги Ташкент–Оренбург. В этих обращениях подчёркивалась важность данного проекта как с экономической, так и со стратегической точки зрения.

Однако правительство Николая II, сталкиваясь с ограниченными финансовыми возможностями, было вынуждено временно приостановить реализацию новых железнодорожных проектов в Средней Азии. В 1897 году А. Вревский вновь поднял этот вопрос, предложив привлечь к строительству средства акционерных обществ. Тем не менее данная инициатива была отклонена, поскольку железнодорожная сеть рассматривалась как объект особой государственной важности, не подлежащий передаче в частные руки.

Лишь в начале XX века началась реализация проектов с участием частного капитала, однако на рассматриваемом этапе государство сохраняло полный контроль над железнодорожным строительством. В этом проявлялась стратегическая линия российской политики, направленная на недопущение ослабления контроля над ключевыми транспортными артериями региона.

Значительную роль в активизации железнодорожного строительства сыграли также инициативы военного ведомства. Так, 13 апреля 1899 года

военный министр А. Куропаткин обратился к императору Николаю II с предложением усилить стратегическое положение России в Средней Азии. В своём письме от 3 мая того же года министру финансов С.Ю. Витте он указывал, что существующая железнодорожная сеть не в полной мере отвечает стратегическим задачам государства, и дальнейшее укрепление позиций России напрямую связано с продолжением строительства линии Ташкент–Оренбург [21, с.220].

К концу XIX века сложились основные направления развития железнодорожной сети Средней Азии. Были завершены ключевые участки Закаспийской магистрали: линия Красноводск–Кызыл–Арват была введена в эксплуатацию в 1881 году, в 1885–1888 гг. построена линия до Самарканда, а в 1895–1899 гг. – Самарканд–Ташкент–Андижан. В результате была сформирована единая железнодорожная система, позднее получившая название Среднеазиатской. По всей протяжённости линии было создано 99 станций, что свидетельствует о значительном масштабе проделанных работ.

Таким образом, Развитие железнодорожной инфраструктуры в Средней Азии во второй половине XIX века происходило в условиях тесного переплетения военных, политических и экономических факторов. Железные дороги выступали не только средством хозяйственного освоения региона, но и важнейшим инструментом геополитического соперничества и укрепления государственного контроля. Завершение основных этапов строительства железнодорожной сети в Средней Азии к концу XIX века поставило перед правительством и научным сообществом новые вопросы, связанные не только с её дальнейшим развитием, но и с оценкой экономической эффективности уже реализованных проектов. Если на ранних этапах железные дороги рассматривались преимущественно как инструмент военного и политического контроля, то теперь всё большее значение приобретала их хозяйственная роль.

Со временем эти локальные инициативы переросли в глобальную государственную стратегию. На рубеже XIX-XX вв. сложилось широкое представление о роли железнодорожной сети, основанное на производственно-экономических признаках. Основным принципом стало удовлетворение потребностей развивающегося капиталистического хозяйства за счёт перевозки массовых грузов на дальние расстояния. В этих условиях строительство дорог в Туркестане за счёт казны рассматривалось уже как инструмент промышленного освоения и полноценного включения региона в российский и мировой рынки. Не случайно подчеркивалось, что железная дорога должна была стальной полосой приковать «наши великие азиатские владения с их различными неисчерпаемыми ресурсами к центру Империи» [13, с.159].

Однако на пути реализации столь масштабных замыслов стояли серьезные технические и логистические преграды. Несмотря на стратегическую значимость проекта, в то же время нельзя не отметить и определённые недостатки сформированной сети. Железнодорожная магистраль связывала Среднюю Азию с центром России обходным путём через Каспийское море и Волгу, что снижало её эффективность. Кроме того, в первые годы эксплуатации пропускная способность дороги оставалась относительно низкой, а отдельные участки часто выходили из строя, что негативно отражалось на грузообороте. Тем не менее, несмотря на указанные трудности, железнодорожное строительство сыграло важную роль в экономическом развитии региона. Оно способствовало расширению торговых связей, развитию сельского хозяйства и промышленности, а также включению Средней Азии в общероссийское экономическое пространство. При этом потребность в более совершенной транспортной логистике диктовалась не только внутренними задачами региона, но и общим экономическим положением Российской империи. К началу XX века страна оказалась на пороге серьёзного экономического кризиса, что требовало поиска новых источников роста и усиления хозяйственных связей между регионами.

Такое положение дел лишь подтверждало, что развитие инфраструктуры в Туркестане никогда не было сугубо отраслевым вопросом. Оно представляло собой многогранный процесс, в котором, с одной стороны, железные дороги способствовали интеграции региона в экономическую систему Российской империи, обеспечивали развитие торговли, освоение природных ресурсов и формирование новых хозяйственных связей. С другой стороны, они являлись важнейшим инструментом укрепления военного и административного контроля, а также элементом геополитического противостояния с другими державами, прежде всего с Великобританией. В конечном итоге создание железнодорожной сети стало одним из ключевых факторов модернизации Средней Азии, определив направление её социально-экономического развития на рубеже XIX–XX веков.

Литература

1. Аксенов А.В. Строительство Оренбургско-Ташкентской железной дороги (1901–1905 гг.) // Ученые записки Оренбургского государственного педагогического института. – Оренбург, 1958. – Вып. 13. – С. 20-35.
2. Аминов А.М. Экономическое развитие Средней Азии (колониальный период). – Ташкент: Госиздат УзССР, 1959. – 296 с.
3. Анненков М.Н. Ахал-Текинская экспедиция и Закаспийская железная дорога. – СПб.: Тип. Стасюлевича, 1881. – 26 с.
4. Ахмеджанова З.К. Железнодорожное строительство в Средней Азии и Казахстане (конец XIX — начало XX в.). – Ташкент: Фан, 1984. – 126 с.

5. Ахмеджанова З.К. К истории строительства первых железных дорог в Средней Азии (последняя четверть XIX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ташкент, 1956. – 18 с.
6. Бочкарева И.Б. Железнодорожное строительство в стратегии Российской империи по освоению Туркестана // Известия Алтайского государственного университета. – 2018. – № 2(100). – С. 18-23.
7. Васильев Д.В. Область Войска Донского, Туркестан и Кавказ: очерки истории административной политики Российской империи. – М.: РОССПЭН, 2018. – 351 с.
8. Волков И.В. Железнодорожные коммуникации как фактор развития русского Туркестана // Пространство и Время. – 2013. – № 3(13). – С. 89-96.
9. Волков И.В. Закаспийская военная железная дорога и ее влияние на закрепление России в Средней Азии // Вестник КРСУ. – 2010. – Т. 10. – № 5. – С. 51-55.
10. Глущенко Е.А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. – М.: Центрполиграф, 2010. – 575 с.
11. История таджикского народа. Позднее средневековье и новое время (XVI в. – 1917 г.) / под ред. Х.П. Пирумшоева. - Т. IV. – Душанбе: Дониш, 2009. – 1124 с.
12. Керсновский А.А. История Русской армии: в 4 т. – М.: Голос, 1992.
13. Ремнёв А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX вв. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1997. – 252 с.
14. Родзевич А.И. Первая русская железная дорога в Средней Азии и её значение для русско-среднеазиатской промышленности и торговли. – СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1891. – 76 с.
15. Соловьева А. М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX века. – М.: Наука, 1975. – 315 с.
16. Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии: в 3 т. – СПб.: Типолитография В. В. Комарова, 1906.
17. Тогаева А.З. Железная дорога Ташкент – Оренбург и ее место в социально-экономической жизни Туркестана: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Ташкент, 2010. – 22 с.
18. Флыгин Ю. Этот путь явится... могущественным средством развития... // Звезда Востока. – 2014. – № 1. – С. 82-94.
19. Фурсов В.Н., Тестов В.Н. Возведение и функционирование транкаспийской магистрали в 80-х – начале 90-х гг. XIX в. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2013. – № 15(158). – Вып. 27. – С. 30-36.
20. Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России (60–90-е гг. XIX в.). – М.: Наука, 1965. – 468 с.
21. Якубджанов Н. Из истории железной дороги Туркестанского края // Karadeniz. – 2015. – № 25. – С. 210-225.

ECONOMIC AND MILITARY-STRATEGIC FACTORS OF RAILWAY CONSTRUCTION IN CENTRAL ASIA IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

Artykov Abdurafik Abdramanzhanovich

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
of the Department of General and National History

Russian-Tajik (Slavonic) university

734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzode, 30

Ph.: (+992) 907 98 61 71 (m.)

rafick_rtsu@mail.ru

The article is devoted to a comprehensive analysis of the design and construction of the railway network in Turkestan in the second half of the 19th and early 20th centuries. Based on archival materials, departmental correspondence, and statistical data, the author explores the evolution of the transport issue: from the early projects of the 1850s to the creation of the strategic Trans-Caspian Railway. The focus is on the close intertwining of the Russian Empire's economic interests with the tasks of military-strategic control and geopolitical rivalry with Great Britain within the framework of the «Great Game».

The work examines in detail the initiatives of K.P. Kaufman and M.N. Annenkov, as well as the international resonance of F. de Lesseps' project. The author argues that the decisive impetus for practical construction was the aggravation of the situation on the region's borders, specifically the Battle of Kushka in 1885. Particular attention is paid to the consistent policy of state control over communication routes and the fundamental refusal to attract foreign private capital.

On the basis of comparative statistics from the beginning of the 20th century, the transformation of railways from an instrument of military presence into a powerful factor in economic modernization and the deep integration of the region into the all-Russian market is shown. It is concluded that the created infrastructure determined the vector of socio-economic development of Central Asia, becoming a «steel belt» that reliably linked the Asian peripheries with the center of the empire.

Keywords: Turkestan; Central Asia; railways; Trans-Caspian Railway; transport infrastructure; Russian Empire; England; economic development; military strategy; railway projects; 19th century; geopolitics.

ОМИЛҲОИ ИҚТИСОДӢ ВА ҲАРБӢ-СТРАТЕГИИ СОХТМОНИ РОҲИ ОҲАН ДАР ОСИЁИ МИЁНА ДАР НИМАИ ДУЮМИ АСРИ XIX

Артиқов Абдурафик Абдраманжонович

номзади илмҳои таърих, дотсенти
кафедраи таърихи умумӣ ва ватании,
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 907 98 61 71 (м.)
rafick_rtsu@mail.ru

Мақола ба таҳлили комплекси лоиҳакашӣ ва сохтмони шабакаи роҳи оҳан дар Туркистон дар нимаи дуюми асри XIX ва ибтидои асри XX бахшида шудааст. Дар асоси маводҳои бойгонӣ, мукотибаҳои идоравӣ ва маълумоти оморӣ, муаллиф таҳаввули масъалаи нақлиётро аз лоиҳаҳои аввалини солҳои 1850-ум то таъсиси роҳи оҳани стратегияи Моварои Каспий мавриди пажӯҳиш қарор додааст. Таваҷҷуҳи асосӣ ба иртиботи зичи манфиатҳои иқтисодии Империяи Русия бо вазифаҳои назорати ҳарбӣ-стратегӣ ва рақобати геополитикӣ бо Британияи Кабир дар доираи «Бозии Бузург» равона карда шудааст.

Дар қор ташаббусҳои К. П. Кауфман, М. Н. Анненков ва ақсулсадои байналмилалӣи лоиҳаи Ф. де Лессепс муфасссал баррасӣ мешаванд. Муаллиф исбот мекунад, ки ангезаи асосии сохтмони амалӣ шиддат гирифтани вазъият дар сарҳадҳои минтақа, аз ҷумла муҳорибаи Кушка дар соли 1885 ғардид. Ба сиёсати пайвастаи назорати давлатӣ бар роҳҳои алоқа ва даст кашидан аз ҷалби сармояи хусусии хориҷӣ таваҷҷуҳи махсус зоҳир шудааст.

Дар асоси омили муқоисавӣи ибтидои асри XX табдил ёфтани роҳҳои оҳан аз василаи ҳузури ҳарбӣ ба омили пуриқтидори навсозии хоҷагӣ ва ҳамгироии амиқи минтақа ба бозори умумирусиягӣ нишон дода шудааст. Хулоса шудааст, ки инфра-сохтори таъсисёфта вектори рушди иҷтимоӣ-иқтисодии Осӣи Миёнаро муайян наму-да, ба «хати пӯлодин»-е табдил ёфт, ки қанораи Осӣро бо маркази империя боэътимод пайваст намуд.

Калидвожаҳо: Туркистон; Осӣи Миёна; роҳҳои оҳан; роҳи оҳани Моварои Каспий; инфрасохтори нақлиётӣ; Империяи Русия; Англия; рушди иқтисодӣ; стратегияи ҳарбӣ; лоиҳаҳои роҳи оҳан; асри XIX; геополитика.

УДК 141.7:17.023.43

ОСНОВНЫЕ ИДЕИ КОНЦЕПЦИИ ВЛАСТИ МИШЕЛЯ ФУКО

Диноршоева Зарина Мусоевна

доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник отдела истории философии
Институт философии и права
имени А.М. Баховаддинова,
Национальная академия наук Таджикистана
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, проспект Рудаки, 33
Тел.: (+992) 902 22 28 86 (м.)

В статье автор раскрывает основные моменты концепции власти французского мыслителя XX века Мишеля Фуко и указывает на необходимость более глубокого ознакомления и изучения современных западных философских концепций, раскрывающих суть происходящих процессов и явлений в мире в целом, и в различных областях жизни общества, в частности. Перечисляя основные современные концепции власти, автор указывает на концепцию власти М.Фуко как на наиболее популярную в настоящее время. Основным преимуществом учения Фуко является расширение границ понимания сущности проблемы власти, которую прежние мыслители ограничивали лишь политической властью. Фуко будучи французским философом, историком культуры, социологом и теоретиком социальных практик, своими работами оказал огромное влияние на гуманитарные и социальные науки - философию, социологию, политологию, культурологию. Его философию часто относят к структурализму и постструктурализму, а также идеи Фуко связывают с постмодернизмом. Однако, автор утверждает, что он не является «классическим» постмодернистом, но его можно причислить к постмодернистам, так как его идеи в определенной мере совпадают с ключевыми установками постмодернистской философии, коими являются критика универсальных истин, антигуманизм, недоверие к «большим нарративам», фрагментарность истории. Но называть Фуко постмодернистом не стоит, так как учение Фуко сформировалось раньше, чем постмодернизм оформился как течение. Правильнее было бы сказать, что Фуко формировался не под влиянием постмодернизма, а под влиянием Ницше и Хайдеггера, а также французского структурализма.

Ключевые слова: Фуко; власть; истина; знание; политическая жизнь; дисциплина; биополитика; биовласть; властные отношения; управляемость; концепция.

Проблема власти и властных отношений, сохраняя в современном мире свою сущность, при этом, обрела новые функции и механизмы реализации. Во все времена сущностью власти являлась способность и возможность одной стороны воздействовать и навязывать свою волю другой сто-

роне, используя определенные ресурсы (сила, закон, право, авторитет и т.д.) и на основе этого формировались властные отношения. Всю полноту характеристик власти и властных отношений издавна пытались понять и объяснить философы, предлагая различные теории власти. В Новое и Новейшее время сформировались такие теории власти как – бихевиористская, социологическая, функциональная, теория элит, теория рациональной бюрократии, которые рассматривали феномен власти с различных позиций, раскрывая ее различные грани. Власть и властные отношения являясь многогранным явлением стали объектом исследования различных общественно-гуманитарных наук – философии, политологии, социологии, психологии и т.д., и именно этот междисциплинарный подход, является, на наш взгляд, более эффективным в попытках ученых объяснить этот феномен. Более того, функции и механизмы власти исторически претерпевают изменения. Если изначально основной функцией власти являлось контроль и поддержание порядка и защита территории, то в современном мире функции власти расширились. А именно, к существующим функциям добавилось – управление благосостоянием, перераспределение ресурсов, социальная защита, цифровое регулирование, управление платформенной экономикой и цифровыми активами, обеспечение экологической и глобальной безопасности. Также изменились механизмы реализации власти – от физической силы к закону, формирование алгоритмического управления, контроль над критической инфраструктурой (энергетика, транспорт, связь и интернет провайдеры, финансы, здравоохранение) и особенно над критической информационной инфраструктурой.

Таким образом, власть и властные отношения динамичны и обусловлены социокультурными изменениями, то есть, они адаптируются к изменениям в структуре общества и детерминированы международными факторами. Следовательно, формируются новые теории власти – сетевая теория власти, технократическая теория власти, теория плюралистической демократии, алгоритмическое управление и т.д., но наиболее популярной на данный момент является концепция власти Мишеля Фуко (дискурсивная власть и биополитика). К сожалению, в философском пространстве Таджикистана уделяется недостаточное внимание новейшим философским, социально-философским, социологическим и политологическим концепциям и разработкам западных и американских ученых. Это становится препятствием для научного, аналитическо-критического анализа современной политической, экономической, духовно-культурной ситуации в стране. Понятно, что косвенно и опосредованно, а иногда и напрямую «развивающиеся» страны, находятся под зависимостью, влиянием, давлением и в некоторых случаях, прессингом ведущих держав региона и мира, которые осуществляют свои интересы, используя различные пути и механизмы. В та-

кой ситуации было бы неплохо обладать знаниями в сфере современных западных и американских общественных наук, разрабатывающих эти механизмы, с целью поиска путей, минимизирующих риски для стран, оказавшихся в сфере интересов сверхдержав.

Для того чтобы иметь хотя бы общее представление о процессах происходящих в современном мире, было бы полезным ознакомиться с концепцией власти Мишеля Фуко, которая, на мой взгляд, может дать ответы на многие вопросы относительно политической жизни общества. Для начала было бы полезно ознакомиться с анализом, представленным Автономовой Н.С., являвшейся исследователем творчества М.Фуко [1]. Не менее информативная статья, достаточно коротко, но содержательно раскрывающая учение о власти Фуко принадлежит Р.И.Зекрист под названием «Концепция власти Мишеля Фуко»[8].

Мишель Поль Фуко будучи французским философом, историком культуры, социологом и теоретиком социальных практик, своими работами оказал огромное влияние на гуманитарные и социальные науки - философию, социологию, политологию, культурологию. Его философию часто относят к структурализму и постструктурализму, а также идеи Фуко связывают с постмодернизмом. Однако, на наш взгляд, он не является «классическим» постмодернистом. Фуко можно причислить к постмодернистам, так как его идеи в определенной мере совпадают с ключевыми установками постмодернистской философии, коими являются критика универсальных истин (согласно ему истина всегда исторична, связана с практиками власти и дискурсами), антигуманизм (критикует фигуру «человека» как центр знания), недоверие к «большим нарративам», фрагментарность истории (история это не линейное развитие, а разрывы, дискурсивные переломы). Всё это - важные признаки постмодернистского мышления. Но называть Фуко постмодернистом не стоит, так как учение Фуко сформировалось раньше, чем постмодернизм оформился как течение. Можно сказать, что его ключевые работы (1960-е) предшествуют «модернистскому проекту» Лиотара и во многом сформировали его предпосылки. Правильнее было бы сказать, что Фуко формировался не под влиянием постмодернизма, а под влиянием Ницше (критика морали, генеалогия, отказ от метафизики истины) и Хайдеггера (критика субъекта, историчность бытия и истины), а также французского структурализма.

Таким образом, идеи Мишеля Фуко во многом созвучны постмодернистской критике универсализма и метанарративов, однако они не являются прямым продуктом постмодернизма. Скорее, философия Фуко стала одним из теоретических оснований постмодернистского мышления. Фуко не столько постмодернист, сколько один из мыслителей, подготовивших интеллектуальный переход от модерна к постмодерну.

Фуко писал историко-философские исследования, где критикует традиционные представления о знаниях, власти, обществе и человеческой природе - «История безумия в классическую эпоху» (Madness and Civilization, 1961); «Слова и вещи» (Les Mots et les Choses, 1966); «Археология знания» (The Archaeology of Knowledge, 1969); «Надзирать и наказывать» (Discipline and Punish, 1975). Он не создавал «системной философии» в традиционном смысле - он концентрировался на взаимосвязях знания, власти и социальных институтов. Он утверждал, что знание и власть неразрывно связаны: знание не просто отражает истину, а является средством власти - оно формирует поведение людей и социальные практики (power-knowledge). Фуко ввёл понятие дискурса - системы высказываний, которые определяют, как мы говорим о мире, что считаем возможным или допустимым знанием в конкретной эпохе. Он анализировал, как институты (тюрьмы, школы, больницы) создают «нормальных» и «отклоняющихся» людей, используя практики наблюдения, наказания и контроля [9]. Как указывают Л.Я. Курочкина, и В.Н. Первушина в своей статье «Концепция власти М.Фуко»: «Обратим внимание на то, что проблема власти М.Фуко преимущественно растворялась в вопросе об отношении цивилизации к инаковому мышлению. Фуко подчеркивал, что отношение к иному, пограничному мышлению определяет гуманизм цивилизации и определенной культуры» [10, с.54]. Думается не зря исследователи его творчества считают, что Фуко ощутил на себе сильное влияние Ницше. И именно государство и власть, согласно Фуко производят знание, определяющее – что есть нормальное, а что нет. Поэтому нейтрального знания не существует, оно всегда отражает интересы государства и власти. Устанавливая границы «нормального» посредством школ, больниц, тюрем, государство и власть формируют «законопослушность» людей через их самоконтроль. Плохо это или нет? Зло это для человека или нет? По данному вопросу мы считаем, что однозначного ответа нет, и необходимо учитывать о наличии «оборотной стороны у любой медали».

Фуко критиковал идеи о том, что существует единая объективная истина или человеческая природа независимая от контекста. Истина, по Фуко, исторически и социально обусловлена. Фуко не был традиционным политическим философом с собственной «идеологией». Его позицию лучше описывать как критическую и диагностическую: он выступал против репрессивных практик в медицине, психиатрии и пенитенциарной системе, считая, что эти институты усиливают механизмы власти и исключения. Что касается политической активности, то в 1960–1970-х он участвует в движениях за права заключённых, критикует репрессивную практику государства, поддерживает демократические и гуманистические инициативы. Фуко оказал огромное влияние на гуманитарные науки и современное пони-

мание власти, дискурса, социальных институтов и знания. Благодаря ему многие исследования о том, как общество формирует индивидуальное сознание и поведение, получили новую методологическую основу.

Низовцев Д.Б. анализируя концепцию власти Фуко пишет: «Знание работ Мишеля Фуко, в частности в вопросах взаимоотношений государства и общества, вопросах власти и ее применения, представляется не только полезно информативным, но и самое главное – применимым на практике в современном мире. Приступая к анализу концепции власти Мишеля Фуко, хотелось бы привести слова самого автора: «...Власть, которую один человек осуществляет над другим, всегда неустойчива. Я не говорю, что власть по природе своей есть зло, – я говорю, что власть как механизм бесконечна (что не означает, что она всесильна, – как раз наоборот). Не существует строгих правил, руководствуясь которыми можно было бы ее ограничить, не существует универсальных принципов, позволяющих отнять у нее все те шансы, которыми она пытается воспользоваться. Власти всегда нужно противопоставлять непреодолимые законы и неограниченные права»» [13, с.139].

Мы вполне согласны с этой точкой зрения, в частности с тем, что концепция Фуко может служить методологической основой для изучения, анализа и понимания современных политических и властных отношений. Что понимает Фуко под властью? Фуко рассматривает власть как *имманентную - распределённую в обществе; продуктивную - формирующую нормы, знания и субъекты; нормализующую - устанавливающую допустимые границы поведения; связанную со знанием - знание и власть взаимно обусловлены*. Особый интерес представляет концепция *governmentality* [17] (управляемости), которая показывает, как власть проявляется через технологии управления населением, выходящие за рамки прямого насилия. Дело в том, что Фуко говорит о трех уровнях или способах осуществления власти: суверенная власть, дисциплинарная и биовласть [20]. Коротко говоря, суверенная власть это – власть силы, подчинения и страха; дисциплинарная власть – формирование послушных тел через контроль и надзор; биовласть – регулирует биологические процессы (биополитика населения). Таким образом, мы считаем, что гений Фуко проявляется в том, что он вывел проблему власти и властных отношений за пределы политической и государственной сферы: власть - это не только политический и государственный институт. Она охватывает все сферы жизни человека и общества и проявляется повсюду: в отношениях между полами, в семейно-брачных отношениях, между больными и здоровыми, знающими и незнающими и т. д. Политическая же власть, скорее всего, опирается на них для своего укрепления. На мой взгляд, атрибутом, то есть неотъемлемым свойством власти является обладание ресурсами – сила, деньги, знания, здоровье, ин-

формация, полезные ископаемые и т.д., которые дают возможность быть относительно независимым и ставить в зависимость других. Чем менее мы зависимы, тем более мы свободны и тем самым более обладаем властью, которая, в свою очередь, не может быть абсолютной, так как человек не может быть во всем независимым. Концепция власти Фуко, опирающаяся на идею «воли к власти» Ницше как фундаментального импульса всего живого не просто к выживанию, а к расширению и утверждению своей силы, позволила более широко взглянуть на проблему властных отношений, в том числе и в политической сфере.

Литература

1. Автономова Н.С. Фуко // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; предс. науч.-ред. совета В.С. Степин. - М.: Мысль, 2001. - Т. 4. - 605 с.
2. Агамбен Д. Номос sacer. Суверенная власть и голая жизнь / пер. с ит. И. Левиной, О. Дубицкой, П. Соколова. - М.: Европа, 2011. - 256 с.
3. Беляцкая Е.В. Дискурс и власть в концепции М. Фуко: точки пересечения // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. - 2011. - № 2 (97). [Электронный ресурс]. - URL: cyberleninka.ru (дата обращения: 24.01.2026).
4. Васильева А.С. Динамика властных отношений в современном обществе: философский анализ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. - 2017. - № 11 (785). - С. 182–192.
5. Вебер М. Хозяйство и общество / пер. с нем. под ред. Л.Г. Ионина. - М.: Университетская книга, 1994. - 432 с.
6. Делез Ж. Фуко / пер. с фр. Е.В. Семиной; послесл. И.П. Ильина. - М.: Изд-во гуманитар. лит., 1998. - 192 с.
7. Дьяков А.В. Мишель Фуко и его время. - СПб.: Алетейя, 2010. - 672 с.
8. Зекрист Р.И. Концепция власти Мишеля Фуко // Вестник Челябинского государственного университета. - 2008. - № 28. - С. 147–152.
9. Керимов Т.Х. Проблема власти в современной французской философии // Известия Уральского государственного университета. - 1999. - № 13. - С. 37–46.
10. Курочкина Л.Я. Концепция власти М. Фуко / Л.Я. Курочкина, В.Н. Первушина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. - 2013. - № 2. - С. 51–64.
11. Мамычев А.Ю. Властные отношения: архетипические основания, современные формы и механизмы организации // Территория новых возможностей. Вестник ВГУЭС. - 2009. - № 1 (1). - С. 136–149.
12. Меньшиков В.В. Властные отношения, их принципы и значение для конструирования властного взаимодействия // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2011. - № 4 (9). - С. 138–141.
13. Низовцев Д.Б. Проблема власти в работах Мишеля Фуко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - 2015. - № 10-1 (60). - С. 138–140.
14. Русаков С.С. Трехуровневая концепция политической власти М. Фуко // Вестник Пермского университета. Политология. - 2014. - № 1. - С. 136–144.

15. Сокулер З.А. Знание и власть: наука в обществе модерна. - СПб.: РХГИ, 2001. - 240 с.
16. Фуко М. Археология знания / пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой; под общ. ред. Бр. Левченко. - СПб.: Гуманитарная Академия, 2004. - 416 с.
17. Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году / пер. с фр. В.Ю. Быстрова, Н.В. Сулова, А.В. Шестакова. - СПб.: Наука, 2011. - 544 с.
18. Фуко М. Воля к знанию. История сексуальности. Том 1 / пер. с фр. С. Табачниковой. - М.: Касталь, 1996. - 448 с.
19. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. - М.: Ad Marginem, 2015. - 416 с.
20. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / пер. с фр. А.В. Дьякова. - СПб.: Наука, 2010. - 448 с.
21. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. - СПб.: A-cad, 1994. - 408 с.
22. Фуко М. Герменевтика субъекта. Курс лекций в Коллеж де Франс в 1981–1982 уч. году. - СПб.: Наука, 2007. - 677 с.
23. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. - М.: Праксис, 2002. - 384 с.
24. Фуко М. Психиатрическая власть. Курс лекций в Коллеж де Франс в 1973–1974 уч. году. - СПб.: Наука, 2007. - 448 с.
25. Фуко М. Археология знания / пер. с фр. - СПб.: Гуманитарная Академия, 2004. - 416 с.

THE MAIN IDEAS OF MICHEL FOUCAULT'S CONCEPT OF POWER

Dinorshoeva Zarina Musoevna

Doctor of Philosophy, Professor,
Chief Researcher of the Department of the History of Philosophy
the Institute of Philosophy and Law
after A.M. Bakhovaddinov,
National Academy of Sciences of Tajikistan
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki Avenue, 33
Ph.: (+992) 902 22 28 86 (m.)

In the article, the author reveals the main points of the concept of power by the French thinker of the twentieth century Michel Foucault and points out the need for a deeper understanding and study of modern Western philosophical concepts that reveal the essence of ongoing processes and phenomena in the world as a whole, and in various areas of society, in particular. Listing the main modern concepts of power, the author points to the concept of power by M.Foucault as the most popular at the moment. The main advantage of Foucault's teaching is the expansion of the boundaries of understanding the essence of the problem of power,

which previous thinkers limited only to political power. Foucault, being a French philosopher, cultural historian, sociologist and theorist of social practices, had a great influence on the humanities and social sciences - philosophy, sociology, political science, cultural studies. His philosophy is often attributed to structuralism and post-structuralism, and Foucault's ideas are also associated with postmodernism. However, the author claims that he is not a "classical" postmodernist, but he can be classified as a postmodernist, since his ideas to a certain extent coincide with the key tenets of postmodern philosophy, which are criticism of universal truths, anti-humanism, distrust of "big narratives", and the fragmentation of history. But it is not worth calling Foucault a postmodernist, since Foucault's teaching was formed before postmodernism took shape as a trend. It would be more correct to say that Foucault was shaped not by the influence of postmodernism, but by the influence of Nietzsche and Heidegger, as well as French structuralism.

Keywords: Foucault; power; truth; knowledge; political life; discipline; biopolitics; bio-power; power relations; manageability; concept.

ҒОЯҲОИ АСОСИИ ТАЪЛИМОТИ МИШЕЛ ФУКО ОИД БА ҲОКИМИЯТ

Диноршоева Зарина Мусоевна

доктори илмҳои фалсафа, профессор,
сарҳодими Шӯъбаи таърихи фалсафаи
Институти фалсафа ва ҳуқуқи
ба номи А.М. Баҳоваддинов,

Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон

734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 33

Тел.: (+992) 902 22 28 86 (м.)

Дар мақола муаллиф нуктаҳои асосии концепсияи ҳокимияти мутафаккири фаронсавии асри XX Мишел Фукоро ошкор намуда, ба зарурати шиносӣ ва омӯзиши амиқтари концепсияҳои фалсафии муосири ғарбӣ ишорат мекунад, ки моҳияти равандҳо ва падидаҳои дар ҷаҳон баамал ояндаро дар умум ва дар соҳаҳои гуногуни ҳаёти ҷомеа, хусусан, боз мекунад. Муаллиф концепсияҳои асосии муосири ҳокимиятро номбар карда, ба концепсияи ҳокимияти М. Фуко ҳамчун маъруфтарин концепсия дар замони ҳозира ишора менамояд. Бартарии асосии таълимоти Фуко васеъ кардани ҳудуди фаҳмиши моҳияти масъалаи ҳокимият мебошад, ки мутафаккирони пешин онро танҳо бо ҳокимияти сиёсӣ маҳдуд мекарданд. Фуко ҳамчун файласуфи фаронсавӣ, таърихшиноси фарҳанг, ҷомеашинос ва назарияпардозӣ амалияҳои иҷтимоӣ бо асарҳои худ ба илмҳои гуманитарӣ ва иҷтимоӣ - фалсафа, ҷомеашиносӣ, сиёсатшиносӣ ва фарҳангшиносӣ таъсири бузург расонидааст. Фалсафаи ӯро зуд-зуд ба сохторгарой (структурализм) ва пасосохторгарой (постструктурализм) нисбат медиҳанд, инчунин ғояҳои Фукоро бо пасомодернизм (постмодернизм) мепайванданд. Аммо муаллиф таъкид мекунад, ки ӯ пасомодернистӣ «классикӣ» нест, вале метавон ӯро ба пасомодернистҳо шомил кард, зеро ғояҳои ӯ то дараҷаи муайян бо усулҳои калидии фалсафаи

пасомодернистӣ, аз қабилӣ интиқоди ҳақиқатҳои умумӣ, зиддигуманизм, безътимодӣ ба «нарративҳои бузург» ва фрагментарӣ будани таърих мувофиқат мекунад. Вале Фукуро пасомодернист номидан дуруст нест, зеро таълимоти Фуко нисбат ба шаклгирӣ пасомодернизм ҳамчун чараён барвақттар ба вучуд омадааст. Саҳеҳтар он аст, ки бигуем Фуко на таҳти таъсири пасомодернизм, балки таҳти таъсири Нитше, Хайдеггер ва чараёни структурализи фаронсавӣ ташаккул ёфтааст.

Калидвожаҳо: Фуко; ҳокимият; ҳақиқат; дониш; ҳаёти сиёсӣ; интизом; биосиёсат; биоҳокимият; муносибатҳои қудратӣ; идорашавандагӣ; консепсия.

УДК 141.7:2-67:[28-24+27-23]

КОРАН И БИБЛИЯ О МИГРАНТАХ

Рахмон Ульмасов

доктор экономических наук, профессор
кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 985 73 83 20 (м.)
ulmasovr@gmail.com

Статья посвящена сравнительному социально-философскому и теологическому анализу феномена миграции в священных текстах авраамической традиции – Коран и Библия. Актуальность исследования определяется глобализационными процессами, сопровождающимися социально-политическими и культурными вызовами, усиливающими миграционные потоки и одновременно обостряющими проблемы ксенофобии, культурной дезинтеграции и кризиса идентичности. В этих условиях обращение к нормативно-ценностному потенциалу религиозных источников приобретает особое методологическое и практическое значение. Объектом исследования выступает феномен миграции как социально-антропологическая и духовно-нравственная реальность. Предметом исследования является интерпретация статуса мигранта, норм отношения к «пришельцу» и принципов социальной солидарности в кораническом и библейском дискурсе.

На основе сравнительного текстологического анализа показано, что в обоих корпусах священных текстов миграция осмысливается не только как социальный или исторический процесс, но и как нравственный акт, связанный с верой, достоинством и ответственностью принимающего общества. Делается вывод о значительном гуманитарном потенциале религиозных источников в контексте современных миграционных вызовов. Сравнительный анализ выявляет общность моральных установок обеих традиций: признание достоинства мигранта, требование социальной справедливости, ценность милосердия и взаимной ответственности. Различия проявляются в историко-контекстуальных основаниях и богословской интерпретации миграции.

Ключевые слова: миграция; религия; авраамические религии; мухаджир; хиджра; пришелец; Коран; Библия; этика; интеграция; этика гостеприимства, сакрализация, культурный код; аксиология.

Миграция является одним из ключевых социальных процессов современности, затрагивающим демографические, экономические и культурные основы государств. Вместе с тем отношение к мигрантам формируется

не только в правовом или политическом поле, но и в сфере ценностей и морали. В этом контексте особый интерес представляют религиозные традиции, оказывающие устойчивое влияние на общественное сознание. В представленном кратком обзоре рассматриваются научные труды, посвященные анализу религии, а также её роли в формировании социальной солидарности и регулировании миграционных процессов.

В своем фундаментальном труде «Элементарные формы религиозной жизни» Э.Дюркгейм обосновывает статус религии как первичного социального института, ответственного за формирование и поддержание общественной целостности [11, с. 68]. Автор постулирует, что религиозная система не просто отражает духовные искания индивида, но выступает мощным инструментом производства «социальных фактов» - надындивидуальных структур, детерминирующих поведение членов группы [11, с. 142].

С точки зрения Дюркгейма, именно через ритуальную деятельность и поклонение священным объектам общество достигает состояния «коллективного возбуждения» (*effervescence collective*), которое обновляет чувство социальной солидарности и подтверждает приверженность общим моральным нормам [11, с. 345].

В работах «Социальное конструирование реальности» и «Священная завеса» П.Бергер обосновывает роль религии как ключевого механизма легитимации социального порядка [4; 5]. Согласно его концепции, религия формирует «сакральный космос», который наделяет социокультурные нормы объективным онтологическим статусом. В рамках этой теоретической модели предписания по защите мигрантов и «чужеземцев» трансформируются из ситуативных этических правил в сакрализованные императивы, становясь фундаментально значимыми для поддержания устойчивости социального миропорядка.

В рамках семиотического и антропологического подходов, представленных в работах М.Мид и Р.Барта, религия интерпретируется как фундаментальный культурный код. Несмотря на то, что данные авторы не специализировались на проблематике миграционных потоков, их концепции позволяют рассматривать религиозные символы как структурные элементы, формирующие культурные смыслы, нормативные установки и поведенческие паттерны [18; 3]. В данном контексте институт гостеприимства и отношение к «чужому» выступают как культурно обусловленные нормы, детерминированные глубокими символическими структурами общества.

В рамках системных исследований миграционных процессов С.Кастельс и М.Миллер обосновывают тезис о том, что социокультурные и религиозные факторы являются детерминирующими в процессах интегра-

ции мигрантов [14]. Авторы подчеркивают, что религия выступает не только базисом формирования групповой идентичности, но и механизмом поддержания транснациональных социальных сетей. В данной теоретической оптике религиозные институты могут служить ресурсом противодействия социальному исключению, функционируя как «социальные якоря», обеспечивающие первичную адаптацию и способствующие включению мигрантов в структуру принимающих обществ. Финоменологический анализ А. Шюца дополняет это пониманием процесса адаптации «чужака» в новой среде [22].

В трудах Р.Хассана представлен глубокий анализ корреляции религиозных традиций и универсальных стандартов прав человека, в частности применительно к правовому статусу мигрантов и беженцев [23]. Исследователь обосновывает тезис о том, что традиционные религиозные императивы гостеприимства конвергируют с современными международно-правовыми принципами защиты человеческого достоинства. В данной концепции религиозные нормы рассматриваются как комплементарный ресурс, легитимирующий и подкрепляющий гуманистические стандарты в отношении перемещенных лиц.

Эти работы демонстрируют: социологическую функцию религии как механизма социальной солидарности; культурную роль религии в формировании смыслов, норм и этики; практическое влияние религиозных установок на миграционные процессы и интеграцию; возможность интерпретации религиозных предписаний гостеприимства как формы сакрально оправданной расширенной солидарности.

Теоретические выводы указанных исследователей находят свое прямое подтверждение в первоисточниках. Коран и Библия - фундаментальные тексты авраамических религий - содержат развернутые представления о переселении, изгнании и статусе «чужого». Анализ этих источников позволяет выявить универсальные этические принципы, лежащие в основе отношения к мигрантам, и сопоставить их с современными социальными практиками.

Священные тексты авраамических традиций рассматривают миграцию не как деструктивный процесс, а как естественную, зачастую вынужденную и в ряде случаев сакрализованную форму человеческого бытия. Коран и Библия содержат прямые императивы, предписывающие защиту, уважение и всестороннюю поддержку переселенцев, возводя эти действия в ранг фундаментальных религиозных обязанностей. В Коране переселенцы (мухаджиры) характеризуются как лица, обладающие высоким духовным статусом:

«Те, которые уверовали, переселились и усердствовали на пути Аллаха... - они надеются на милость Аллаха» (Коран, 2:218)

«А тех, которые переселились ради Аллаха после того, как подверглись притеснению, Мы поселим в этом мире в прекрасном месте» (Коран, 16:41)

Библия [6] также утверждает нравственную обязанность защищать переселенцев:

«Пришельца не притесняй... ибо вы сами были пришельцами в земле Египетской» (Исх. 22:21)

«Люби его [пришельца] как самого себя» (Лев. 19:34)

Праотец Авраам прямо определяет свой статус: *«Я у вас пришелец и поселенец» (Быт. 23:4)*

Следовательно, сама история монотеизма генетически связана с опытом миграции, а переселение выступает как первооснова человеческой истории. В свете авраамических традиций становится очевидным, что миграция предшествует возникновению государств, экономических или политических институтов, являясь имманентной характеристикой человеческого существования с момента его начала. Первыми переселенцами, согласно библейско-коранической парадигме, были Адам и Ева. Их история представляет собой не только теологический нарратив, но и универсальный архетип¹ человеческой судьбы: изгнание, поиск нового дома и сакральное освоение территорий. С точки зрения религиозно-философской рефлексии, первые люди выступают и как первые мигранты: вынужденный уход из Эдема в суровую землю «к востоку от Рая» (Быт. 3:24) символизирует инициальный опыт человеческого переселения. Это движение и последующее расселение потомков свидетельствуют о том, что пространственная мобильность была заложена в самой онтологии человечества. Переход от стабильного сакрального пространства к освоению профанического мира, преодолению трудностей и созиданию сообществ утверждает миграцию не как случайный исторический фактор, а как неотъемлемый атрибут человеческой природы.

История человечества в авраамической традиции берет свое начало в пространственной динамике. Первые люди - Адам и Ева - выступают не только биологическими прародителями человеческого рода, но и архетипическими субъектами миграции. Их изгнание из Эдема стало первым актом вынужденного переселения, инициировавшим непрерывный процесс перемещений, которые впоследствии сформировали демографическую и

¹ **Архетип** - наиболее древний текст письменного памятника, являющийся первоисточником для последующих списков, копий.

цивилизационную структуру мира. Согласно Священным Писаниям, следствием нарушения запрета стало низведение первых людей на землю и их пространственное разобщение. В исламской экзегетике, в частности, в трудах ат-Табари и Ибн Касира, подчеркивается, что они оказались в значительном удалении друг от друга и были вынуждены преодолеть период длительного странничества перед воссоединением [1; 12]. Данный сюжетный цикл инкорпорирует ключевые структурные элементы миграционного процесса: утрату привычного жизненного пространства, необходимость адаптации к враждебной среде, поиск ресурсов для жизнеобеспечения и восстановление разрушенных социальных связей. Таким образом, человеческая история в своей основе манифестируется не через оседлость, а через парадигму пути и поиска.

С позиций антропологии и археологии данный сакральный нарратив обнаруживает глубокую корреляцию с научными данными. Современная наука подтверждает африканское происхождение гоминид и их последующее расселение по всему земному шару. Антропологическая концепция «Out of Africa» (исход из Африки) постулирует, что миграция является не случайным историческим эпизодом, а фундаментальным механизмом развития человечества. Пространственная мобильность обеспечивала выживание вида, способствовала освоению новых ресурсов, интенсификации технологического прогресса и диверсификации культур. Таким образом, религиозный образ изгнания Адама может быть интерпретирован как символическая репрезентация универсального закона человеческой истории: человек по своей природе является существом мобильным.

Именно миграционные процессы выступали катализатором возникновения ведущих цивилизаций. Древние шумеры, египтяне, финикийцы, тюркские и иранские народы, кочевники Великой степи формировались в условиях перманентных переселений. Трансграничные торговые маршруты, такие как Великий шёлковый путь, функционировали не только как каналы товарообмена, но и как пространство циркуляции идей, языков и верований. Каждая волна миграции обеспечивала технологическую диффузию, интенсификацию культурных контактов и демографическую ревitalизацию. В данном контексте образы Адама и Евы трансформируются из сугубо религиозных персоналий в универсальную метафору человеческой экзистенции: пребывание в пути, адаптация и созидание нового жизненного пространства. Особую значимость имеет тот факт, что ключевые фигуры пророческого ряда также выступают субъектами миграции: Авраам (Ибрагим) покидает Ур, Моисей (Муса) возглавляет исход из Египта, пророк Мухаммад совершает хиджру из Мекки в Медину. Эти переселения детерминировали не деструкцию, а социокультурное обновление и генезис

новых обществ. Следовательно, в священной истории миграция позиционируется не как карательная мера, а как необходимый этап духовной и социальной эволюции. Из этого следует фундаментальный цивилизационный вывод: миграция является не аномалией или угрозой, а естественным состоянием человечества. Если инициальный человек был переселенцем, если пророки были мигрантами, а цивилизации рождались в динамике, то история человечества представляет собой континуум - непрерывную цепь переходов, обновлений и поиска оптимальных условий бытия. Трактовка миграции как имманентно «враждебного» явления вступает в противоречие как с теологической, так и с научной картиной мира.

Таким образом, феномен миграции оказывается имманентно присущ человеческому бытию. Человек по своей природе является странником, а пространственная мобильность выступает фундаментальным условием его социокультурного развития. Следовательно, исследование миграционных процессов позволяет глубже осмыслить саму антропологическую сущность человека.

Особое значение данная антропологическая установка приобретает в исламской традиции, где феномен миграции и образ «чужого» находят детальное отражение в тексте Откровения. В Коране [15] миграция концептуализируется через категорию хиджры - переселения, совершаемого ради сохранения веры и достоинства. Термин «мухаджиры» (араб. المهاجرون), обозначающий тех, кто покинул родные места, спасаясь от притеснений, является фундаментальной социорелигиозной категорией. Непосредственно лексема «аль-мухаджирун / аль-мухаджирин» («المهاجرون / المهاجرين») - переселенцы как социальная группа, упоминается в Коране около 30 раз, зачастую в тесной связи с категорией «ансаров», например, в аятах 9:20, 9:100, 8:72, 59:8, 4:100 [25]. Если рассматривать весь массив производных от корня h-j-r (ج-ه-ر), обозначающих акт оставления прежнего места ради служения Богу, то частотность употребления возрастает до 35 и более раз [25]. Коранический дискурс постулирует, что переселение является не вынужденным бегством, а активным нравственным выбором. В тексте выражено осуждение пассивного принятия несправедливости в случаях, когда сохраняется возможность покинуть пространство угнетения (Коран, 4:97). Мухаджиры наделяются исключительным моральным статусом, их путь ставится в один ряд с актами высшей верности и жертвенности (Коран, 9:20; 8:72).

Миграция¹ (хиджра, переселение) в авраамической традиции интерпретируется не как девиация, а как сакрализованная форма человеческого развития, закреплённая в жизнеописаниях пророков. Анализ священной истории показывает, что пространственная мобильность является не исключением, а онтологической закономерностью человеческого существования. В данной оптике переселение выступает не только социально-экономическим процессом, но и важнейшей духовной миссией. Ключевые фигуры монотеизма - пророки Ибрагим (Авраам) и Мухаммад - в сущности являлись вынужденными мигрантами. Согласно библейской и коранической традициям, Ибрагим покинул Ур Халдейский в Месопотамии вследствие религиозных преследований и несовместимости его убеждений с господствующим идолопоклонством. Его жизненный путь представлял собой континуум вынужденных миграций: от переселения в Харан и Ханаан до пребывания в Египте и долине Мекки.

В Коране приводятся слова пророка Ибрагима (Авраама): *«Воистину, я переселяюсь к моему Господу...»* (Коран, 29:26).

В Библии запечатлен призыв Бога к Аврааму: *«Пойди из земли твоей, от родства твоего... в землю, которую Я укажу тебе»* (Быт. 12:1).

Фактически именно благодаря миграционным процессам Ибрагим (Авраам) стал родоначальником целых народов и цивилизаций. Без акта переселения было бы невозможным формирование ни израильской, ни арабской ветвей авраамической традиции.

Генезис исламской цивилизации также неразрывно связан с процессом миграции. В 622 году пророк Мухаммад и его сподвижники были вынуждены покинуть Мекку вследствие эскалации преследований и совершить переселение в Ясриб (Медину). Данное событие, получившее название хиджра, обладает столь фундаментальной значимостью, что именно оно было принято за отправную точку мусульманского летоисчисления.

Коран акцентирует внимание на высоком достоинстве переселенцев: *«Воистину, те, которые уверовали, совершили переселение и сражались на пути Аллаха... им уготована великая награда»* (Коран, 8:74).

Хиджра стала отправной точкой для формирования принципиально новой социальной общности - уммы, а также базой для становления ислам-

¹ В английском языке существительное **migration** дефинируется как «перемещение, переселение или движение из одного места в другое», применительно к людям или животным, меняющим место жительства или ареал обитания. Термин также экстраполируется на иные динамические процессы. Слово **migration** восходит к латинскому **migratio**, означающему «перемещение, изменение места жительства», которое, в свою очередь, образовано от глагола **migrare** — «переходить, перемещаться». В русском языке термин «миграция» традиционно употребляется для обозначения процессов переселения людей или миграционных циклов в животном мире.

ской государственности, правовой системы и институтов социальной солидарности.

Резюмируя вышеизложенное, можно утверждать, что исламская цивилизация в своей основе является продуктом миграционных процессов. Опыт пророческого ряда наглядно демонстрирует: миграция выступает не только инструментом сохранения веры и человеческого достоинства, но и катализатором генезиса новых сообществ. Пространственная мобильность населения исторически является мощным ресурсом государственного строительства. Данный тезис находит подтверждение в современной демографии и исторической науке: становление крупнейших государственных образований (Древний Рим, США, Россия, страны Центральной Азии) было обусловлено масштабными миграционными волнами. Следовательно, восприятие миграции исключительно в контексте угроз исторически необоснованно. В рамках религиозной парадигмы мигрант предстает не как «чужой», а как субъект, продолжающий священный путь пророков.

Наряду с категорией мухаджиров, Коран эксплицирует образ принимающего общества - ансаров¹ (жителей Медины), чей подход к интеграции переселенцев выступает в качестве нравственного эталона. Их отношение к мигрантам характеризуется безусловной готовностью к разделению материальных благ, отсутствием корыстных побуждений и приоритетом нужд переселенцев над собственными интересами: «...они предпочитают их [мухаджиров] самим себе, даже если сами находятся в нужде» (Коран, 59:9). В данном контексте закрепляется принцип альтруистической солидарности, который в современной науке может быть интерпретирован как ранняя парадигма социальной интеграции. Исламская традиция рассматривает этот исторический пример как универсальную модель, в которой защита и поддержка мигранта трансформируются из акта доброй воли в императивную религиозную обязанность [18; 14].

В Ветхом Завете ключевой категорией выступает понятие גֵּר (гер) - пришелец, чужеземец, временно проживающий в иудейской общине. Моисеево законодательство (Пятикнижие) содержит императивный запрет на притеснение пришельца, апеллируя к историческому опыту пребывания израильтян в Египте как мигрантов: «*Пришельца не притесняй и не угнетай его, ибо вы сами были пришельцами в земле Египетской*» (Исх. 22:21; см. также Лев. 19:33–34) [5; 1].

¹ **Ансары** (араб. أنصار — «помощники») — коренные жители Медины (племена Аус и Хазрадж), принявшие ислам и ставшие сподвижниками пророка Мухаммеда. Они оказали решающую помощь пророку и мекканским мусульманам (мухаджирам), переселившимся (хиджра) в Медину в 622 году. Ансары предоставив им кров, поддержку и став основой первой мусульманской общины, делятся жильём и имуществом ставят нужды мигрантов выше собственным являются моральным эталоном принимающего общества

Таким образом, в авраамической традиции коллективная память о миграции трансформируется в императивный нравственный аргумент, детерминирующий справедливое и гуманное отношение общества к «чужому». Рефлексия собственного исторического опыта изгнания и странничества становится этическим фундаментом для формирования культуры гостеприимства и защиты прав перемещенных лиц [7; 10].

В новозаветной традиции этика отношения к мигранту приобретает универсальный характер. В евангельском тексте Иисус Христос отождествляет Себя со странником и изгнанником, превращая отношение к ним в высший критерий нравственной оценки человека и общества: «Я был странником, и вы приняли Меня» (Мф. 25:35). Данный подход нивелирует этнические и культурные границы, формируя универсалистскую модель гостеприимства, в рамках которой любой нуждающийся рассматривается как «ближний».

Эта концепция наследует и расширяет ветхозаветные императивы: «*Пришельца не притесняй...*» (Исх. 22:21) и «*Люби пришельца как самого себя*» (Лев. 19:34). Ключевой этический аргумент здесь строится на апелляции к исторической памяти: «ибо вы сами были пришельцами». Таким образом, собственный исторический опыт миграции трансформируется в фундаментальный источник моральной ответственности перед «Другим» [16; 9].

Проведенный сравнительный анализ демонстрирует, что и кораническая, и библейская традиции концептуализируют фигуру мигранта не как источник угрозы, а как субъект нравственной ответственности общества. В обоих корпусах священных текстов прослеживается детерминированная связь между историческим опытом переселения и императивной обязанностью проявлять солидарность по отношению к «чужому». Современные мыслители, включая Ю. Хабермаса, Х. Казанову и М. Уолцера, подчеркивают, что даже в секулярном мире религиозные ценности остаются ресурсом гуманизации политики [21; 13; 20]. Исследования А. В. Малащенко и С. Сассен указывают на роль религии в сохранении идентичности мигрантов в условиях глобальных вызовов [17; 24] и гармонизации межкультурного диалога.

Главный вывод: обе традиции формируют нормативную модель гостеприимства, в которой:

- мигрант выступает как субъект, наделенный неотъемлемым достоинством;
- принимающее общество позиционируется как носитель моральной ответственности;

➤ солидарность трансформируется в императивную религиозную обязанность.

Следовательно, религиозные тексты могут рассматриваться:

- как ценностный ресурс интеграционной политики;
- как этическая база межкультурного диалога;
- как эффективный концептуальный противовес ксенофобским дискурсам.

Коран и Библия формируют этику отношения к мигрантам, основанную на принципах солидарности, исторической памяти, достоинства и ответственности. Образ «чужого» в священных текстах не противопоставляется социуму, а, напротив, становится мерилем его нравственной зрелости. В условиях современных миграционных вызовов обращение к религиозным источникам позволяет выявить устойчивые гуманитарные ориентиры, актуальные для межкультурного диалога и социальной политики. Если пророки являлись переселенцами, священные тексты постулируют защиту пришельцев, а цивилизации возникают благодаря пространственной мобильности, то миграция не может интерпретироваться как имманентная угроза. Религиозная традиция рассматривает миграционные процессы как фактор перманентного обновления и динамичного развития социальных систем.

Миграция - это не кризисное явление, а механизм обновления социокультурного пространства; не проблема, а стратегический ресурс развития. Она предстает не как бремя, а как имманентная и сакрализованная форма человеческой судьбы.

Не случайно к темам человеческого пути, изгнания, нравственного выбора и ответственности обращались не только пророки и богословы, но и поэты. Там, где исчерпывается язык строгих фактов, в силу вступает художественное слово - зачастую более точное и концептуально глубокое. А. С. Пушкин, размышляя о человеческой судьбе, дихотомии добра и зла, а также о высшем законе справедливости, в своём знаменитом цикле «Подражания Корану» писал:

«О люди! Внемлите словам истины,

Слушайте голос разума и сердца!

Кто творит зло, тот сам себе наказание готовит,

Кто творит добро - его ждёт воздаяние вечное.» [19, с.203]

Данный призыв обладает отчетливой коранической стилистикой. В нем прослеживаются те же интонации, та же нравственная вертикаль и тот же универсальный масштаб обращения - не к отдельному этносу или народу, но ко всему человечеству в целом.

- «О люди...»

- «О верующие...»
- «Размышляйте...»
- «Бойтесь Бога...»

Так говорит Коран. Так говорит поэт. Этот универсализм подчеркивает, что миграция, поиск истины и ответственность перед Творцом являются общими темами для всего человечества. История человечества - это не только летопись государств, границ и войн. Это, прежде всего, история непрерывного движения человека в поисках истины, дома, справедливости и смысла. От изгнания Адама до современных миграционных потоков тянется одна и та же нить - стремление к самосохранению, защите семьи и созиданию достойной жизни.

Человек всегда шёл вперёд. Шёл через пустыни и горы. Через страх и неизвестность. Через утраты и надежды. И каждый шаг человека был не просто перемещением в пространстве, но нравственным выбором. Именно поэтому миграция - это не только вопросы демографии или экономики; это судьба, испытание и экзамен на человечность - как для тех, кто приходит, так и для тех, кто принимает. В конечном счете о народах судят не по неприступности границ, а по широте сердца. Не по количеству запретов, а по способности к милосердию. Не по страху, а по справедливости. Ведь если первый человек был переселенцем, если пророки были странниками, а цивилизации рождались в дороге, - значит, сам путь и есть подлинная форма существования человечества.

И потому пушкинское «О люди!» звучит сегодня так же современно, как и тысячи лет назад звучали слова Священного Писания. Это обращение ко всем нам: к нашей совести, к нашему разуму, к нашей взаимной ответственности. Потому что в конце любого пути остается один главный вопрос: что мы принесли миру - зло или добро? От ответа на него зависит и судьба отдельного человека, и судьба целых народов.

Литература

1. Ат-Табари Абу Джафар. Тарих ар-русуль ва-ль-мулюк (История пророков и царей) / Абу Джафар ат-Табари. - М.: Ансар, 2010. - 448 с.
2. Ахмад А. Социальная солидарность в исламе. - Бейрут: Дар аль-Ильм, 2005. - 210 с.
3. Барт Р. Мифологии / пер. с фр. С. Н. Зенкина. - М. Изд-во им. Сабашниковых, 2004. - 312 с.
4. Бергер П. Священная завеса: элементы социологической теории религии / пер. с англ. Р. Сафронова. - М.: НЛЮ, 2019. - 208 с.
5. Бергер П. Социальное конструирование реальности / П. Бергер, Т. Лукман. - М.: Медиум, 1995. - 323 с.

6. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Синодальный перевод. - М.: РБО, 2015. - 1328 с.
7. Браун Р. Введение в Новый Завет. - М.: ББИ, 2010. - 1066 с.
8. Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий // Избранное. Образ общества. - М.: Юрист, 1994. - С. 43–73.
9. Деррида Ж. О гостеприимстве / пер. с фр. Д. Кралечкина. - М.: Гнозис, 2008. - 160 с.
10. Дуглас Дж. Новый библейский словарь. - СПб.: Мирт, 2001. - 720 с.
11. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни / пер. с фр. В.В. Земсковой. - М.: Элементарные формы, 2018. - 808 с.
12. Ибн Касир Исмаил. Аль-Бидая ва-н-нихая (Начало и конец). - Бейрут: Дар аль-Кутуб аль-Ильмийя, 1986.
13. Казанова Х. Публичные религии в современном мире / пер. с англ. Н. Филипповой. - М.: НЛО, 2011. - 352 с.
14. Кастельс С. Век миграции / С. Кастельс, М.Дж. Миллер; под ред. В.И. Иноземцева. - М.: ГИС, 2011. - 503 с.
15. Коран / пер. с араб. и коммент. Э.Р. Кулиева. - М.: Умма, 2012. - 805 с.
16. Левинас Э. Трудная свобода / пер. с фр. Г. Вдовиной. - М.: РОССПЭН, 2004. - 312 с.
17. Малащенко А.В. Исламская альтернатива и исламистский проект. - М.: Весь Мир, 2006. - 221 с.
18. Мид М. Культура и мир детства / пер. с англ. И.С. Кона. - М.: Наука, 1988. - 429 с.
19. Пушкин А.С. Подражания Корану // Полное собрание сочинений: в 10 т. - Л.: Наука, 1977. - Т. 2. - С. 202–211.
20. Уолцер М. О терпимости. Анализ моделей мультикультурализма / пер. с англ. И. Мюрберг. - М.: Идея-Пресс, 2000. - 160 с.
21. Хабермас Ю. Диалектика секуляризации. О разуме и религии / Ю. Хабермас, Й. Ратцингер. - М.: ББИ, 2006. - 112 с.
22. Шюц А. Чужак: социально-психологический очерк // Смысловая структура повседневного мира. - М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2003. - С. 191–206.
23. Hassan R. Islam and Human Rights: The Role of Religion in the Legislative Process. - Leiden: Brill, 2014. - 250 p.
24. Sassen S. Guests and Aliens. - New York: New Press, 1999. - 202 p.
25. The Quranic Arabic Corpus. Lemma (هجر): to migrate [Электронный ресурс]. URL: quran.com (дата обращения: 10.04.2024).

THE QURAN AND THE BIBLE ON MIGRANTS

Rakhmon Ulmasov

Doctor of Economics, Professor
of the Department of Foreign Regional Studies and Foreign Policy
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30

Ph.: (+992) 985 73 83 20 (m.)
ulmasovr@gmail.com

The article is devoted to a comparative socio-philosophical and theological analysis of the phenomenon of migration in the sacred texts of the Abrahamic tradition—the Quran and the Bible. The relevance of the study is determined by globalization processes accompanied by socio-political and cultural challenges that intensify migration flows while simultaneously exacerbating the problems of xenophobia, cultural disintegration, and identity crises. In these circumstances, addressing the normative and value potential of religious sources acquires particular methodological and practical significance. The object of the study is the phenomenon of migration as a socio-anthropological, spiritual, and moral reality. The subject of the research is the interpretation of the migrant's status, the norms of treatment regarding the "stranger," and the principles of social solidarity in Quranic and Biblical discourses.

Based on a comparative textual analysis, it is shown that in both corpora of sacred texts, migration is conceptualized not only as a social or historical process but also as a moral act linked to faith, dignity, and the responsibility of the host society. The author concludes that religious sources possess significant humanitarian potential in the context of modern migratory challenges. Comparative analysis reveals the commonality of the moral foundations of both traditions: the recognition of the migrant's dignity, the demand for social justice, and the values of mercy and mutual responsibility. Differences manifest in the historical-contextual backgrounds and the theological interpretations of migration.

Keywords: migration; religion; Abrahamic religions; Muhajir; Hijrah; sojourner; the Quran; the Bible; ethics; integration; ethics of hospitality; sacralization; cultural code; axiology.

ҚУРЪОН ВА БИБЛИЯ ДАР БОРАИ МУҲОЦИРОН

Раҳмон Улмасов

доктори илмҳои иқтисодӣ, профессори
кафедраи минтақашиносии хориҷӣ ва сиёсати хориҷӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 985 73 83 20 (м.)
ulmasovr@gmail.com

Мақола ба таҳлили муқоисавии иҷтимоӣ-фалсафӣ ва теологияи падидаи муҳоҷират дар матнҳои муқаддаси суннати иброҳимӣ - Қуръон ва Библия бахшида шудааст. Муҳимияти тадқиқот бо равандроҳои ҷаҳонишавӣ, ки бо ҷолишҳои иҷтимоӣ-сиёсӣ ва фарҳангӣ ҳамроҳ буда, ҷараёнҳои муҳоҷиратро пурзӯр мекунад ва ҳамзамон мушкилоти бегонабадбинӣ (ксенофобия), аз ҳампошии фарҳангӣ ва бӯҳрони ҳувиятро шадид мегардонанд, муайян карда мешавад. Дар ин шароит, рӯ овардан ба иқтисодии меъёрию

арзиши сарчашмаҳои динӣ аҳамияти хоси методологӣ ва амалӣ пайдо мекунад. Обьекти тадқиқот падидаи муҳочират ҳамчун воқеияти иҷтимоӣ-антропологӣ ва маънавию ахлоқӣ мебошад. Предмети тадқиқот - тафсири мақоми муҳочир, меъёрҳои муносибат ба «ғариб» ва принсипҳои ҳамбастагии иҷтимоӣ дар дискурси қуръонӣ ва библиявӣ аст.

Дар асоси таҳлили муқоисавии матншиносӣ нишон дода шудааст, ки дар ҳарду маҷмӯи матнҳои муқаддас муҳочират на танҳо ҳамчун раванди иҷтимоӣ ё таърихӣ, балки ҳамчун амали ахлоқии вобаста ба имон, шаъну шараф ва масъулияти ҷомеаи қабулкунанда дарк карда мешавад. Дар мавриди иқтидори назарраси башардӯстонаи манбаъҳои динӣ дар заминаи ҷолишҳои муносири муҳочират ҳулоса бароварда мешавад. Таҳлили муқоисавӣ умумияти мавқеъгириҳои ахлоқии ҳарду суннатро ошкор менамояд: эътирофи шаъну шарафи муҳочир, талаби адолати иҷтимоӣ, арзиши раҳму шафқат ва масъулияти мутақобила. Тафовутҳо дар заминаҳои таърихӣ-контекстӣ ва тафсириҳои илоҳиётшиносии муҳочират зоҳир мегарданд.

Калидвожаҳо: муҳочират; дин; адёни иброҳимӣ; муҳочир; ҳичрат; ғариб; Қуръон; Библия; ахлоқ; ҳамгирӣ; одоби меҳмоннавозӣ; тақдис; рамзи фарҳангӣ; арзишшиносӣ.

УДК 1(091)(575.3):141.336

КОСМОЛОГИЯ. БОГ КАК ПЕРВАЯ СТАЦИОНАРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Содики Насиба Нуруллозода

доктор философских наук, профессор,
директор государственного учреждения
Образовательного центра женщин «Сарвар»
734064, Республика Таджикистан, Душанбе, проспект Рудаки, 149
Тел.: (+992) 935 98 59 99 (м.)
bedil68@mai.ru

В статье рассматривается космогоническая концепция Мирзо Абдулкодира Бедила, в центре которой находится идея Бога как первой стационарной реальности и Абсолюта. В работе детально анализируется онтологическая система Бедила, построенная на диалектике «Необходимосущего» и «Возможносущего», а также исследуются механизмы божественной эманации, через которую Абсолют раскрывается в многообразии материального мира.

Особое внимание автор уделяет философской антропологии Бедила, в которой человек рассматривается как микрокосм и высшая точка саморазвертывания Истины. В статье проводится глубокий сравнительный анализ взглядов Бедила с концепциями античного неоплатонизма, восточного перипатетизма, классического суфизма и классической немецкой философии. Автор выявляет уникальность позиции Бедила в вопросе соотношения единства и множественности, подчеркивая его отход от строгого перипатетического монизма в пользу динамического пантеизма.

В исследовании также раскрывается влияние световой метафизики (ишракизма) и индийских ведантических учений на формирование гуманистических идеалов мыслителя. Обосновывается, что пророчество в системе Бедила выступает не только как религиозная категория, но и как этико-эстетический идеал «совершенного человека». Сделан вывод о синкретическом и вневременном характере мировоззрения Бедила, определившего вектор развития духовной культуры персоязычных народов и сохранившего актуальность для современного межкультурного диалога.

Ключевые слова: Мирзо Абдулкодир Бедил; космогония; онтология; суфизм; эманация; пантеизм; индийская философия; микрокосм, Необходимосущее; «сабк-и хинди», антропоцентризм; Хастии-и мутлак, диалектика.

Мирзо Абдулкодир Бедил (1644–1721) по праву считается архитектором уникального направления в восточной общественно-философской мысли [5, с.14]. Его творческий путь стал точкой пересечения двух мощ-

ных цивилизационных потоков: исламского мистицизма и древнеиндийской интеллектуальной метафизики. Этот синтез не просто обогатил литературу Востока, но и сформировал особую духовную среду, которая на протяжении столетий определяла вектор развития культуры персоязычных народов, в первую очередь - таджикского [25, с.45].

Столь масштабный цивилизационный сплав нашел свое наиболее полное воплощение в уникальной художественной форме, превратив Бедия в центральную фигуру поэтического стиля «сабк-и хинди» (индийского стиля). Данное направление характеризуется предельной концентрацией смыслов и сложной, многослойной метафоричностью [13, с.82]. В рамках этого стиля философия в трудах Бедия перестает быть отвлеченным знанием и трансформируется в живое, динамичное исследование человеческого духа. Глубокое укоренение его идей в культуре Центральной Азии в конечном итоге привело к возникновению феномена «бедилизма» - уникальной традиции коллективного изучения и комментирования его трудов [7, с.112], что наглядно подтверждает колоссальный масштаб влияния мыслителя на интеллектуальную элиту региона.

Фундаментом мировоззрения мыслителя выступает гуманизм, базирующийся на трактовке человека как абсолютной ценности и микрокосма, в котором зеркально отражается величие Вселенной и ее божественный исток [16, с.58]. Подобно Шанкаре, Бедил провозглашал, что через глубокую рефлекссию и познание собственного «Я» личность способна постичь Абсолют [20, с.214]. В этой концепции божественная природа человека мыслится не как абстракция, а как реальный фундамент его духовной независимости и свободы [25, с.61].

Именно эта глубинная ориентация на самопознание и внутреннюю свободу позволила наследию философа выйти за рамки книжной мудрости и стать органической частью народной жизни. Как следствие, творчество Бедия по сей день остается в центре внимания ученых, а в культурном пространстве Центральной Азии и Афганистана прочно укоренились самобытные интеллектуальные институты - «бедилхони» и «бедилшиноси». Особую значимость этих традиций в сохранении культурного кода и просвещении масс отмечал выдающийся просветитель Садриддин Айни, видевший в них ключевой механизм трансляции прогрессивных идей мастера сквозь века [1, с.61].

Такое высокое положение человека в системе Бедия закономерно вытекает из его космогонических воззрений, где человеческая личность становится финальным аккордом в процессе развертывания бытия. Вопросы мироустройства мыслитель последовательно рассматривает во всех своих ключевых трудах, в частности - в «Тилисми хайрат», «Мухити аъзам» и «Ирфоне». Так, во второй части поэмы «Ирфон» он детально ана-

лизирует генезис материального мира - от первоэлементов и движения небесных тел до возникновения живой природы и человека, объясняя эту эволюцию через диалектику формы и содержания [25, с. 94-96]. Аналогичной проблематике посвящена и глава «Худжуми хайрат» в автобиографическом трактате «Чахор унсур».

Размышляя о соотношении Бога и мира, Бедил, опираясь на классические философские традиции, связывает возникновение материального бытия с волей Абсолюта. Окружающую действительность он трактует как нерасторжимое единство субстанции и акциденций: при этом субстанция тождественна божественному началу, тогда как акциденции находят свое выражение в бесконечном многообразии форм и их проявлений.

Твое явление сознание имени и качества

Твоя предвечность изумляет совершенством сущности [4, с.97].

Мирзо Абдулкодир Бедил не ставит задачу доказывать существование Бога: сотворение мира Творцом для него самоочевидно. Подобно Санои, он признаёт Бога «Необходимосущим». Однако в вопросах материи, формы, души, разума и времени его взгляды расходятся с классическим суфизмом, что отражает влияние индийской философии [25, с.128], а также различных религиозно-философских традиций, включая зороастризм, иудаизм, христианство и ряд теологических течений.

Проблема Творца широко обсуждалась восточными перипатетиками. Аль-Фараби, опираясь на логику, утверждал, что всё существующее либо существует само по себе (субстанция), либо зависит от другого; при этом бытие Бога он считал очевидным и лишённым материи и акциденций [6, с. 73]. В отличие от него, Мирзо Абдулкодир Бедил не даёт столь строгого определения субстанции, хотя также подчёркивает, что Бог до акта эманации свободен от любых свойств. При этом, как отмечал Ибрагим Муминов, Бедил мыслит Бога не вне мира, а в его неразрывном единстве со Вселенной. Несмотря на отдельные сходства с учением Ибн Сины, Бедил нельзя считать его последовательным сторонником, поскольку его взгляды в большей степени тяготеют к суфийскому пантеизму, нежели к перипатетической традиции.

Говоря о влиянии предшествующих школ на Мирзо Абдулкодира Бедил, важно отметить и Носира Хусрава. Он признавал Бога высшим и вечным началом, но непосредственным творцом мира считал Всеобщий разум, из которого через Всеобщую душу возникает материальный мир. При этом Хусрав стремился рационально доказать бытие Творца [15, с. 207]. В отличие от него, Бедил не ставит вопроса о доказательстве существования Бога: возникновение мира он объясняет через кораническую идею божественного повеления «кун» («будь»), представляя Бога как потенциального, а затем и актуального Творца. В духе суфизма он отожд-

дествляет подлинное бытие с Богом, тогда как материальный мир рассматривает как изменчивое и преходящее проявление. Мгновенность и сакральность этого акта творения Бедил описывает в глубоких поэтических образах, где возникновение Вселенной уподобляется легкому движению:

*«От слова «будь» дыханием Своего могущества Он творит,
Как сомкнулись два уста - так возникли два мира» [3, с.31].*

Для глубокого раскрытия концепции Бога в наследии Мирзо Абдул-кодир Бедил необходимо обратиться к взглядам классиков суфийской мысли, прежде всего - Санай, Аттара и Джалаладдина Руми, с которыми его учение вступает в тесный философский диалог.

Санай рассматривает Бога как первопричину и источник всего сущего - абсолютное, нематериальное и вечное начало. Он обосновывает бытие Бога через его атрибуты: сами представления о них свидетельствуют о Его существовании. Бог у него - неподвижное абсолютное начало, которое одновременно является источником движения и первопричиной всего; всё исходит из Него и к Нему же возвращается [18, с. 51–52].

Следует учитывать, что в Средневековье теология занимала господствующее положение, а уровень развития науки того времени не позволял в полной мере объяснить причины многих природных и социальных явлений.

Согласно учению Аттара, Бог - это чистое абсолютное бытие, находящееся за пределами чувств и разума; его сущность непостижима ни эмпирическим опытом, ни логическим доказательством. Мыслитель уподобляет это бытие свету, лежащему в основе Всеобщей души, тогда как всё многообразие природы выступает лишь проявлением этого единого света [14, с. 3].

Джалаладдин Руми, в свою очередь, сближал понятия Бога и природы, утверждая, что все уровни бытия - неорганический мир, растения, животные и человек - имеют божественное происхождение. В его трактовке человеческая душа в своей основе тождественна Богу: индивидуальное «Я» и божественное начало едины. Доктрина Руми представляет собой сложный синтез пантеизма и дуализма: с одной стороны, он признаёт единство мироздания, примиря материя с духом, с другой - утверждает Бога как единственную истинную сущность. Подобная тенденция характерна для многих представителей классического суфизма [6; 10; 17].

Эта тенденция характерна не только для Руми, но и для многих других представителей суфизма. В ряде религиозных и индийских философских учений мир понимается как изначальное единство, проявившееся в многообразии, при этом все различия остаются глубоко взаимосвязанными. Бог выступает как имманентная причина и основание этого единства, в то время как мир - как его внешнее проявление и форма самосознания.

Важно также учитывать влияние античной философии на Бедиля. В частности, исследователями отмечается воздействие идей Плотина, описавшего иерархию бытия, на вершине которой находится Первоединое - источник всего сущего. В нём всё многообразие пребывает в неразделённом единстве, из которого впоследствии возникают противоположности [2, с. 244]. Первоединое у Плотина мыслится как изначальное, самодостаточное и замкнутое в себе начало. Общность взглядов Плотина и Бедиля заключается в понимании божественного единства как первоосновы бытия и в идее возвращения к нему. Однако в трактовке процесса нисхождения (эманации) в материальный мир между ними существуют различия: у Плотина самодостаточность Единого носит апофатический (отрицательный) характер, тогда как у Бедиля подобный акцент отсутствует. В целом Первоединое у Плотина и Абсолютная истина (Хакк) у Бедиля во многом тождественны [21]. Однако философский масштаб наследия Бедиля позволяет проводить параллели не только с античностью, но и с более поздними системами европейского рационализма.

Сопоставляя концепцию инобытия у Бедиля с философией Гегеля, можно отметить, что у немецкого мыслителя Абсолют раскрывается через процесс саморазличения и последующее возвращение к себе, где всякое различие в конечном итоге снимается в единстве духа [8, с. 246]. У Бедиля же из Абсолютного бытия, отождествляемого с Богом, через эманацию последовательно возникают основные онтологические уровни: Всеобщий разум (Акл-и кулл), выступающий хранилищем первоидей, промежуточные ступени и далее - Божественный мир (Алам-и лахут), включающий в себя индивидуальные души. [8, с. 246].

Эта многоуровневая структура бытия находит свои глубокие параллели и в региональных интеллектуальных течениях, что побуждает рассмотреть исмаилитское понимание данной проблемы в сопоставлении с взглядами Бедиля. В исмаилитской философии мировая иерархия представляется в виде строгой пирамиды, вершину которой занимает недосягаемое разуму и чувствам Божество. Оно абсолютно самодостаточно, подобно Единому у Плотина, и онтологически не зависит ни от чего; в то же время от него производно развитие всего мирового процесса. Именно Божество выступает первопричиной возникновения Всеобщего разума (Акл-и кулл), с которого берет начало процесс космической эманации.

Таким образом, в представлении об иерархии бытия неоплатонизм, исмаилизм и философия Бедиля в целом близки по своей структуре. Однако существенные различия проявляются в понимании процесса нисхождения и «растворения» в материальном [9, с. 150]: у Бедиля и исмаилитов этот процесс трактуется по-разному, несмотря на использование общей эманационной модели [21].

Параллельно с этим, в восточной мысли развивалась и иная интерпретация эманации, основанная на метафизике света. Эта идея занимала важное место в манихействе и впоследствии получила глубокое развитие в ишракизме (философии озарения). В системе световой символики, характерной для данной традиции, эманативная теория органично соединяется с неоплатоническим учением о Едином. У Шахаб ад-Дина Сухраварди концепция света становится основополагающим принципом мироздания: всё сущее понимается как различные степени световой интенсивности, а Бог - как «Свет светов» (Нур ал-анвар), представляющий собой высшее совершенство и единственный источник бытия и знания. Сухраварди систематизирует учение о свете, рассматривая его одновременно в онтологическом и гносеологическом измерениях [24, с. 112], что сближает его с философскими построениями Бедиля. В обоих случаях Единое у Бедиля и «Свет светов» у Сухраварди выступают первоосновой духовного и материального миров.

Подобное многообразие интеллектуальных связей неизбежно ставит перед современным бедиловедением вопрос о доминирующих истоках его философии. В частности, этот вопрос рассматривается афганским исследователем Саиднурулхаком Ковишем в книге «Мистические традиции в зеркале дивана Бедиля» [12, с. 58]. С. Ковиш утверждает, что пантеизм Бедиля в значительной степени восходит к индийским первоисточникам и что ключевые мистические идеи проникли в его систему именно из культурной среды Индостана. Однако такой подход представляется односторонним, так как явно недооценивает масштаб влияния иных философско-мистических традиций, включая классический суфизм, неоплатонизм и разнообразные формы ближневосточной пантеистической мысли, которые сформировали уникальный синтетический метод мыслителя.

При этом индийская философия действительно демонстрирует развитую традицию взаимовлияния культур. Так, при сопоставлении мировоззрения Бедиля и Упанишад можно отметить общее понимание высшего духовного опыта как состояния Ананды - экстатического блаженства и единства [19, с. 198], в котором творение утрачивает свою обособленность и осознаёт нераздельность с Творцом. Это состояние во многом соотносится с суфийским понятием «фано» (исчезновение, растворение в Боге). В Упанишадах Брахман также описывается как абсолютная реальность, лишённая качественных определений и пребывающая в состоянии покоя, при этом утверждается фундаментальный принцип: «Всё есть Брахман» [23, с. 186].

У Бедиля, как и в классическом суфизме, проводится идея растворения явленного мира в Боге и снятия онтологической самостоятельности природного бытия. Это образно выражено в его поэтических строках, где

мир уподобляется дереву, человек - его плоду, а истина - семени. Данная метафора подчеркивает генетическое единство и происхождение всего сущего из единого истока, а также неизбежность его конечного возвращения к нему. Бедил активно использует категории восточных перипатетиков, характеризуя Абсолютную истину как Необходимосущее (Ваджиб ал-вуджуд), а мир - как Возможносущее (Мумкин ал-вуджуд). Бог в его системе выступает как Необходимосущее начало, обуславливающее бытие всего остального; вне этой связи ничто не может обладать реальностью. Стоит отметить, что концепция Необходимосущего детально разрабатывалась Ибн Синой в контексте проблемы вечности мира [11, с. 101]. Однако у Бедил, в отличие от великого предшественника, мир не мыслится как предвечный, а понимается как результат свободного божественного воления и процесса эманации.

Необходимосущее у Бедил - это первооснова бытия, пребывающая в состоянии абсолютного покоя и единства, из которого постепенно раскрывается множественность явленного мира как отражение божественного света. Бог мыслится как начало без конца, в котором ещё не проявлено разделение, а всё многообразие форм возникает как последующее самораскрытие этого единства.

Целостность единства ещё не явлена,
и в явлениях не видно самого Единства.
Не проявлена высота над поверхностью,
и не различим низ в сиянии высшего.

Он таков, что у начала нет конца,
и такова его сущность - без явленного образа [3, с.17].

Бедил представляет Творца как первопричину и первотолчок, свободный от любых материальных атрибутов. Он выступает одновременно источником бытия и движения. Бог в его системе описывается через метафору «тумана» - как реальность без формы, цвета и свойств, лишённая акциденций, а также любых количественных и качественных характеристик до момента начала проявления. В этом подходе Бедил близок к неоплатонической идее эманации: мир истекает из Единого подобно свету, который, излучаясь, не утрачивает своей изначальной природы.

Божественное слово, по Бедилу, становится актом творения, через который возникают оба мира, выступающие лишь как проявления Абсолюта. До момента манифестации Абсолютное бытие не связано категориями времени и пространства и пребывает в состоянии чистой недифференцированности. Все вещи мира - это лишь феномены (явления), тогда как истинное бытие принадлежит исключительно Абсолюту (Хасте-и мутлак), а множественность возникает лишь в процессе его самораскрытия. В этой системе Бог вечен и нематериален, тогда как мир сотворён и формируется

по ступеням эманации - от Всеобщего духа к последующим онтологическим уровням вплоть до материального мира [3].

Данная иерархическая модель находит свое теоретическое обоснование в работах современных востоковедов, рассматривающих диалектическую природу творчества мыслителя. В частности, афганский философ Салохиддин Салджуки в своей фундаментальной книге «Накди Бедил» («Критика Бедилия») отмечает, что сотворение материального мира у Бедилия раскрывается через тонкое соотношение единства и множественности [22, с. 152], то есть как последовательное диалектическое развёртывание Абсолютного бытия. Бедил подчёркивает, что истинное познание снимает ложное противопоставление единого и многообразного: в подлинной реальности это различие полностью нивелируется. Абсолютное определяется им не как некая внешняя сила, а через внутреннее осознание субъекта. В этом акте познания человек «растворяется» перед лицом Истины, подобно тому как песок, смешиваясь с глиной и уступая место воде, теряет свою обособленность и самостоятельность.

Смысл этих метафорических образов наиболее полно выражает пантеистическую направленность философии мыслителя: из изначального единства закономерно проистекает множественность, а само единство познается лишь через многообразие проявленного мира. В данном вопросе Бедил, по мнению ряда исследователей, частично отходит от ортодоксальных канонов суфизма, сближаясь с логическими построениями калама [25, с.114]. В то же время он вступает в полемику с перипатетической традицией, где господствовал принцип «из единого может исходить только единое» (*ex uno non fit nisi unum*) [5, с.210]. Бедил же обосновывает возможность множественного проявления Единого, виртуозно сравнивая этот процесс с творчеством художника: подобно мастеру, который из единого замысла воплощает множество картин, Бог творит мир, нисколько не умаляя абсолютной целостности Своей сущности [16, с.128].

Человек у Бедилия понимается как итог саморазвертывания и «инобытия» Истины. Изначально Истина пребывает как сокрытая Абсолютная Красота, невыразимая никакими понятиями. Затем по собственному волеизъявлению она выходит из состояния скрытости и проявляется, подобно раскрывающейся розе или звучанию музыкального инструмента, отражаясь в «зеркале» возможного бытия. Это раскрытие порождает весь космос и приводит к постепенному возникновению форм природы - от минералов до человека, который становится завершающим звеном эманации. В рамках этого процесса изначальное единство разворачивается во множественность как акт самораскрытия Абсолюта, где всё природное многообразие оказывается лишь отражением единой онтологической основы. При этом Бедил акцентирует внимание на условности человеческого познания и чув-

ственного восприятия, интерпретируя любые формы различий как относительные по отношению к высшему Единству.

Человек, таким образом, возникает на высшей ступени космической эволюции как органический синтез всех предшествующих уровней бытия - минерального, растительного и животного. Данная концепция, восходящая к античным и средневековым философским традициям, в творчестве Бедиля получает глубокое мистико-диалектическое переосмысление, становясь завершающим звеном в его универсальном учении об эманации и единстве мира.

Эта онтологическая лестница восхождения духа находит свое завершение в концепции пророчества, которая в системе Бедиля становится высшей точкой развития человеческой природы. Философское осмысление пророчества предполагает рассмотрение его как нерасторжимого единства онтологических, эстетических и этических аспектов [25, с.142]. Такой подход позволяет мыслителю трактовать пророка не только как сакральную фигуру, но и как объект глубокого философско-эстетического анализа.

Бедил обращается к данной проблеме через призму своей философской антропологии: последовательно исследуя человеческую природу, он приходит к универсальному пониманию сущности пророка как «совершенного человека» [16, с.158]. При этом традиционные дефиниции человека он считает недостаточными, стремясь раскрыть его как динамический процесс непрерывного становления. Для Бедилы это переход от духовного, универсального состояния к индивидуальному воплощению в материальной форме, где сущность и существование образуют неразрывное единство [12, с.84]. В своем изначальном, до-материальном состоянии человек мыслится им как абсолютная, неподвижная красота, пребывающая в состоянии чистой потенциальности.

Логическим развитием этой идеи становится образ идеальной личности, в которой потенциальная красота находит свое совершенное земное воплощение. В этом контексте пророк предстает как воплощение Блага и Красоты, их манифестация в человеческом облике. Данный образ реализуется в фигуре пророка Мухаммада, который выступает как высшее выражение идеи «совершенного человека» (аль-инсан аль-камиль) [25, с. 148]. Хотя подобная интерпретация имеет религиозно-мифологическую форму, у Бедилы она приобретает выраженный философско-пантеистический характер: Мухаммад и Бог рассматриваются как два аспекта единого бытия, где Бог есть сущность и смысл, а пророк - его проявление и форма. Их соотношение уподобляется морю и волне, где форма является лишь способом манифестации единого содержания [16, с. 162].

Человек у Бедилы понимается как микрокосм, в котором отражены тайны божественного мира. Не случайно одна из его ключевых поэм носит

название «Тилисм-и хайрат» («Талисман изумления»), где в аллегорической форме раскрывается идея происхождения и духовного становления личности. В этом отношении его взгляды сближаются с традициями Санаи, Аттара, Руми и Ибн Араби [5, с. 215]. В целом теология Бедила носит пантеистический характер, где Бог в его системе изначально мыслится как нематериальное, вечное и самодовлеющее начало, которое, оставаясь в своей сущности неизменным, выступает источником и основой всего проявленного мира.

Обобщая вышеизложенное, можно констатировать, что в философской системе Мирзо Бедиля идея Божества занимает центральное место, выступая фундаментом для решения универсальной проблемы человека и познания. Бог у Бедиля - это Абсолют, проявляющийся как всеобъемлющий дух, пронизывающий всю полноту реальности. Он одновременно мыслится как единство бытия и небытия, субъекта и объекта. Его природа сопоставима с категориями Брахмана и майи, «неподвижным перводвигателем» Аристотеля, «абсолютным духом» Гегеля и «абсолютно-относительным» началом у Рамануджи, выступая первопричиной возникновения и финальной точкой завершения мирового цикла.

Мир в этой системе не имеет ни временного начала, ни конца, поскольку эманация божественного истока понимается как вечный и непрерывный процесс. Вечное движение и внутреннее «беспокойство» провозглашаются его имманентной природой. Таким образом, сопоставление различных философских традиций наглядно демонстрирует глубоко синкретический характер мировоззрения Бедиля, в котором органично синтезированы ключевые идеи различных школ и эпох.

Литература

1. Айни С. Собрание сочинений (Куллиёт). - Душанбе: Ирфон, 1964. - Т. 11: Статьи о классиках литературы. - 460 с.
2. Бачинин В.А. Религиозная философия: малая христианская энциклопедия. - СПб.: Шандал, 2003. - Т. 1. - 360 с.
3. Бедил М.А. Осор: в 10 т. - Душанбе: Адиб, 1993. - Т. 5: Маснавихо. - 672 с.
4. Бедил М.А. Осор: в 10 т. - Душанбе: Хумайно, - 2005. - Т. 6: Ирфон. - 1051 с.
5. Бертельс Е.Э. История персидско-таджикской литературы. - М.: Издательство восточной литературы, 1960. - 556 с.
6. Богоутдинов А.М. Очерки по истории таджикской философии. - Сталинабад: Таджикгосиздат, 1961. - 332 с.
7. Брагинский И.С. Из истории таджикской народной поэзии. - М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. - 496 с.
8. Гегель Г.В.Ф. Философия религии: в 2 т. - Т. 2. - М.: Мысль, 1977. - 573 с.
9. Додихудоев Х. Философия крестьянского бунта. - Душанбе: Ирфон, 1987. - 432 с.
10. Зиёев Х.М. Мировоззрение Бахоуддина Валада. - Душанбе: Дониш, 1992. - 114 с.
11. Ибн Сина Абу Али. Сочинения. - Душанбе: Дониш, 2005. - Т. 1. - 493 с.

- 12.Ковиш С. Мистические традиции в зеркале дивана Бедиля. - Германия: Нима Верлаг, 2002. - 310 с.
13. Муллоахмедов А. Бедил и его школа. - Худжанд: Ношир, 2010. - 344 с.
- 14.Мухаммедходжаев А. Мировоззрение Фахриддина Аттора. - Душанбе: Дониш, 1974. - 117 с.
- 15.Носири Хусрав. Зад ал-мусафирин (Припасы путников). - Душанбе: Нодир, 2005. - 507 с.
- 16.Одилов Н.Ф. Мировоззрение Бедила. - Душанбе: Ирфон, 1973. - 156 с.
- 17.Одилов Н.Ф. Мировоззрение Джалалиддина Руми. - Душанбе: Ирфон, 1974. - 111 с.
- 18.Олимов К. Мировоззрение Санои. - Душанбе: Дониш, 1973. - 173 с.
19. Радхакришнан С. Индийская философия. - Т. 2. - М.: Иностранная литература, 1957. - 732 с.
- 20.Радхакришнан С. Индийская философия: в 2 т. - М.: Издательство иностранной литературы, 1956. - Т. 1. - 624 с.
- 21.Садикова Н.Н. Философская антропология Мирзо Абдулқодира Бедиля. - Душанбе: Деваштич, 2003. - 164 с.
- 22.Салджуки С. Накди Бедил (Критика Бедила). - Тегеран: Дурри-Дари, 1370 х. (1991). - 380 с.
- 23.Упанишады / пер. Мухаммада Дорошукуха. - Тегеран: Тобон, 1961. - 514 с.
- 24.Хазраткулов М. Философско-этические взгляды Насира Хусрава: дис. ... д-ра филос. наук. - Душанбе, 1989. - 420 с.
- 25.Шарипов З. Философские и этические взгляды Абдулкадира Бедила. - Душанбе: Дониш, 1974. - 176 с.

COSMOLOGY. GOD AS THE FIRST STATIONARY REALITY

Sodiki Nasiba Nurullozoda

Doctor of Philosophical Sciences, Professor
Director of the State Institution
«Sarvar» Women's Educational Center
734064, Republic of Tajikistan, Dushanbe, A. Gulomov St. 18/1, Apt. 20
Ph.: (+992) 935 98 59 99 (m.)
bedil68@mail.ru

The article examines the cosmogonic concept of Mirzo Abdulqadir Bedil, centered on the idea of God as the primary stationary reality and the Absolute. The work provides a detailed analysis of Bedil's ontological system, built on the dialectics of the «Necessary Being» and the «Contingent Being», and explores the mechanisms of divine emanation through which the Absolute reveals itself in the diversity of the material world.

Special attention is paid to Bedil's philosophical anthropology, in which man is considered a microcosm and the highest point of the Truth's self-unfolding. The article provides a deep comparative analysis of Bedil's views with the concepts of ancient Neoplatonism, East-

ern Peripateticism, classical Sufism, and classical German philosophy. The author reveals the uniqueness of Bedil's position on the issue of the relationship between unity and multiplicity, emphasizing his departure from strict Peripatetic monism in favor of dynamic pantheism.

The study also reveals the influence of light metaphysics (Ishraqism) and Indian Vedantic teachings on the formation of the thinker's humanistic ideals. It is substantiated that prophecy in Bedil's system acts not only as a religious category but also as an ethical-aesthetic ideal of the "Perfect Man." The author concludes on the syncretic and timeless nature of Bedil's worldview, which determined the vector of development of the spiritual culture of Persian-speaking peoples and remains relevant for modern inter-civilizational dialogue.

Keywords: Mirzo Abdulqadir Bedil; cosmogony; ontology; Sufism; emanation; pantheism; Indian philosophy; microcosm; Necessary Being; Sabk-e-Hindi; anthropocentrism; Hasti-ye Mutlaq; dialectics

КОСМОЛОГИЯ. ХУДО ҲАМЧУН ВОҚЕИЯТИ АВВАЛИНИ СТАТСИОНАРӢ

Содиқи Насиба Нуруллозода

доктори илмҳои фалсафа, профессор,
директори Муассисаи давлатии
Маркази таълимии занони «Сарвар»
734064, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 149
Тел.: (+992) 935 98 59 99 (м.)
bedil68@mail.ru

Дар мақола концепсияи кайҳоншиносии (космогонии) Мирзо Абдулқодири Бедил, ки дар маркази он ғояи Худо ҳамчун воқеияти аввалини статсионарӣ ва Абсолют (Мутлақ) қарор дорад, мавриди баррасӣ қарор гирифтааст. Дар асар низоми онтологии Бедил, ки бар диалектикаи «Вочибулҷуд» ва «Мумкинулҷуд» асос ёфтааст, муфассал таҳлил шуда, механизмҳои эманатсияи илоҳӣ, ки тавассути он Мутлақ дар гуногунии олами моддӣ зухур мекунад, таҳқиқ мешаванд.

Муаллиф ба антропологияи фалсафии Бедил, ки дар он инсон ҳамчун олами хурд (микрокосм) ва нуқтаи олии худзухурии Ҳақиқат доништа мешавад, тавачҷуҳи хосса зоҳир намудааст. Дар мақола таҳлили муқоисавии амиқи дидгоҳҳои Бедил бо концепсияҳои неоплатонизми антиқа, машшоии шарқӣ, тасаввуфи классикӣ ва фалсафаи классикии олмонӣ гузаронида шудааст. Муаллиф нотақрории мавқеи Бедилро дар масъалаи таносуби ваҳдат ва қасрат ошкор намуда, дур шудани ӯро аз монизми қатъии машшоия ба ғоидаи пантеизми динамикӣ таъкид мекунад.

Дар таҳқиқот инчунин таъсири метафизикаи нур (ишроқия) ва таълимоти ведоии ҳиндӣ ба ташаккули идеалҳои гуманистии мутафаккир нишон дода шудааст. Иҷбот гардидааст, ки нубувват дар низоми Бедил на танҳо ҳамчун категорияи динӣ, балки ҳамчун идеали ахлоқию эстетикӣ «Инсони комил» баромад мекунад. Дар бораи хусусияти синкретӣ ва фарозамонии ҷаҳонбинии Бедил хулоса бароварда шудааст, ки он самти рушди фарҳанги маънавии халқҳои форсиабонро муайян намуда, аҳамияти худро барои муколамаи муосири байни тамаддунҳо ҳифз кардааст.

Калидвожаҳо: Мирзо Абдулқодири Бедил; кайҳоншиносӣ; онтология; тасаввуф; эманатсия; пантеизм; фалсафаи ҳиндӣ; микрокосм; Вочибулҷуд; «сабки ҳиндӣ»; антропоцентризм; Ҳастии мутлақ; диалектика.

УДК 1(091)(470:575.3):008

**КОРНИ И СМЫСЛЫ: КУЛЬТУРНО-ГУМАНИТАРНОЕ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИИ И ТАДЖИКИСТАНА
В ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОМ КОНТЕКСТЕ**

Джураева Дильбар Рахимходжаевна

кандидат философских наук, доцент
кафедры общественных дисциплин
Таджикский государственный университет
права, бизнеса и политики г. Худжанд
735700, Республика Таджикистан, г. Худжанд, 17 микр., дом 1.
Тел.: (+992) 926 41 02 72 (м.)
Dilbar197722@mail.ru

В данной статье проводится краткий историко-философский анализ культурно-гуманитарного взаимодействия России и Таджикистана. Автор рассматривает эволюцию этого процесса, начиная с X века - периода творчества знаменитого персидско-таджикского поэта Фирдоуси - до XIX столетия, эпохи зарождения просветительства в Средней Азии. В работе выделены ключевые этапы и специфика их развития. Особое внимание уделяется неоспоримым фактам влияния поэмы «Шахнаме» А. Фирдоуси на русскую духовную культуру. В качестве примера приводится связь русского былинного героя Еруслана Лазаревича с героем «Шахнаме» - Рустамом. Также проводится аналогия между стихотворениями А. Пушкина и Г. Державина и творчеством Фирдоуси; отмечается единство тематики и стиля в произведениях, посвященных теме нерукотворного памятника.

Просветительское движение оказало огромное влияние на регион; при этом Россия сыграла решающую роль в социально-культурном развитии Центральной Азии. В статье подчеркивается значимость наследия Ахмада Дониша, стоявшего у истоков укрепления связей между Россией и Таджикистаном. Мыслитель был одним из первых, кто открыто и дружелюбно выразил симпатию к русскому народу и его культуре.

Ключевые слова: Россия; Таджикистан; культурно-гуманитарное взаимодействие; историко-философский анализ; Фирдоуси; «Шахнаме»; русская духовная культура; Еруслан Лазаревич; А.С. Пушкин; просветительство в Средней Азии; Ахмад Дониш; просвещение; таджикско-персидская поэзия.

Любой философский анализ понятий и категорий обретает подлинную суть через диалектический метод, восходящий от абстрактного к конкретному, где любое абстрактное раскрывается в конкретном, т.е. в его

конкретно-историческом становлении и образует живую систему целого в виде «многообразия в единстве».

Говоря о культурно-гуманитарном взаимодействии России и Таджикистана в историческом контексте, уместно использовать понятие «Средняя Азия» (республики Средней Азии и юг, юго-восток Казахстана), так как географические, политические, научные и культурно-духовные границы выходят далеко за пределы современных границ Таджикистана.

Анализируя культурно-гуманитарное сотрудничество двух стран, обладающих глубокими историческими, экономическими, политическими и социально-культурными связями, следует подчеркнуть, что духовная культура выступает в качестве системообразующего фактора, определяющего непосредственный характер их взаимодействия на протяжении всего периода существования этих отношений.

Аксиологическое значение знания как ключевого аспекта духовной культуры с древних времен отражено в произведениях таджикско-персидских мыслителей. Основоположник таджикской классической литературы Рудаки (IX-X вв.) пишет:

Как человек явился в мирозданье,	То чаҳон буд аз сари одам фароз,
Возникла у него нужда в знанье.	Кас набуд аз роҳи дониш бениёз.
Мудрые мужи всегда, во все времена,	Мардумони бохирад андар замон,
На разных языках знания семена	Роҳи донишро ба ҳар гуна забон.
Собирали, сохраняли, умножали,	Гирд карданду гиромӣ доштанд,
На камнях для потомков высекали.	То ба санг андар ҳама бингош-
Знание в душе и сердце - яркий свет,	Дониш андар дил чароғи равшан
	аст,
Телу твоему - кольчуга от всяких	В-аз ҳама бад бар тани ту ҷавшан
бед.	аст. [20, с.134]

Культурно-гуманитарное взаимодействие России и Таджикистана образует сложный и многогранный феномен, уходящий корнями в глубь истории. Оно затрагивает не только проблемы искусства, образования и науки, но и вопросы идентичности, модернизации и цивилизационного характера.

Культура Древнего Востока, культура таджикского народа и его духовный мир отражены в поэзии, которая является квинтэссенцией философской мысли. Духовное наследие, выраженное в поэзии, эпосе и сказаниях, обладает уникальной способностью преодолевать политические границы и распространяться повсюду.

Изучение культурно-гуманитарного наследия прошлого позволяет выявить значительное влияние восточной, в частности таджикско-персидской, духовной традиции на славянскую, а именно русскую культуру. Одним из ярких примеров такого взаимовлияния является поэма «Шахнаме» выдающегося таджикско-персидского поэта и мыслителя Абулкасыма Фирдавси (X-XI вв.).

Примечательно, что на Руси XVII в. было широко распространено древнее сказание о Еруслане Лазаревиче, известное как «Сказание о некоем славном богатыре Уруслане Залазаровиче». В своём произведении «Происхождение русских былин» (1868 г.) В.В. Стасов впервые предложил научное обоснование связи русского эпоса с персидской героической поэмой «Шахнаме». Он утверждал, что образ Еруслана Лазаревича в былинах восходит к образу Рустама из «Шахнаме» [22] .

Общеизвестно, что центральный герой эпической поэмы Фирдавси «Шахнаме» – Рустам Золи Зар (Рустам, сын Золи Зара). Именно от него, как полагают исследователи, происходит имя былинного богатыря Уруслана Залазаровича (или Еруслана Лазаревича) в русском фольклоре.

Влияние творчества и наследия персидско-таджикского поэта-мыслителя Фирдавси простиралось далеко за пределы его родных земель, оказав огромное воздействие на множество азиатских культур. Следует отметить, что между его монументальным произведением «Шахнаме» и грузинской поэмой Шоты Руставели «Витязь в тигровой шкуре» прослеживается множество параллелей, как в смысловом, так и в содержательном плане, что подчеркивается схожестью их центральных персонажей.

Также наблюдается полное совпадение идей между стихотворением Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» и строками Фирдавси «Пай афкандам аз назм кохе баланд» («Я воздвиг своей поэзией высокий замок»), что представляет собой интересный факт. Однако, по мнению ряда исследователей, стихотворение Пушкина «Памятник» (1836 г.) было создано под влиянием одноименного произведения Гавриила Державина (1795 г.). Бесспорно одно: стихотворения «Памятник» и Гавриила Державина, и Александра Пушкина по своему смыслу и содержанию идентичны со стихотворением Фирдавси «Пай афкандам аз назм кохе баланд».

Биноҳои обод гарданд хароб,
Зи борону аз тобиши офтоб.
Пай афкандам аз назм кохе баланд,
Ки аз боду борон наёбад газанд.
Бад-ин нома бас умрҳо бигзаранд,
Бихонад ҳар он кас, ки дорад хирад.

Воздвиг я из стихов высокий дворец,
Которому не повредят ни ветер, ни дождь.
Многие человеческие жизни пролетят над этой книгой,
И всё будет читать её тот, у кого есть разум.

Намирам аз ин пас, ки ман зинда-
ам,
Ки тухми суханро парокандаам.
Ҳар он кас, ки дорад ҳушу рою
дин,
Пас аз марг бар ман кунад офарин!
[24, с.468]

А.С. Пушкин

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрейского столпа
Нет, весь я не умру - душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит -
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.
(1836 г.) [18, с.373]

Г. Державин

Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
Металлов тверже он и выше пирамид;
Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный,
И времени полет его не сокрушит
Так! - весь я не умру, но часть меня большая,
От тлена убежав, по смерти станет жить,
И слава возрастет моя, не увядая,
Доколь славянов род вселенна будет чтить.
(1795 г.) [8, с.232]

Всякий, кто обладает разумом,
здравым суждением и верой,
После моей смерти помянет меня
добром.
Нет, никогда не умру я, я - жив,
Так как я разбросал семена слова
(Смысловой перевод Е.С. Бертельса)
[5, с.602]

Удивительное созвучие этих строк - от дворца из стихов Фирдавси до памятника Державина и Пушкина - свидетельствует о единстве мирового поэтического сознания. Несмотря на разделяющие их столетия и границы, всех этих мыслителей объединяет одна фундаментальная идея: бессмертие творца в его слове. Там, где камень крошится под ударами стихий, а империи исчезают, поэзия воздвигает нерушимую крепость, неподвластную времени и тлену.

Ислам, безусловно, оставил свой след в воззрениях многих российских интеллектуалов. Так, Коран был первой религиозной книгой, к которой обратился Пушкин. Он писал: «В пещере тайной, в день гоненья, /Читал я сладостный Коран; /Внезапно ангел утешенья, /Взлетев, принес мне талисман». Поэт писал своему другу Денису Давыдову: «Слог восточ-

ный был для меня образцом». Интерес Пушкина к жизни мусульманского Востока значительно усилился после посещения им Кавказа и Крыма.

Пушкин А.С. проявлял необычайно глубокий интерес к восточной мусульманской поэзии и культуре. И это было обусловлено не только его арабско-мусульманскими корнями. Бесспорно, он был очарован стилистикой Востока. Хотя поэт читал произведения в переводах, важно заметить, что мусульманская поэзия носит эзотерический характер, и не посвященный не всегда может узреть глубину её философии. Многие великие поэты, мыслители и ученые Запада обращались к таджикско-персидскому наследию – как к научным трактатам, так и к поэтическим шедеврам. Ярким примером является «Западно-восточный диван» Гёте, созданный как подражание персидскому поэту Хафизу Ширази [15, с. 189-217].

Позже, уже в титульном листе первого издания 1819 г., Гёте перечислит те источники, которые вдохновили его написать «Диван»: «Да будут почтены: глубокомысленное «Маснави» Мохаммеда Джалаладдина Руми, высоконравственная «Пенд-наме» Ферадэддина, героическая «Шахнаме» Фирдуси, благородное «Тухфат аль-Ахрар» Джами; более отдаленно – древнейшие «Муаллаки» пустынь и их доисламские предшественники, затем достойный изумления Коран и высоконравственные созвездия «Кабус» и «Огуз» [6, с. 715].

Действительно, культурно-духовное влияние Востока можно проследить и в Европе, и в России. Это влияние вносит особый колорит и восточный дух в мировую культуру.

В культурно-гуманитарном пространстве России и Таджикистана ключевым фактором взаимодействия являются просветительские идеи. Просвещение как идеологическое течение и, прежде всего, как философская концепция возникает у любого народа под влиянием более передовых культур соседних стран, где экономический и социально-духовный прогресс уже находится в полном разгаре. Просвещение - есть социальное явление, в котором происходит непрерывный взаимообмен различной информацией; под давлением этого потока расширяются границы просветительно-идеологического влияния на другие страны и народы. Оно является открытой системой, вбирающей в себя и отдающей в ответ, и при этом находящейся в постоянной динамической трансформации.

Например, под воздействием английского и французского Просвещения XVII-XVIII вв. возникло русское Просвещение XVIII-XIX вв. «Временные рамки эпохи Просвещения в России совпадают с опытом других европейских стран – в общем, это XVIII в. Точнее, для России эта эпоха началась с основания Петром I новой столицы в Санкт-Петербурге 27 мая 1703 г. и окончилась восстанием 14 декабря 1825 г.» [16, с. 79.]

Просвещение зародилось в Средней Азии в XIX в. благодаря влиянию России. У истоков просветительского движения в Средней Азии стоял Ахмад Махдум Дониш.

Великий сын таджикского народа Ахмад Дониш был энциклопедистом, просветителем, реформатором, ученым, писателем, философом, мыслителем, поэтом и государственным деятелем Бухарского эмирата. В конце XIX – начале XX века, именно под влиянием творчества Ахмада Дониша происходило пробуждение передовой части интеллигенции не только в Бухарском эмирате, но и во всей Средней Азии. Основной идеей просветителей было требование к господствующему классу и чиновничьему аппарату ограничить произвол в отношении простого народа, принять меры для развития экономики, науки и культуры, реформировать систему образования, а также предоставить незащищенным гражданам Бухары элементарные демократические права. Личность Ахмада Дониша и его творчество по праву занимают яркую страницу в нашей истории.

Российская империя оказала значительное воздействие на взгляды Ахмада Дониша. Он испытывал к ней глубокий интерес и симпатию; как отмечал таджикский советский историк, академик З.Ш. Раджабов (1906-1990), уже в то время Дониш выступал за тесное сотрудничество с Россией. Мыслитель считал необходимым налаживать мирные отношения и перенимать российские достижения в области науки, техники и образования, видя в России передовую державу, способную принести пользу его народу. Одной из ключевых задач он считал обязательное изучение русского языка [19, с. 195].

Дониш был очарован красотой и пением Аделины Патти. Он посвятил ей стихотворение, в котором воспел её грацию и исполнительское мастерство.

Аделине Патти

Вот легкою стопой. Чуть приподнявши платье,

Венерою в мехах идет актриса Патти.

Все замерло, она лишь бровью повела –

И звуки полились по золотой палате...

И мы вздохнули все. Вдруг трепет серебра

Из горла соловья, на сладостном раскате,

Пронесся по толпе, как по ночным садам...

А сердце гурии гремит сердцам: «Пылайте!»

(переводы А. Дониша здесь и далее Сельвинского) [1, с. 478].

Бертельс подчеркнул: «Это была в истории единственная ода, посвященная ей на языке Востока» [19, с. 198]. Можно утверждать, что в классической таджикско-персидской поэзии практически не было примеров воспевания величия конкретной земной женщины. Женская красота,

очарование и грация обычно выступали как аллегории для описания Божественной любви, идеализированного Друга или природы. Однако Ахмад Дониш воспел красоту Аделины Патти, которая не была мусульманкой. В этом отразилась искренняя любовь симпатия поэта-мыслителя к европейскому искусству и русской культуре – смелый шаг для эпохи, когда любые проявления инакомыслия или «чуждых» ценностей были категорически неприемлемы и влекли за собой суровое наказание.

Стихотворение Дониша посвященное Петербургу, также пронизано искренней любовью и восхищением:

Во славу Санкт-Петербурга

Нет, это не земля – седьмое небо это:
Тут что ни здание – звезда или комета!
Не знают темноты здесь ночи, - словно дни...
Тут светом в пузырях проезды освящают,
А люди от светил себя не отличают,
Столь дивны и чарующие они [10, с.477].

Обладая прямоотой и непоколебимой честностью, мыслитель не щадил слов, сталкиваясь с проявлениями зла и несправедливости. Его бескомпромиссная критика, ярко выраженная в трактате «Истории мангитской династии» [9], была направлена против эмира и чиновников, которых он считал первопричиной всех бед и отсталости своего народа.

Сквозь призму слов Ахмада Дониша мы видим не только деяния мангитских эмиров Насрулло и Музаффар, но и ощущаем всю тяжесть его личной, безрадостной участи:

...Ведь ясно для раба и для царя,	Зачем все дни его омрачены?
Что дар людской дорожке янтаря,	Зачем от горя взгляд его тяжел?
И никакое серебро и злата	И от чего огни его черны,
Не будет здесь достаточною платой.	Тогда как бел его литой котел?
Так почему же молча ты глядишь	Я средь поэтов – голос боевой!
На то, что твой слуга Ахмад Дониш,	Кто одолел меня певучей речью?
Который - и мудрец, и врачеватель,	Средь мудрецов слыву я «головой»,
Который – и писец, и прорицатель,	-
Тот самый ослепительный Ахмад,	Какая мысль не шла ко мне навстречу?
В чьем дивном пенье соловьи гремят,	Орла превыше и мудрей змеи,-
Что гением поэта обладает,	Во мне кипят могущества мои.
В твоей стране, как нищий прозябает.	Но если стал я нищ – не диво это!
	Суди царя по бытию поэта. [1, с. 478]

Поэт-мыслитель был убежден, что династия Магнитов не должна оставаться у власти. Он видел в отсталости страны, всеобщем хаосе и беззаконии, творимых эмирами и чиновниками, абсолютное зло, причиняющее страдания его народу. Дониш верил, что с помощью России его родина вступит в новую эру социально-политических и культурных преобразований, развития науки и техники [19, с. 259].

Не менее любопытную тему для размышлений предлагает З. Раджабов, исследуя наследие Ахмада Дониша в контексте его статуса основоположника джадидизма в Средней Азии. Ключевой вопрос исследователя звучит так: «Был ли Ахмад Дониш джадидом?» [19, с. 256].

Бертельс Е.С. (1890-1957) утверждал, что джадидизм возник в середине XIX в. и его основоположником был Ахмад Дониш. Он описывает джадидизм как прогрессивное просветительское движение. Однако знаток эпохи и творчества Дониша З.Ш. Раджабов (1906-1990) считал иначе. Он писал, что джадидизм оформился на рубеже XX в. как буржуазно-национальное движение, которое изначально противостояло революционным событиям 1905-1907 гг. По мнению Раджабова, джадидизм по своей сути противоречил просветительским идеям Ахмада Дониша: если взгляды Дониша были направлены на защиту интересов простого народа, то джадидизм нес в себе буржуазно-местнический характер, на фоне которого возникли пантюркизм (националистическая идеология призывающая за политическое единства всех тюркских народов) и панисламизм (религиозно-политическая идеология, основанная на идее духовного и политического единства всех мусульман мира). Кроме того, Дониш был сторонником сближения Бухары и Россией, в то время как политическая программа джадидов противостояла этим отношениям [19, с. 257.]

На фоне тотального произвола, религиозного мракобесия и деспотизма мангитских эмиров в Средней Азии Ахмад Дониш как человек своего времени видел в российском законодательстве образец справедливости и прогресса. По сути, он идеализировал его.

Мощь Российской империи одновременно восхищала и пугала Ахмада Дониша. С одной стороны, он призывал к мирному сотрудничеству, но с другой стороны - искал пути усиления и технического оснащения армии эмира. Проницательный мыслитель уже тогда предвидел неизбежный рост российского влияния в Средней Азии и ее последующую интеграцию региона в состав империи. Он допускал это единение, но при обязательном условии: вера и исламская культура должны быть сохранены.

Феномен Ахмада Дониши, стоящего у истоков культурно-гуманитарного взаимодействия России и Таджикистана, бесспорен. Именно просветительские идеи Дониша сформировали различные социально-культурные движения в Центральной Азии. Последователями его прогрес-

сивно-просветительских идей стали такие видные деятели, поэты и писатели, как Садриддин Айни, Шамсиддин Шохин, Тошходжа Асири, Мукими и многие другие.

Таким образом, наследие Ахмада Дониша и его выдающихся последователей заложило прочный фундамент для многовекового диалога. Их идеи стали тем духовным мостом, который и сегодня соединяет народы России и Таджикистана. Взаимное уважение к культуре, науке и языку друг друга, провозглашенное великим просветителем еще в XIX веке, остается незыблемым ориентиром для развития современных союзнических и гуманитарных отношений между нашими странами.

Литература

1. Антология таджикской поэзии / под ред. И.С. Брагинского. - М.: Гос. изд-во худож. лит., 1951. - 607 с.
2. Артамонов С.Д. История зарубежной литературы XVIII в. - М.: Учпедгиз, 1956. - 854 с.
3. Артамонов С.Д. Сорок веков мировой литературы: в 4 т. - Т. IV: Литература Нового времени. - М.: Просвещение, 1997. - 333 с.
4. Бартольд В. В. Сочинения: в 9 т. - Т. IX: Работы по истории востоковедения. - М.: Наука, 1977. - 966 с.
5. Бертельс Е.Э. Избранные труды. - Т. 1: История персидско-таджикской литературы. - М.: Изд-во вост. лит., 1960. - 554 с.
6. Гёте И.В. Западно-восточный диван / под ред. И.С. Брагинского, А.В. Михайлова. - М.: Наука, 1988. - 715 с. (Литературные памятники).
7. Гладкий В.Д. Древний мир: энцикл. слов.: в 2 т. - Т. II. - М.: Центрполиграф, 1998. - 477 с.
8. Державин Г.Р. Стихотворения / под ред. А.Я. Кучерова. - Л.: Советский писатель, 1957. - 484 с.
9. Джураева Д.Р. Философские воззрения Асади Туси в «Гаршаспнаме». Противостояние религии и науки - возникновение схоластического учения в мусульманском средневековом Востоке: монография. - Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2018. - 180 с.
10. Дониш А. Антология таджикской поэзии. - М.: Государственное издательство художественной литературы, 1951. - 608 с.
11. Дониш А. История мангитской династии / пер. И.А. Наджафовой. - Душанбе: Дониш, 1967. - 140 с.
12. Егер О. Всемирная история. - Т. 3: Новая история. - СПб.: Полигон; - М.: АСТ, 1999. - 704 с.
13. История Востока: в 6 т. - Т. II: Восток в средние века. - М.: Вост. лит. РАН, 2000. - 716 с.
14. История таджикской литературы (с древнейших времен до XV в.). - Т. III / редкол.: К. Олимов [и др.]. - Душанбе: Дониш, 2010. - 502 с.
15. Лагутина И.Н. «Западно-восточный диван» Гёте: опыт и интерпретации // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. - 2019. - № 1 (5). - С. 189–217.

16. Львов А.А. Русское просвещение как феномен современности // Философский полilog. - 2021. Вып. 2 (10). - С. 76–88.
17. Мирзозода Х. История таджикской литературы (на тадж. яз.). - Душанбе: Маориф, 1989. - 420 с.
18. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. - Т. 3: Стихотворения. 1827–1836. - Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. - 496 с.
19. Раджабов З.Ш. Просветитель Ахмад Дониш (на тадж. яз.). - Душанбе: Ирфон, 1964. - 306 с.
20. Рӯдакӣ А. Ашғор / таҳияи матн ва дебочаи Р. Ҳодизода. - Душанбе: Адиб, 2007. - 416 с.
21. Садыкова Н.Н. Философская антропология Мирзо Абдулқодири Бедия. - Душанбе: Ирфон, 2003. - 300 с.
22. Стасов В.В. Происхождение русских былин: монография // Вестник Европы. - 1868. - Т. 1. - № 1. - С. 1-64.
23. Философский энциклопедический словарь / редкол.: С.С. Аверинцев [и др.]. - М.: Сов. энцикл., 1989. - 814 с.
24. Фирдавси А. Шохнома. Ҷилди 1 / таҳияи матни К. Айни ва З. Ахрорӣ. - Душанбе: Адиб, 2007. - 480 с.
25. Фирдоуси А. Шахнаме. - Т. 1 / под ред. Е.Э. Бертельса; пер. с фарси Ц.Б. Бану-Лафут. - М.: АН СССР, 1957. - 675 с.
26. Яковенко Б.В. Мошь философии. - Санкт-Петербург: Наука, 2000. - 974 с.

ROOTS AND MEANINGS: CULTURAL AND HUMANITARIAN INTERACTION BETWEEN RUSSIA AND TAJIKISTAN IN THE HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL CONTEXT

Juraeva Dilbar Rahimkhojaevna

Candidate of Philosophy, Associate Professor
of the Department of Social Sciences
Tajik State University of Law, Business and Politics, Khujand
735700, Republic of Tajikistan, Khujand, 17 mkr., bld. 1.
Ph.: (+992) 926 41 02 72 (m.)
Dilbar197722@mail.ru

This article provides a brief historical and philosophical analysis of the cultural and humanitarian interaction between Russia and Tajikistan. The author examines the evolution of this process, starting from the 10th century, the period of the famous Persian-Tajik poet Firdowsi's work, to the 19th century, the era of the emergence of enlightenment in Central Asia. The article highlights the key stages and specific features of this development. Special attention is given to the undeniable influence of Firdowsi's epic poem "Shahnameh" on Russian spiritual culture. As an example, the connection between the Russian epic hero Yeruslan Lazarevich and the hero of the Shahnameh, Rustam, is cited. An analogy is also drawn between the poems of Alexander Pushkin and Gavriil Derzhavin and the works of Firdowsi, and the unity of theme and style in works dedicated to the theme of a non-man-made monument is noted.

The educational movement had a huge impact on the region, and Russia played a crucial role in the socio-cultural development of Central Asia. The article highlights the significance of Ahmad Donish's legacy, who played a pivotal role in strengthening ties between Russia and Tajikistan. Donish was one of the first individuals to openly and warmly express his appreciation for the Russian people and their culture.

Keywords: Russia; Tajikistan; cultural and humanitarian interaction; historical and philosophical analysis; Firdowsi; Shahnameh; Russian spiritual culture; Yeruslan Lazarevich; Alexander Pushkin; enlightenment in Central Asia; Ahmad Donish; enlightenment; Tajik-Persian poetry.

РЕША ВА МАЪНОҲО: ҲАМКОРИИ ФАРҲАНГӢ-ГУМАНИТАРӢ БАЙНИ РУСИЯ ВА ТОҶИКИСТОН ДАР ЗАМИНАИ ТАЪРИХӢ-ФАЛСАФӢ

Чӯраева Дилбар Раҳимходжаевна

номзади илми фалсафа, дотсенти
кафедраи фанҳои ҷамъиятии

Донишгоҳи давлатии ҳуқуқ, бизнес ва сиёсати Тоҷикистон шаҳри Хучанд
735700, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Хучанд, 17 микр., бинои 1

Тел.: (+992) 926 41 02 72 (м.)

Dilbar197722@mail.ru

Дар ин мақола таҳлили мухтасари таърихӣ-фалсафии ҳамкориҳои фарҳангӣ-гуманитарӣ байни Русия ва Тоҷикистон гузаронида мешавад. Муаллиф таъаввули ин равандро аз асри X давраи эҷодиёти шоири машҳури форсу тоҷик Фирдавсӣ то асри XIX, давраи пайдоиши маърифатпарварӣ дар Осиёи Миёна баррасӣ мекунад. Дар қор марҳилаҳои асосӣ ва хусусияти рушди онҳо қайд карда шудаанд. Ба далелҳои бешубҳа таъсири шеърӣ Фирдавсӣ ба фарҳанги маънавии рус диққати махсус дода мешавад. Ба сифати мисол, робитаи қаҳрамони рус Еруслан Лазаревич бо қаҳрамони Шохнома Рустам оварда шудааст. Инчунин шеърҳои А.Пушкин ва Г. Державин ва эҷодиёти Фирдавсӣ муқоиса карда мешавад; ягонагии мавзӯ ва услуб дар асарҳое, ки ба мавзӯи едгории ғайриҳунарии бахшида шудаанд, қайд карда мешавад.

Ҳаракати маърифатӣ ба минтақа таъсири калон гузошт. Дар айни замон, Русия дар рушди иҷтимоӣ ва фарҳангии Осиёи Марказӣ нақши ҳалкунанда бозид. Дар мақола аҳамияти мероси Аҳмад Дониш, ки дар ибтидои таҳкими робитаҳои Байни Русия ва Тоҷикистон қарор дошт, таъкид карда мешавад. Мутафаккир яке аз аввалинҳое буд, ки ба мардуми рус ва фарҳанги он ошкоро ва дӯстона ихфори ҳамдигарӣ кард.

Калидвожаҳо: Русия; Тоҷикистон; ҳамкориҳои фарҳангӣ-гуманитарӣ; таҳлили таърихӣ-фалсафӣ; Фирдавсӣ; Шохнома; фарҳанги маънавии рус; Еруслан Лазаревич; А.С. Пушкин; маърифат дар Осиёи Миёна; Аҳмади Дониш; маърифат; шеърӣ тоҷикӣ-форсӣ.

УДК 14(470:100)

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ И ЕЁ ВКЛАД В ФОРМИРОВАНИЕ МИРОВОЙ ФИЛОСОФСКОЙ СИСТЕМЫ

Негматуллоева Сурайё Рустамовна

кандидат философских наук, доцент
кафедры философии и политологии

Российско-Таджикский (Славянский) Университет,
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30

Тел.: (+992) 918 62 38 97 (м.)

surayo_negmatulloeva@mail.ru

Данная статья посвящена комплексному исследованию русской философской мысли в контексте её влияния на становление глобальной интеллектуальной традиции. Исследование преодолевает традиционное восприятие русской мысли как периферийной, демонстрируя ее глубокую самобытность и универсальную значимость. В работе рассмотрены и исследованы исторические истоки русской философии, а также ее ключевые особенности (религиозность, антропоцентризм, морализм, синтетизм) и центральные категории, такие как соборность и всеединство. Особое внимание уделено творчеству В. Соловьева, Н. Бердяева, а также философскому наследию Л. Толстого и Ф. Достоевского, чьи идеи стали предтечей европейского экзистенциализма и персонализма. Проанализирован феномен русского космизма, в частности, идеи Н. Фёдорова и В. Вернадского, как интеллектуального течения, предвосхитившего современную трансгуманистическую парадигму и принципы экологической этики. Прослежено прямое влияние русской мысли на западную философию культуры (Н. Данилевский, О. Шпенглер) и этику ненасилия (Л. Толстой, М. Ганди). Резюмируется, что антропологическая и этическая направленность русской мысли позволяет рассматривать её в качестве концептуального фундамента для поиска выходов из цивилизационного кризиса. Подчеркивается преемственность её идей в контексте формирования новых стратегий глобального развития.

Ключевые слова: русская философия; всеединство; соборность; русский космизм; экзистенциализм; персонализм; философия культуры; этика ненасилия.

Русская философия XIX века представляет собой уникальный феномен в мировой традиции, отличающийся от античной и западноевропейской философии своими особенностями. К числу известных русских философов принадлежат Владимир Соловьев, Николай Бердяев, Лев Шестов и Николай Фёдоров. Их идеи часто рассматриваются как второстепенные по

сравнению с концепциями западных мыслителей, таких как И.Кант, Г.Гегель и Ф.Ницше, что может быть связано с недостаточным вниманием к русской традиции.

Тем не менее, философские идеи русских авторов отражают уникальные аспекты социальной и духовной жизни России, предлагая новые горизонты для понимания человеческого существования и отношений с Богом и миром. Русская философия может быть самостоятельным направлением с уникальной системой ценностей, что обогащает глобальный философский дискурс. Исследование этой философии требует глубокого подхода, учитывающего историко-культурные и философские контексты её развития. Русская мысль, сосредоточенная на вопросах смысла жизни, судьбы человека, теодицеи и эсхатологии, внесла существенный вклад в формирование таких направлений, как экзистенциализм, персонализм, философия жизни и даже экологическая этика.

Основная проблема заключается в сопоставлении самобытности русской философии с ее универсальным, мировым значением. Как философия, глубоко укорененная в православии, русской культуре и истории, смогла стать источником идей, актуальных для всего человечества? Ответ на этот вопрос требует не только историко-философского анализа, но и выявления тех точек соприкосновения, где русская мысль резонировала с ключевыми вызовами западной цивилизации.

Таким образом, цель данного исследования заключается в выявлении и анализе основных концепций русской философии, оказавших значительное влияние на мировую философскую традицию, а также в определении ее особого места в глобальном философском диалоге. В процессе подготовки работы был использован историко-философский анализ, который позволяет проследить эволюцию идей и концепций на фоне исторического развития России и Европы. Для сопоставления ключевых положений русской философии, таких как соборность, с аналогичными концепциями в западной мысли, например, коллективизмом или индивидуализмом, применяется сравнительный метод. Герменевтический подход используется для интерпретации текстов русских философов с учетом их культурно-исторического контекста.

Следует отметить, что философская мысль в России изначально развивалась в тесной связи с православным богословием и литературными традициями. В отличие от Западной Европы, где философия отделилась от теологии уже в Средние века, этот процесс в России протекал медленнее. Одним из первых философских произведений считается «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона Киевского [8]. Этот труд представляет собой не только памятник древнерусской литературы, но и содержит глубокие философско-исторические размышления о месте Руси в мировой ис-

тории, противопоставляя «Закон» (Ветхий Завет, иудаизм) и «Благодать» (Новый Завет, христианство) как этапы духовного развития человечества.

Русская философия характеризуется рядом специфических черт, определивших её самобытность и значимый вклад в сокровищницу мировой мысли:

- *Теоцентризм и религиозно-этический характер.* В центре философской рефлексии неизменно находится религиозно-нравственная проблематика. Русская мысль зачастую манифестирует себя как «свободная теология» или «философия духа».

- *Антропоцентризм и приоритет моральной философии.* Проблема человека, его экзистенциального призвания и нравственного выбора является доминирующей, что обуславливает примат этики над гносеологическими и онтологическими аспектами.

- *Идеал цельного знания и синтетизм.* Стремление к «цельному знанию» (в терминологии В.С. Соловьева) предполагает органический синтез веры, разума и чувственного опыта, а также преодоление рационалистической фрагментации и узкой специализации.

- *Историософская направленность и социальный мессианиззм.* Глубокая сосредоточенность на исторической судьбе России, поиске её уникального пути и миссии в глобальном контексте находит выражение в концептуальном поле «Русской идеи».

В ряду вышеперечисленных характеристик особое значение имеют две фундаментальные категории, концептуализированные отечественной мыслью, - соборность и «русская идея».

Феномен соборности, как категория была введена в интеллектуальный дискурс представителями раннего славянофильства (А.С. Хомяковым, И.В. Киреевским) [21]. Соборность осмысливается как высший тип духовной общности, базирующийся на свободном единении в любви, что противопоставляется как западному индивидуализму, так и механистическому государственному коллективизму. В этой парадигме социум рассматривается не как сумма атомизированных индивидов, а как органическое единство, в котором личность не нивелируется, но достигает полноты своего бытия через сопричастность целому.

Концепт «русской идеи», сформулированная Ф.М. Достоевским и получившая дальнейшее развитие в трудах В.С. Соловьева и Н.А. Бердяева, «русская идея» постулирует наличие особого духовного призвания народа. Она выражает устремленность к «всечеловеческому единению» и служению наднациональным идеалам. Как отмечал Н.А. Бердяев, в своей сущности «русская идея» является идеей братства людей и народов [1, с. 28].

XIX век стал «золотым веком» русской философии, когда она окончательно сформировалась как самостоятельная и влиятельная традиция. Спор между славянофилами и западниками стал ключевым моментом самоопределения русской мысли. Славянофильство, представленное видными мыслителями, такими как А.С. Хомяков и И.В. Киреевский, предполагает самобытный путь России, основанный на православии и общинном начале, также известном как Соборность. В этом контексте критически рассматриваются идеи рационализма Запада, что позволило славянофилам выдвинуть собственные концепции, оказавшие влияние на социальную философию и коммунитаризм.

Западничество, к которому принадлежали такие философы, как П.Я. Чаадаев и В.Г. Белинский, подчеркивает необходимость следования по пути европейской цивилизации и освоения её достижений. Западники критиковали изоляционизм и способствовали интеграции в русскую философскую мысль идей европейского Просвещения и социализма. Важнейшее место в развитии идей западничества занимает П. Чаадаев, чьи «Философические письма» стали мощным катализатором философской мысли, поставив вопрос о смысле существования России в мировом контексте.

Однако центральной фигурой русской философии считается В. Соловьев – основатель первой целостной философской системы. Его учение о Всеединстве стало вершиной метафизических поисков. Всеединство представляет собой идеальное, гармоничное состояние бытия, в котором все элементы мира (Бог, природа, человек) объединены в единое целое. В. Соловьев стремился преодолеть разрыв между верой и знанием, наукой и религией, характерный для западноевропейской мысли. Он разработал концепцию Софии (Премудрости Божией) как идеального, одухотворенного начала мира, связующего Бога и творение. В. Соловьев отмечал, что «смысл человеческой жизни в том, чтобы внести в мир божественное начало, осуществить Всеединство» [15, с.34]. Философия В. Соловьева оказала колоссальное влияние на весь Серебряный век русской культуры, став идейной основой для религиозно-философского ренессанса.

Период религиозно-философского ренессанса, начавшийся в начале XX века, стал временем расцвета русской философской мысли. В это время ярко проявили себя такие мыслители, как Николай Бердяев, Сергей Булгаков, Павел Флоренский и Stanisław Франк. Николай Бердяев, в частности, является одним из наиболее известных русских философов за пределами России, и его идеи оказали значительное влияние на развитие как отечественной, так и зарубежной философии. Философия Н. Бердяева – это философия свободы и творчества. Н. Бердяев утверждал примат свободы над бытием и разработал оригинальную версию персонализма, где личность рассматривается как высшая ценность, не сводимая к природным

или социальным категориям. Его работы, написанные в эмиграции, стали мостом между русской и западной мыслью [11].

Сергей Булгаков, переходя от марксистской идеологии к религиозной философии, развивал социологию Владимира Соловьёва, что позволило ему создать уникальный синтез экономических и социальных взглядов, основанных на православной этике [2]. Его работы характеризуются глубокой метафизичностью и стремлением к целостному мировоззрению. Аналогично, творчество Павла Флоренского, мыслителя-энциклопедиста, известного как «русский Леонардо да Винчи», выделяется разнообразием тем, охватывающих символизм, математику, искусствоведение и философию. Одним из самых значительных произведений Флоренского является «Столп и утверждение Истины».

Особое место в русской философии занимают великие писатели, чье творчество стало самостоятельным философским явлением. Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский не были философами в академическом смысле слова, но их произведения оказали сильнейшее влияние на мировую культуру и философскую мысль. Л. Н. Толстой разработал глубокое религиозно-нравственное учение, основанное на рациональном прочтении Евангелия. Его философская концепция характеризуется следующими ключевыми положениями:

- Этика непротивления злу насилием. Принцип, который Л.Н. Толстой считал центральным в учении Христа и который оказал прямое влияние на мировых лидеров, таких как М. Ганди и М. Л. Кинг-младший [11, с.308];

- Опрошение и критика цивилизации, призыв к жизни в гармонии с природой, отказ от государственных, церковных и социальных институтов, которые он считал источниками зла и насилия;

- Поиск «истинной веры», отказ от догматического православия и создание собственной, этически ориентированной религии.

Труды Ф. М. Достоевского рассматриваются как предтеча экзистенциализма. Его романы представляют собой «философские лаборатории», в которых исследуются предельные вопросы человеческого бытия: свобода, страдание, вера, нигилизм и природа зла. В романах «Братья Карамазовы» и «Бесы» Ф. М. Достоевский демонстрирует, что абсолютная свобода в отрыве от религиозного начала ведет к моральному хаосу и саморазрушению. «Легенда о Великом инквизиторе» стала одним из наиболее глубоких исследований дилеммы свободы и счастья в мировой литературе и философии. Герои Ф. М. Достоевского (Раскольников, Кириллов, И. Карамазов) переживают глубочайшие экзистенциальные кризисы, связанные с поиском смысла и оправданием собственного существования, что предвосхитило проблематику, поднятую в XX веке А. Камю и Ж.-П. Сартром [6].

Русская философия не просто следовала за европейскими течениями, но и предложила миру несколько уникальных концепций, не имеющих прямых аналогов в западной традиции. Русский космизм - одно из наиболее оригинальных и пророческих направлений отечественной мысли, возникшее на рубеже XIX–XX вв. Его основателем считается Н. Ф. Федоров, чья «Философия общего дела» представляет собой радикальный проект преобразования бытия. Центральными идеями космизма являются:

➤ Активная эволюция - человек не пассивный продукт эволюции, а ее активный субъект, призванный сознательно управлять природными и космическими процессами;

➤ Проект воскрешения – Н. Федоров выдвинул идею буквального, физического воскрешения всех когда-либо живших поколений, что должно стать «общим делом» всего человечества. Этот проект требовал научного и технического освоения космоса и регуляции природы;

➤ Концепции ноосферы и биосферы: идеи космизма получили развитие в трудах естествоиспытателей К. Э. Циолковского (основоположника теоретической космонавтики) и В. И. Вернадского. Последний разработал учение о ноосфере - сфере разума, которая закономерно преобразует биосферу Земли.

Вклад космизма в мировую мысль огромен. Он предвосхитил современную трансгуманистическую философию, экологическую этику и философию техники. Идеи Н. Ф. Федорова о бессмертии и регуляции природы находят отклик в современных дискуссиях о биотехнологиях и искусственном интеллекте. Не менее значим вклад А. Л. Чижевского, основоположника гелиобиологии: его труды о влиянии солнечной активности на биологические и социальные процессы предвосхитили междисциплинарные исследования в области биофизики и социобиологии, доказав неразрывную связь человечества с ритмами Космоса

Влияние русской философии на западную мысль стало особенно заметным в XX в., во многом благодаря волне эмиграции после Октябрьской революции в России. Русские мыслители, особенно Ф. М. Достоевский и Н. А. Бердяев, оказали решающее влияние на формирование европейского экзистенциализма. Л. И. Шестов, живший в Париже, был одним из первых, кто поставил проблему абсурда и иррациональности бытия, став прямым предшественником французских экзистенциалистов. Его критика рационализма и призыв к «вере без гарантий» нашли отражение в работах А. Камю. Н. А. Бердяев с его философией свободы и творчества, а также глубоким анализом кризиса европейской культуры, широко переводился и цитировался в европейских философских кругах. Его концепция персонализма как философии духа, противостоящей объективации, стала важным источником для европейского персонализма.

Русские мыслители внесли весомый вклад в цивилизационный подход к истории. Н. Я. Данилевский в работе «Россия и Европа» разработал теорию культурно-исторических типов, которая стала одним из источников для концепции локальных цивилизаций О. Шпенглера и А. Тойнби [11]. Н. Я. Данилевский утверждал, что цивилизации проходят естественные циклы рождения, расцвета и упадка и что славянский культурно-исторический тип имеет свой уникальный путь развития [5].

Русская этическая мысль отличается глубоким морализмом и поиском путей к духовному преображению общества. Она оказала влияние на мировое движение ненасилия и утверждение примата нравственного закона над государственным. Глубочайшие исследования проблемы зла и страдания в рамках русской мысли повлияли на религиозную философию XX века. Утверждение сердца как центра духовной жизни и познания стало альтернативой западному рационализму. Русская философия, таким образом, предложила миру не просто новые идеи, но и новый тип философствования - целостный, нравственно ориентированный, сосредоточенный на судьбе человека и его связи с Богом и Космосом.

После Октябрьской революции 1917 г. русская философия в целом разделилась на два основных потока: философию русского зарубежья (Н. А. Бердяев, Л. И. Шестов, С. Л. Франк, С. Н. Булгаков и др.), которая продолжила развитие дореволюционных традиций и оказала прямое влияние на мировую мысль, и философию в СССР.

Внутри страны официальной и единственно допустимой доктриной стал марксизм-ленинизм, представленный диалектическим и историческим материализмом. Это привело к изоляции советской философии от мирового процесса и зачастую сводило её к роли идеологического инструмента, обосновывающего политику партии. Тем не менее, жесткие рамки не останавливали полностью творческую мысль: некоторые мыслители смогли внести значимый вклад в науку. Например, Э. В. Ильенков разработал оригинальную теорию идеального и мышления, которая до сих пор вызывает интерес в мировой философии сознания и теории деятельности [8, с.72-75].

Помимо вышеуказанного, в СССР, особенно в период «оттепели», возникли течения, которые стремились к преодолению идеологических догм и диалогу с мировой мыслью. Так, тартуско-московская семиотическая школа под руководством Ю. М. Лотмана внесла огромный вклад в мировую семиотику и философию культуры. Разработанная ими концепция «семиосферы» - пространства, в котором только и возможно существование и развитие знаковых систем, - стала фундаментальным инструментом для анализа культуры.

Стоит отметить, что философы-диссиденты и независимые мыслители такие как А. А. Зиновьев, М. К. Мамардашвили в своих работах крити-

чески осмысливали советскую реальность, продолжая традиции русской философии свободы и морализма. М. К. Мамардашвили [13] с его экзистенциально-феноменологическим подходом к сознанию и мышлению стал одним из самых влиятельных философов позднего периода СССР. Его идеи о «картезианских размышлениях» и роли философии как акта самостроительства личности глубоко резонировали с поисками внутренней свободы в условиях несвободы внешней.

После распада СССР русская философия вступила в период активной интеграции в мировой процесс. Происходит масштабное переиздание и изучение трудов мыслителей русского зарубежья, что восстанавливает прерванную интеллектуальную традицию. Современные российские философы участвуют в международном диалоге, осваивая и развивая такие направления, как аналитическая философия, постмодернизм, философия науки и этика. Наряду с этим формируются новые школы в области философии сознания, социальной эпистемологии и политической философии, при этом сохраняется специфический интерес к метафизическим и этическим вопросам, традиционно характерный для русской мысли.

Таким образом, русская философия представляет собой самобытный и мощный пласт мировой мысли, который, несмотря на свою относительную молодость, обогатил человечество рядом уникальных концепций. Её сила заключается в целостности и моральной ориентированности, в стремлении к синтезу веры и разума, а также в глубоком сопереживании судьбе человека и мира. Ключевые достижения русской философии, оказавшие влияние на мировую интеллектуальную систему, можно свести к следующим положениям:

- Всеединство - метафизическая основа для философии духа, софиологии и религиозного ренессанса; попытка построения целостной системы знания;
- Соборность - альтернатива западному индивидуализму и государственному коллективизму, оказавшая влияние на коммунитаризм и социальную философию;
- Русский космизм - предвосхищение идей трансгуманизма, экологической этики и философии активной эволюции;
- Философия свободы - фундаментальный вклад в экзистенциализм и персонализм; глубокое исследование пределов человеческой свободы и ответственности;
- Этика ненасилия - концепция, оказавшая прямое влияние на мировую политическую и социальную практику XX века (в частности, на идеи М. Ганди и М. Л. Кинга).

В целом необходимо отметить, что русская философия выступила своеобразным мостом между Востоком и Западом, предложив западному

рационализму и материализму глубоко духовную, антропоцентричную и этически насыщенную альтернативу. В условиях глобальных кризисов - экологического, социального, духовного - идеи русской мысли приобретают особую актуальность.

Космизм предлагает модель гармоничного взаимодействия человека и природы, что критически важно для современной экологической философии. Соборность и Всеединство могут служить основой для построения новых моделей глобального сотрудничества и преодоления разобщенности. Экзистенциальный морализм Ф. М. Достоевского и Н. А. Бердяева остается незаменимым инструментом для осмысления проблем свободы, ответственности и смысла в эпоху постмодерна.

Дальнейшее изучение русской философии должно быть направлено на её более активную интеграцию в международный академический контекст, а также на выявление её потенциала в решении современных проблем, таких как этика искусственного интеллекта, философия глобализации и межкультурный диалог. Русская мысль, сосредоточенная на вечных вопросах, продолжает оставаться живым источником для формирования мировой философской системы.

Литература

1. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX и начала XX века. - Париж: YMCA-Press, 1946. - 258 с.
2. Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. - М.: Республика, 1994. - 415 с.
3. Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере // Успехи современной биологии. - 1944. - Т. 18. - Вып. 2. - С. 113–120.
4. Гайденко П.П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века. - М.: Прогресс-Традиция, 2001. - 472 с.
5. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. - СПб.: Глаголь, 1995. - 542 с.
6. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. - СПб.: Наука, 1993. - 848 с.
7. Зеньковский В.В. История русской философии: в 2 т. - Т. 1. - Л.: Эго, 1991. - 222 с.
8. Иларион Киевский. Слово о Законе и Благодати // Библиотека литературы Древней Руси. - Т. 1: XI–XII века / под ред. Д. С. Лихачева [и др.]. - СПб.: Наука, 1997. - С. 26–61.
9. Ильенков Э.В. Диалектика идеального // Философия и культура. - М.: Политиздат, 1991. - С. 71–99.
10. Касавин И.Т. Социальная эпистемология: фундаментальные и прикладные проблемы. - М.: Альфа-М, 2013. - 560 с.
11. Лосский Н.О. История русской философии. - М.: Академический Проект, 2007. - 478 с.

12. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек - текст - семиосфера - история. – М.: Языки русской культуры, 1996. - 464 с.
13. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. – М.: Прогресс, 1992. - 97 с.
14. Негматуллоева С.Р. Роль русских советских философов в развитии философии в Таджикистане в 30–80 гг. XX в.: монография. - Душанбе: РТСУ, 2023. - 151 с.
15. Соловьев В. С. Чтения о Богочеловечестве. – М.: АСТ, 2004. - 251 с.
16. Степин В. С. Цивилизация и культура. – СПб.: СПбГУП, 2011. - 408 с.
17. Тойнби А. Дж. Постигание истории: сборник / А. Дж. Тойнби; пер. с англ. Е. Д. Жаркова. – М.: Рольф, 2001. - 640 с.
18. Толстой Л.Н. В чем моя вера? // Полное собрание сочинений. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. - Т. 23. - С. 304–465.
19. Федоров, Н. Ф. Философия общего дела. – М.: Эксмо, 2008. - 750 с.
20. Франк С.Л. Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992. - 511 с.
21. Хомяков А.С. Опыт катехизического изложения учения о Церкви // Сочинения: в 2 т. – М.: Московский философский фонд, 1994. - Т. 2. - 592 с.
22. Чижевский А.Л. Земное эхо солнечных бурь. – М.: Мысль, 1973. - 350 с.
23. Шестов Л.И. Афины и Иерусалим. – М.: АСТ, 2007. - 416 с.
24. Шпенглер О. Закат Европы: в 2 т. – М.: Айрис-пресс, 2004. - 528 с.
25. Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии // Сочинения. – М.: Правда, 1989. - 348 с.

RUSSIAN PHILOSOPHY AND ITS CONTRIBUTION TO THE FORMATION OF THE WORLD PHILOSOPHICAL SYSTEM

Negmatulloeva Surayo Rustamovna

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor
of the Department of Philosophy and Political Science
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 918 62 38 97 (m.)
surayo_negmatulloeva@mail.ru

This article is devoted to a comprehensive study of Russian philosophical thought in the context of its influence on the development of a global intellectual tradition. The study overcomes the traditional perception of Russian thought as peripheral, demonstrating its profound originality and universal significance. The work examines and explores the historical origins of Russian philosophy, as well as its key features (religiosity, anthropocentrism, moralism, and synthetism), and central categories such as conciliarity and all-unity. Particular attention is given to the works of V. Solovyov and N. Berdyaev, as well as the philosophical legacy of L. Tolstoy and F. Dostoevsky, whose ideas became the forerunners of European existentialism and personalism. The phenomenon of Russian cosmism is analyzed, in particular the ideas of N. Fedorov and V. Vernadsky, as an intellectual movement that anticipated the modern transhumanist paradigm and the principles of environmental ethics. The direct influ-

ence of Russian thought on Western cultural philosophy (N.Danilevsky, O.Spengler) and the ethics of nonviolence (L.Tolstoy, M.Gandhi) is explored. It is concluded that the anthropological and ethical focus of Russian thought allows it to be viewed as a conceptual foundation for finding solutions to the crisis of civilization. The continuity of its ideas in the context of the formation of new strategies for global development is emphasized.

Keywords: Russian philosophy; all-unity; conciliarity; Russian cosmism; existentialism; personalism; philosophy of culture; ethics of non-violence.

ФАЛСАФАИ РУС ВА САҲМИ ОН ДАР ТАШАККУЛИ НИЗОМИ ФАЛСАФИИ ҶАҲОНӢ

Негматуллоева Сурайё Рустамовна

номзади илмҳои фалсафа, дотсенти
кафедраи фалсафа ва сиёсатшиносии
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 918 62 38 97 (м.)
surayo_negmatulloeva@mail.ru

Ин мақола ба омӯзиши ҳамаҷонибаи афкори фалсафии рус дар заминаи таъсири он ба рушди анъанаи ҷаҳонии интеллектуалӣ бахшида шудааст. Таҳқиқот дарки анъанавии тафаккури русиро ҳамчун перифералӣ бартараф намуда, асосати амиқ ва аҳамияти умумибашари онро нишон медиҳад. Дар асар пайдоиши таърихӣ фалсафаи рус, инчунин хислатҳои асосии он (динпарастӣ, антропоцентризм, морализм ва синтез) ва категорияҳои марказӣ, аз қабилҳои созиш ва ягонагии умумӣ таҳқиқ карда мешавад. Ба асарҳои В. Соловьёв ва Н. Бердяев, инчунин ба мероси фалсафии Л. Толстой ва Ф. Достоевский, ки ақидаҳои онҳо пешгузаштаи экзистенциализм ва персонализми Европа гардиданд, диққати махсус дода мешавад. Падидаи космоизми рус, алаҳхусус ақидаҳои Н.Федоров ва В.Вернадский ҳамчун ҳаракати зехние, ки парадигмаи трансгуманистии муосир ва принсипҳои ахлоқи экологиро пешбини кардааст, таҳлил карда мешавад. Таъсири бевоситаи афкори рус ба фалсафаи маданияи Ғарб (Н. Данилевский, О. Шпенглер) ва этикаи ғайризӯроварӣ (Л. Толстой, М. Ганди) таҳқиқ карда мешавад. Хулоса карда мешавад, ки таваҷҷӯҳи антропологӣ ва ахлоқии тафаккури рус имкон медиҳад, ки онро ҳамчун заминаи концептуалӣ барои дарёфти роҳҳои ҳалли бӯҳрони тамаддун баррасӣ кунем. Давомнокии идеяҳои он дар заминаи ташаккули стратегияҳои нави рушди ҷаҳонӣ таъкид шудааст.

Калидвожаҳо: фалсафаи рус; ягонагӣ; созиш; космоизми русӣ; экзистенциализм; шахспарастӣ; фалсафаи фарҳанг; ахлоқи ғайризӯроварӣ.

УДК 373.2.014.5(575.3)

ДОСТУПНОСТЬ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СЕЛЬСКИХ РАЙОНАХ ТАДЖИКИСТАНА: БАРЬЕРЫ И АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ МОДЕЛИ

Рустамова Гульбахор Абдурашидовна

кандидат педагогических наук, доцент
кафедры педагогики, психологии и методики преподавания
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 901 70 75 55 (м.)
gulbakhor_i@mail.ru

В статье исследуется проблема доступности дошкольного образования (ДО) в сельской местности Республики Таджикистан, что обусловлено его ключевой ролью в формировании человеческого капитала, развитии когнитивных и социально-эмоциональных компетенций ребенка, а также в снижении социального неравенства. Актуальность исследования определяется тем, что, несмотря на рост общего охвата детей дошкольными образовательными услугами, сохраняется значительный городско-сельский разрыв, который ограничивает равные стартовые возможности для детей. Цель статьи заключается в выявлении структурных барьеров, препятствующих доступу к ДО в сельских районах, и в обосновании эффективности альтернативных моделей организации образовательного процесса. Теоретическая основа исследования опирается на культурно-историческую теорию, концепции развивающего обучения и подходы к вариативности образования, признающие равноценность различных форм получения образовательных услуг при соблюдении стандартов качества. Эмпирический анализ показал, что основными ограничениями являются недостаточная инфраструктура, дефицит квалифицированных педагогов и ограниченное финансирование. В качестве решения рассматривается внедрение и масштабирование гибких моделей ДО, включая семейные и общественные группы, мобильные программы и кратковременные центры, адаптированные к местному социокультурному контексту. Сделан вывод о необходимости сочетания институциональных реформ с развитием инновационных педагогических практик, направленных на повышение качества образовательного взаимодействия и обеспечение равного старта для всех детей, независимо от места проживания.

Ключевые слова: дошкольное образование; доступность; сельские районы; Таджикистан; альтернативные модели; человеческий капитал; социальное неравенство.

Доступность качественного дошкольного образования рассматривается в документах международных организаций и в национальной образо-

вательной политике Республики Таджикистан как стратегическое условие формирования человеческого капитала и снижения социального неравенства [17]. В государственных программных документах в сфере образования подчеркивается приоритет расширения охвата детей дошкольными образовательными услугами, прежде всего в социально уязвимых и территориально удалённых районах страны [11; 12; 21].

Результаты научных исследований подтверждают, что участие детей в программах раннего развития оказывает устойчивое долгосрочное влияние на когнитивное, речевое и социально-эмоциональное развитие, формируя предпосылки успешного обучения на последующих уровнях образования [20; 17]. В условиях Республики Таджикистан данный аспект приобретает особую значимость, поскольку ограниченный доступ к дошкольному образованию в сельской местности усиливает стартовое образовательное неравенство между детьми городских и сельских территорий.

Актуальность настоящего исследования обусловлена сохраняющимися территориальными диспропорциями в системе дошкольного образования Республики Таджикистан, проявляющимися в недостаточной обеспеченности сельских районов дошкольными образовательными организациями, дефиците педагогических кадров и ограниченном развитии вариативных форм дошкольного образования [17]. Несмотря на реализацию государственных программ, ориентированных на развитие сети дошкольных учреждений и внедрение альтернативных моделей организации образовательного процесса, проблема доступности качественного дошкольного образования в сельской местности сохраняет свою остроту [6].

Целью статьи является анализ ключевых барьеров доступности дошкольного образования в сельских районах Республики Таджикистан, а также теоретическое обоснование эффективности альтернативных моделей организации образовательного процесса в контексте реализации национальной образовательной политики.

Теоретические положения исследования опираются на идеи культурно-исторической теории Л.С. Выготского. Данная теория рассматривает: развитие ребёнка как социально обусловленный процесс [3]; концепцию развивающего обучения, подчеркивающую значимость дошкольного возраста как сензитивного периода формирования базовых компетенций [2]; подходы к вариативности образования, утверждающие равноценность различных форм получения дошкольного образования при условии соблюдения единых требований к его качеству [1].

Проведем эмпирический анализ доступности ДО в Таджикистане - городско-сельской разрыв. Несмотря на позитивную динамику показателей охвата детей дошкольным образованием в Республике Таджикистан, выражающуюся в увеличении доли охвата с 15–16 % в начале 2020-х гг. до ориентировочно 30 % к началу 2026 г. [16; 17; 20], агрегированные стати-

стические данные нивелируют наличие выраженной территориальной дифференциации. Отсутствие официальной статистики, дифференцированной по городским и сельским территориям, существенно осложняет проведение точной количественной оценки, однако анализ косвенных индикаторов позволяет говорить о наличии устойчивого системного неравенства в доступе к дошкольному образованию.

Большинство стационарных дошкольных образовательных организаций сосредоточено в городских центрах, характеризующихся более высокой плотностью населения и большей доступностью финансовых и кадровых ресурсов [17; 21]. Строительство новых объектов дошкольной инфраструктуры также преимущественно осуществляется в городской местности, что усиливает дисбаланс территориального развития системы дошкольного образования. В сельских районах, особенно в горной местности, ключевыми барьерами доступности дошкольного образования остаются: отсутствие учреждений в малых населенных пунктах, их ограниченная вместимость, а также низкая транспортная доступность, обусловленная состоянием дорожной сети и сложными природно-климатическими условиями [17].

Сельские дошкольные образовательные организации Республики Таджикистан в наибольшей степени испытывают дефицит квалифицированных педагогических кадров, что проявляется как в количественной недостаточности специалистов, так и в несоответствии уровня их профессиональной подготовки современным требованиям дошкольного образования [17]. Дополнительными факторами, осложняющими организацию образовательного процесса, выступают высокая педагогическая нагрузка, обусловленная работой с разновозрастными группами, а также ограниченный доступ педагогов к программам повышения квалификации и методической поддержке. Низкий уровень оплаты труда снижает профессиональную мотивацию педагогических работников, а недостаточное финансирование препятствует обновлению материально-технической и дидактической базы дошкольных учреждений в сельской местности [21].

Преодоление выявленных структурных барьеров предполагает необходимость выхода за рамки традиционной модели стационарного детского сада и обращения к гибким, контекстно адаптированным формам организации дошкольного образования, учитывающим демографические, территориальные и социокультурные особенности сельских районов Республики Таджикистан. В качестве перспективных направлений могут рассматриваться следующие модели.

Семейные и общественные дошкольные группы. Данная модель, основанная на малой наполняемости групп и интеграции семейного воспитания с профессиональной педагогической поддержкой, получает теоретиче-

ское обоснование в концепции социальной ситуации развития Л.С. Выготского [3], а также в исследованиях, подчеркивающих роль эмоционально насыщенного общения в раннем детстве [8; 14]. Реализация данной формы позволяет опираться на естественные виды деятельности ребенка (игра, бытовое взаимодействие), осуществляемые в привычной для него социальной среде.

Мобильные дошкольные программы. Организация регулярных выездов педагогических работников с комплектами универсальных образовательных и дидактических материалов в труднодоступные и малонаселенные пункты рассматривается как один из немногих эффективных способов обеспечения педагогического сопровождения детей дошкольного возраста в условиях пространственной разобщенности. Данная модель соотносится с идеей гибкой и адаптивной образовательной среды, ориентированной на изменяющиеся условия обучения [2].

Вариативные модели дошкольного образования (кратковременные группы, семейные центры). Ключевым принципом данных моделей выступает признание равноценности различных организационных форм дошкольного образования при соблюдении минимальных требований к его качеству и результатам [1]. Эффективность их реализации в сельских районах Таджикистана во многом определяется учетом культурно-специфических особенностей, включая традиции коллективного воспитания и тесных родственных связей, характерных для таджикской сельской культуры [13].

Национальные стратегические документы в сфере образования декларируют приоритет расширения охвата дошкольным образованием и развития гибких, вариативных форм его организации, прежде всего в сельской местности [11; 12]. Вместе с тем на уровне практической реализации данных положений сохраняются существенные ограничения, обусловленные недостаточностью финансирования, а также слабой развитостью системы методического сопровождения педагогических кадров и образовательных организаций.

Значимую роль в разработке, апробации и распространении альтернативных моделей дошкольного образования в Республике Таджикистан играют международные организации, в частности ЮНИСЕФ и ЮНЕСКО, осуществляющие подготовку педагогических кадров, разработку методических материалов и продвижение практик, ориентированных на качество педагогического взаимодействия и раннее развитие детей [17; 21].

Проведенный анализ позволяет нам заключить, что рост агрегированных показателей охвата дошкольным образованием в Таджикистане не привел к преодолению устойчивого городско-сельского разрыва в доступе к образовательным услугам для детей дошкольного возраста. Данный раз-

рыв имеет комплексный характер и обусловлен совокупностью инфраструктурных, кадровых и финансово-экономических факторов.

Перспективным направлением решения обозначенной проблемы выступает сочетание институциональных реформ, направленных на увеличение объемов финансирования, улучшение условий труда педагогических работников и развитие дистанционных форм повышения квалификации, с системным внедрением научно обоснованных альтернативных моделей дошкольного образования, адаптированных к условиям сельской местности.

Соответственно, повышение доступности качественного дошкольного образования в сельских районах Республики Таджикистан возможно на основе перехода от парадигмы универсальной инфраструктурной модели к парадигме вариативных образовательных услуг, ориентированных на обеспечение качества педагогического взаимодействия и учет локального социально-культурного контекста.

Проведенный анализ показал, что проблема доступности качественного дошкольного образования в сельских районах Республики Таджикистан сохраняет системный и многофакторный характер, несмотря на положительную динамику общих показателей охвата детей дошкольными образовательными услугами. Увеличение агрегированных статистических показателей не устраняет устойчивый городско-сельский разрыв, обусловленный совокупностью инфраструктурных, кадровых и финансово-экономических ограничений.

Установлено, что ключевыми барьерами развития системы дошкольного образования в сельской местности выступают недостаточная обеспеченность стационарными дошкольными учреждениями, дефицит квалифицированных педагогических кадров, высокая нагрузка на специалистов, а также ограниченный доступ к методической и материально-технической поддержке. В данных условиях традиционная модель стационарного детского сада не в полной мере отвечает потребностям территориально разобщенных и малонаселенных сельских сообществ.

Обосновано, что перспективным направлением повышения доступности дошкольного образования является внедрение научно обоснованных альтернативных и вариативных моделей, ориентированных на гибкость организационных форм, качество педагогического взаимодействия и учет социокультурных особенностей сельской местности Таджикистана. Эффективность данных моделей во многом определяется их институциональной поддержкой со стороны государства, развитием системы подготовки и повышения квалификации педагогических кадров, а также координацией усилий национальных и международных образовательных организаций [17; 19; 22].

В целом результаты исследования подтверждают необходимость перехода от преимущественно инфраструктурного подхода к развитию дошкольного образования к парадигме вариативных образовательных услуг, обеспечивающих равный старт детям независимо от места проживания и способствующих снижению социального неравенства в условиях Республики Таджикистан.

На основании проведенного анализа могут быть предложены следующие практические рекомендации для органов управления образованием Республики Таджикистан:

1. Развитие территориально адаптированных моделей дошкольного образования. Представляется целесообразным учитывать особенности сельских территорий, включая рассредоточенность детского населения, транспортную доступность и социально-экономические условия [10; 15]. В этом контексте может быть рекомендовано расширение практики внедрения альтернативных и вариативных форм дошкольного образования наряду с традиционными стационарными учреждениями.

2. Укрепление кадрового потенциала и профессиональной поддержки педагогов. Может быть рекомендовано создание условий для повышения мотивации педагогов, включая финансовые и социальные стимулы, а также развитие дистанционных и смешанных программ повышения квалификации [4; 9]. Особое внимание следует уделять педагогам, работающим в малых и удаленных сельских населенных пунктах.

3. Развитие системы методического сопровождения и мониторинга качества. Представляется целесообразным усиление методической поддержки педагогов, работающих в вариативных формах дошкольного образования, а также внедрение инструментов мониторинга, ориентированных на качество педагогического взаимодействия и развитие ребенка.

4. Учет социокультурного контекста при реализации программ дошкольного образования. Целесообразно учитывать локальные традиции коллективного воспитания, семейные практики и культурные особенности сельских сообществ [5; 13], что может способствовать повышению социальной приемлемости и устойчивости внедряемых образовательных моделей.

Литература

1. Асмолов А.Г. Вариативное образование в изменяющемся мире // Психологическая наука и образование. – 2019. – Т. 24. - № 5. – С. 5–12.
2. Веракса Н.Е. Развивающее дошкольное образование: современные тенденции и вызовы // Современное дошкольное образование. – 2018. – № 5. – С. 4–12.
3. Выготский Л.С. Психология развития человека. – М.: Смысл, 2005. – 432 с.
4. Загвязинский В.И. Педагогика: учебник для вузов. – М.: Академия, 2012. – 352 с.

5. Зверева О.Л., Ганичева А.Н. Семейная педагогика и домашнее воспитание детей раннего и дошкольного возраста . – М.: Сфера, 2009. – 256 с.
6. Каримова И.Х. Образование в Таджикистане: состояние, проблемы и перспективы. – Душанбе: Шарки озод, 2019. – 180 с.
7. Козлова С.А., Куликова Т.А. Дошкольная педагогика: учебник. – 16-е изд. – М.: Академия, 2015. – 416 с.
8. Лисина М.И. Проблемы онтогенеза общения. – М: Педагогика, 1986. – 144 с.
9. Мухина В.С. Возрастная психология: феноменология развития. – 13-е изд. – М.: Академия, 2011. – 656 с.
10. Назаров Т.А. Социально-экономическое развитие сельских территорий Таджикистана. – Душанбе: Дониш, 2021. – 198 с.
11. Национальная стратегия развития образования Республики Таджикистан до 2030 года /Министерство образования и науки Республики Таджикистан.. – Душанбе, 2020. – 60 с.
12. Отчет о развитии системы образования за 2025 год / Министерство образования и науки Республики Таджикистан. – Душанбе, 2025. – 48 с.
13. Рахимов С. Традиции семейного воспитания в таджикской культуре. – Душанбе: Ирфон, 2018. – 216 с.
14. Смирнова Е.О. Общение дошкольников с взрослыми и сверстниками. – М.: Мозаика-Синтез, 2014. – 192 с.
15. Юсупова Г.Н. Проблемы охвата дошкольным образованием в регионах Центральной Азии // Вестник педагогической науки. – 2022. – № 3. – С. 44–51.
16. Analysis of Early Childhood Development Situation in Tajikistan / UNICEF. – Dushanbe: UNICEF, 2021. – 64 p.
17. Avesta.tj. Охват дошкольным образованием в Таджикистане вырос до 30% [Электронный ресурс]. – 2026. – URL: <https://avesta.tj> (дата обращения: 01.02.2026).
18. Bronfenbrenner U. The Ecology of Human Development: Experiments by Nature and Design. – Cambridge: Harvard University Press, 1979. – 330 p.
19. Early Childhood Education and Care Policy in Central Asia / OECD. – Paris: OECD Publishing, 2022. – 112 p.
20. Heckman J.J. The Economics of Human Potential: Invest in Early Childhood Development // Science. – 2006. – Vol. 312. - № 5782. – P. 1900–1902.
21. Tajikistan: Early Childhood Education Sector Analysis / World Bank. – Washington, DC: World Bank, 2020. – 78 p.
22. UNESCO. Global Education Monitoring Report 2023: Technology in Education / UNESCO. – Paris : UNESCO, 2023. – 396 p.

ACCESSIBILITY OF PRESCHOOL EDUCATION IN RURAL AREAS OF TAJIKISTAN: BARRIERS AND ALTERNATIVE MODELS

Rustamova Gulbakhor Abdurashidovna

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
of the Department of Pedagogy, Psychology and Teaching Methods
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 901 70 75 55 (m.)
gulbakhor_i@mail.ru

The article examines the issue of access to preschool education in rural areas of the Republic of Tajikistan, driven by its key role in forming human capital, developing a child's cognitive and socio-emotional competencies, and reducing social inequality. The relevance of the research is defined by the fact that, despite the growth in the overall coverage of children with preschool education services, a significant urban-rural gap persists, limiting equal starting opportunities for children. The purpose of the work is to identify structural barriers hindering access to preschool education in rural districts and to justify the effectiveness of alternative models for organizing the educational process. The theoretical foundation of the research relies on the cultural-historical theory, concepts of developmental learning, and approaches to educational variability, which recognize the equal value of different forms of obtaining educational services while adhering to quality standards. Empirical analysis showed that the main constraints are insufficient infrastructure, a shortage of qualified teachers, and limited funding. As a solution, the introduction and scaling of flexible preschool education models are considered, including family and community groups, mobile programs, and short-term centers adapted to the local socio-cultural context. The conclusion is drawn about the need to combine institutional reforms with the development of innovative pedagogical practices aimed at improving the quality of educational interaction and ensuring an equal start for all children, regardless of their place of residence.

Keywords: preschool education; accessibility; rural areas; Tajikistan; alternative models; human capital; social inequality.

ДАСТРАСИИ ТАҲСИЛОТИ ТОМАКТАБӢ ДАР ДЕҲОТИ ТОҶИКИСТОН: МОНЕАҲО ВА МОДЕЛҲОИ АЛТЕРНАТИВӢ

Рустамова Гулбахор Абдурашидовна

номзади илмҳои педагогӣ, дотсенти
кафедраи педагогика, психология ва усулҳои таълим
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М.Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 901 70 75 55 (м.)
gulbakhor_i@mail.ru

Мақола масъалаи дастрасии таълими томактабиро дар водихои деҳоти Ҷумҳурии Тоҷикистон меомӯзад, ки ба сабаби нақши муҳимми он дар шаклгирии сармояи инсонӣ, инкишофи малакаҳои идрокӣ ва иҷтимоӣ-ҳиссии кӯдак, инчунин дар коҳиши нобаробарии иҷтимоӣ аҳамияти он зиёд аст. Аҳамияти тадқиқот аз он иборат аст, ки гарчанде фаро гирифтани кӯдакон бо хидматҳои таълимии томактабӣ афзоиш ёфтааст, вале фосилаи назарраси шаҳр-деҳот боқӣ мондааст, ки имкониятҳои баробарро барои кӯдакон маҳдуд мекунад. Мақсади кор шиноختи монетаҳои сохторӣ мебошад, ки ба дастрасии таълимоти томактабӣ дар ноҳияҳои кишлоқ роҳ намегузоранд. Пойгоҳи назариявии тадқиқот ба назарияи фарҳангӣ-таърихӣ, консепсияҳои таълимии инкишофӣ ва мафҳумҳои тағйирёбии таълимӣ таъна мекунад. Таҳлили таҷрибавӣ нишон дод, ки маҳдудиятҳои асосӣ ин инфраструктураи норасо, камбудии муаллимони ихтисосманд ва маблағгузориҳои маҳдуд мебошанд. Ҳамчун ҳалли масъала ворид намудан ва андозагузориҳои модели фароҳии таълимоти томактабӣ, аз ҷумла гурӯҳҳои оилавӣ ва ҷамъиятӣ, барномаҳои мобилӣ ва марказҳои муваққатӣ ба назар гирифта мешавад, ки ба контексти ҷамъиятӣ-фарҳангии маҳаллӣ мувофиқ гаштаанд. Ба хулоса омада шуд, ки бояд омезиши ислоҳоти сохторӣ бо инкишофи амалиёти инноватсионии педагогӣ, ки ба баланд бардоштани сифати муомилаи таълимӣ ва таъмин намудани оғози баробарии таълим барои ҳамаи кӯдакон, новобаста аз ҷои истиқомат равона шудааст.

Калидвожаҳо: таълими томактабӣ; дастрасӣ; деҳот; Тоҷикистон; кӯдакон; сармояи инсонӣ; нобаробарии иҷтимоӣ.

УДК 373.22:502

ИГРОВЫЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ К ПРИРОДЕ У ДОШКОЛЬНИКОВ

Курбонова Зарина Ширинбековна

кандидат педагогических наук, старший преподаватель
кафедры педагогики, психологии и методики преподавания
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 919 40 09 58 (м.)
kzarinash75@gmail.com

В статье рассматривается проблема экологического воспитания детей дошкольного возраста в контексте современных педагогических подходов. Обоснована актуальность формирования ценностного отношения к природе как основы экологически грамотного поведения, а не только усвоения знаний и правил. Показано, что экологическое воспитание выходит за рамки элементарных запретов и разрозненных действий и предполагает развитие у ребёнка эмоциональной отзывчивости, эмпатии, осознания ценности жизни и готовности к экологическому действию. Особое внимание уделяется игре как ведущей деятельности дошкольного возраста и эффективному инструменту экологического образования. Раскрывается сущность игровых экологических технологий, их структура и педагогический потенциал, позволяющий объединить эмоции, опыт и смысл в целостный воспитательный процесс. В статье выделены ключевые уровни развития личности ребёнка (эмоционально-нравственный, познавательный, деятельностный, коммуникативный и регулятивный), формируемые в процессе экологических игр.

Представлена классификация игровых экологических технологий (сюжетно-ролевые игры, квесты, эксперименты, театрализация, наблюдения, дидактические и режимные игры) и раскрыты особенности их применения в образовательной практике. Подчёркивается значимость системности и регулярности экологических действий, а также роли педагога как организатора смысловых ситуаций выбора. Сделан вывод о том, что экологическое воспитание посредством игры способствует становлению внутренней экологической позиции ребёнка и формированию основ ответственной и гуманной культуры поведения.

Ключевые слова: экологическое воспитание; дошкольный возраст; игровая деятельность; ценностное отношение; экологическое сознание; эмпатия к природе; педагогические технологии; экологические игры; ответственность; бережное поведение.

Понимание необходимости экологического воспитания стало приходить в 2000-х годах, когда первые отголоски природных стихий и ката-

клизмов стали открыто заявлять о себе. Именно тогда ученые стали говорить об интеграции элементов экологического воспитания в учебно-образовательный процесс. Полезные действия, которые совершал ребенок (поливал цветы, кормил «братьев меньших»), совершались не из собственных побуждений, а под контролем взрослого. Как только исчезал контроль, можно было раздавить муравья, сломать ветку и т.д. С момента, когда ученые ввели понятие «экологическое воспитание» в педагогическом процессе, оно переросло из простого действия «не ломай ветки», «не мусори», «покорми птиц зимой» в понимание чего-то более объемного и значимого [4; с.78].

Стоит отметить, что ценностное отношение берет начало не с правил, а с переживания «мне важно», «это живое», «я могу помочь». Бесспорно, в дошкольном возрасте лекции и их прослушивание не могут принести определенный эффект, только «действие, пропускаемое через себя», «действие, в которое интегрируется ребенок» приносит пользу. К таким действиям следует отнести игры, самостоятельный опыт и маленькие выборы [9; с.180].

В подобной ситуации перед воспитателем возникает дилемма, которую необходимо решить:

- не пугать ребенка понятием «природа гибнет»;
- не преподносить понятие «экология» как комплекс запретов;
- не превращать экологические действия в одноразовые действия [12, с.19].

Все вышеуказанные моменты следует преобразовать в устойчивую поведенческую позицию, положенную в основу экологически грамотного поведения.

Общеизвестно, что ведущей деятельностью дошкольного возраста считается игра и игровая деятельность. А потому, игровые технологии выступают действенным способом воспитания *чувствующего и ответственного поколения* [17; с.200].

Часто, когда разговор касается тематики экологического воспитания, можно услышать вопрос «Чем отличается экологическое воспитание от ознакомления с окружающим миром? Мы же знакомим с названиями представителей флоры и фауны, объясняем правила поведения в природе. И в процессе экологического воспитания происходит то же самое. Разницы нет». Но..., в понимание «ценностное отношение к природе» при экологическом воспитании мы не просто вкладываем знания о природных объектах, понимание, что это «красиво», а учим взаимодействовать с природой, как с партнером [20; с.100]. У дошкольника следует выделить ключевые признаки ценностного отношения:

- эмоциональная отзывчивость (умеет замечать живое и реагировать на него, сочувствует больным и замерзшим листьям, птицам, цветам, радуется проросшему ростку и т.д.);
- признание ценности жизни (внутренняя настройка на бережность, или «оно живое – это не вещь»);
- потребность взаимодействовать с природой (потрогать, помочь, вырастить, заботиться, узнавать, это не просто наблюдение, а рассмотрение);
- готовность к экологическому действию в доступной форме (уборка мусора, экономия воды, правильное обращение с растениями) [3, с.22].

Здесь можно выделить другое, действие совершается не под страхом наказания, а потому что «так правильно по отношению к живому». Взрослея, мы привыкаем к стандартным выражениям, обращениям, убеждениям. Дошкольник, в отличие от взрослого не может так поступать, первое место в его поступках занимает нравственный ориентир, мораль: «добро - это бережь», «живое нельзя обижать», «я могу быть полезным».

Мир ребенка глубоко в корне отличен от мира взрослого. Там, где взрослый может объяснить и понять, принять действие к исполнению посредством слова, ребенок остается пассивен, так как ему необходимо жить в мире действий. Игра для ребенка – не отдых, а сама жизнь (в форме, которая ему понятна и по силам) [1, 96 с.].

За прошедшее время и во многих исследованиях игра была изучена «вдоль и поперёк» - изучена структура, формы, виды, принципы, методы, технологии. И все же стоит обратить внимание на некоторые особенности, позволяющие считать её специфическим инструментом экологического образования:

- *игра приносит переживание, а не инструкцию.* Стоит привести в подтверждение идеи конфуцианской педагогики [6, с.32]:

Скажи мне - и я забуду,
покажи мне - и я запомню,
дай мне сделать - и я пойму.

Лишь в действии ребенок проживает ситуацию и эмоционально закрепляет смысл.

- *в игре можно всё!* Только в ней ребенок может стать лесником, пожарником. В игре роль сильнее влияет на поведение, чем словесное объяснение.

- *игра рождает внутреннюю мотивацию.* Только здесь действие проходит по желанию, в тесной связи с интересами ребенка.

- *в игре знания и поведение объединяются.* В этом случае ребенок подбирает правильное решение.

- *в игре рождается коллектив.* Только так ребенок учится ответственному отношению в природе (вместе, а не в одиночку) [18, с.76].

Услышав слово «технология», мы связываем его с техникой, разнообразными гаджетами, с техникой действий. «Педагогическая технология» же представляет собой систему, прогнозирующую результат: цепочка действий, которую можно повторить, усложнить и развить.

«Игровые экологические технологии» - это игровые формы, которые организуются педагогом и помогают ребёнку [18, с. 120]:

- эмоционально принять ценность природы,
- освоить способы бережного взаимодействия,
- закрепить экологически грамотные привычки,
- пережить опыт заботы и ответственности.

Если представить данные технологии в виде схемы, то выглядит это следующим образом: **игра + смысл + опыт**.

Эти технологии имеют три опоры:

1. Игровой сюжет (миссия, история, проблема). Например: «в лесу пропали семена», «река просит помощи», «птицы ищут дом».

2. Экологическое содержание (понятие, явление, связь): «причины мусора», «круговорот воды», «сезонные изменения», «потребности живых существ», «правила безопасного поведения».

3. Ценностный результат (чувство, позиция, выбор) - не просто «узнал», а: «я понял, что живому трудно», «я помог», «я выбрал бережный способ».

Если обратить внимание на роль и значение экологических игровых технологий в воспитании ребенка с учетом профессионального подхода, то следует отметить несколько уровней развития ребёнка:

1) эмоционально-нравственный уровень (формирование эмпатии к живому, принятие идеи «не навреди», переживание радости от заботы).

2) познавательный уровень (понимание простых закономерностей природы, развитие наблюдательности, умение задавать вопросы («почему так?»), элементарные причинно-следственные связи).

3) деятельностный уровень (способы заботы о растениях и животных, экологичные бытовые привычки в группе и дома, умение действовать по правилам безопасности).

4) коммуникативный уровень (договорённости в совместной игре, распределение ролей, уважение к действиям других («не мешай, мы спасаем»)).

5) регулятивный уровень (способность доводить дело до конца, следовать правилам игры, принимать ограничения («нельзя рвать», «нельзя шуметь у гнезда»)) [20, с.165].

Основываясь на данных фактах, назовем «экологию посредством игры» одним из инструментов развития личности ребенка.

Часто под экологической игрой понимают игровые действия на свежем воздухе. Это не совсем так. Для того, чтобы сформировалось понимание «экологическое сознание» [15, с.22], следует опираться на принципы:

- *живое – не игрушка*. Нельзя растения и животных применять как атрибуты. В этом случае ребенок будет учиться осторожности с учетом смысла;

- *в игре должен быть выбор*. Маленький выбор («помочь, или пройти мимо») – шаг к собственной позиции;

- *реальность действий*. Слова не должны «расходиться» с действиями. Когда дети собирают мусор, кормят птиц, поливают рассаду, появляется опыт «я могу»;

- *эмоции рождают личное знание*. Сначала - переживание: удивление, забота, сочувствие. Потом - объяснение.

- *отсутствие «ужасов»*. Нельзя пугать словами «природа погибает», «мы виноваты». Необходимо совершать мини-действия – и результат в действии [17, с.220].

Чтобы представить более полную картину игровых технологий, рассмотрим каждую форму в отдельности, что позволит разделить их функции:

1. *сюжетно-ролевые экологические игры*. Помогают при закладке ценностей и формировании поведения (ребенок в данном случае «проживает роль»). Это может быть и садовник, и разведчик, и исследователь, и ветеринар.

2. *дидактические игры экологического содержания*. Помогают в формировании полных знаний и их систематизации.

3. *игры - эксперименты*. В них рождаются эмоции и понимание сути наблюдаемых явлений и причин.

4. *театрализация и сказкотерапевтические сюжеты*. Дают эмоциональную глубину и нравственный смысл: персонажи природы, истории про заботу, выбор, последствия.

5. *подвижные игры с экологическими правилами* – закрепление правил поведения в природе.

Рассмотрим на примере одну из форм. Перед воспитателем стоит задача: уборка участка. Можно дать задание: «Сегодня будем очищать участок от мусора» [13, с.220].

Но можно организовать дидактическую игру экологического содержания: «Сегодня играем в разведчиков. Ищем участки и объекты природы, которым нужна наша помощь» и помогаем вначале обратить внимание на мусор и траву под ним. Вопрос и действие: - Как помочь траве? Что надо сделать? Как мы ей поможем?

Через такие простые действия у ребёнка появляется важная мысль: «природа - это место, за которое я отвечаю».

Несмотря на успешность применяемых методик, следует выделить основную допускаемую ошибку – фрагментарность и редкость. Сегодня сделали поделку из листьев, завтра провели беседу про мусор, послезавтра понаблюдали за снегом. Это всё неплохо, но ценностное отношение так не формируется. Оно появляется, когда ребёнок **много раз проживает одну и ту же идею в разных ситуациях** и каждый раз делает маленький выбор в пользу бережности [20, с.120].

Чтобы избежать этого, воспитатель должен строить «цепочку действий», связанных логически и содержащих регулярность. Приведем примеры:

Технология №1.

Сюжетно-ролевые игры «Я - помощник природы».

Это один из самых сильных форматов для дошкольников, потому что он даёт главное: **роль + ответственность + действие.**

Примеры ролей: лесник (следит за порядком, защищает растения); садовник (ухаживает за ростками); ветеринар (помогает животным); спасатель (выручает птиц и насекомых); исследователь (наблюдает и записывает).

Ход игры: Ребёнок примеряет позицию взрослого, который заботится о природе. И постепенно переносит её в обычную жизнь: «я не просто играю, я реально могу помочь».

Мини-сценарий на 5–7 минут (для прогулки).

«Сегодня мы - *друзья парка*. Ветер оставил на дорожке бумажку, а веточки лежат у скамейки. Что из этого мусор, а что - часть природы? Друзья парка не путают. Бумажку убираем, веточки относим в «уголок домика для жучков»».

Правила:

- роль не должна быть «командирской», лучше - заботливой;
- ребёнок получает право действовать, но в рамках правил безопасности;
- педагог не читает морали, он подсказывает «как бы поступил настоящий лесник».

Технология №2.

Экологические квесты и миссии «Найди, помоги, сохрани».

Квест - это идеальный формат, когда нужно удержать внимание группы и дать ощущение настоящей задачи.

Структура экологического квеста:

1. Проблема (в игре): «лес потерял чистоту», «птицы ищут жильё», «река обиделась».
2. Маршрут / этапы (3–6 точек): на участке, в группе, в холле.
3. Задания: сортировать, найти, сравнить, спасти, построить.

4. Финал: «природа благодарит», «мы команда», «у нас получилось».

Пример квеста для средней/старшей группы: «Спасаем двор от мусорного ветра»

Этап 1: «Найди мусор» - дети в перчатках собирают безопасные предметы (педагог заранее проверяет участок).

Этап 2: «Куда что?» - сортировка: бумага отдельно, пластик отдельно, природные материалы отдельно.

Этап 3: «Что делать с природным?» - листья/веточки в компостный уголок или в «домик для насекомых».

Этап 4: «Знак бережности» - дети ставят табличку/значок «чистый двор» (игровой символ).

Почему квест развивает ценности: он создаёт ощущение: природа - не абстракция, она рядом, и я могу влиять на её состояние.

Технология №3.

Игры-эксперименты «Мини-лаборатория природы».

Экологическое мышление начинается с понимания простых связей: вода нужна растениям, почва бывает разной, свет влияет на рост. Это лучше всего закрепляется через маленькие эксперименты, которые выглядят как фокус, но дают реальное открытие.

Примеры безопасных опытов:

-«Какая почва удерживает воду лучше?» (песок/земля/вата в прозрачных стаканах);

-«Почему листья вянут без воды?» (наблюдение за веточкой в сухом и влажном стакане);

-«Как вода очищается?» (простая фильтрация через марлю/песок - под контролем взрослого);

-«Почему растения тянутся к свету?» (росток у окна и в более тёмном месте).

Ключевой приём: в конце опыта всегда звучит детский вывод:

-«Значит, цветку нужна вода»;

-«Значит, землю нельзя топтать бесконечно»;

-«Значит, воду лучше не пачкать, чтобы не очищать долго».

Эксперимент делает экологию понятной: ребёнок видит не «надо», а «почему».

Технология №4.

«Экотропа» и игры-наблюдения на участке.

Экотропа - это не обязательно сложный маршрут. В детском саду это может быть постоянный набор точек, куда группа возвращается снова и снова:

- дерево-наблюдение,
- клумба,
- кормушка,

- «уголок компоста»,
- место, где видно муравейник (если есть),
- лужа/ручей после дождя (в безопасной зоне).

Игра-наблюдение строится просто:

«Мы - следопыты. Сегодня ищем признаки сезона. Что изменилось? Что появилось? Что исчезло?».

Примеры заданий: найти 3 звука природы (шорох, птица, ветер), найти 2 оттенка зелёного, заметить, какие следы есть на снегу/грязи, проверить, кому нужна помощь (растению сухо? кормушка пуста?).

Почему это работает на ценности: ребёнок учится видеть, замечать, заботиться. А ценность начинается с внимания.

Технология № 5.

Настольно-дидактические игры с экологическим смыслом.

Дидактические игры нужны, когда важно аккуратно «уложить» знания в голове ребёнка: кто где живёт, что кому нужно, что бывает опасно.

Но здесь есть тонкость: **дидактика сама по себе ценности не создаёт**, она только поддерживает их. Поэтому её лучше «вшивать» в сюжет или делать короткой.

Примеры удачных форматов:

- «Кому что нужно для жизни?» (вода, еда, тепло, дом),
- «Чей дом?» (гнездо, нора, дупло),
- «Можно - нельзя в природе» (без запугивания, через ситуацию),
- «Собери цепочку заботы» (что делать, чтобы растению было хорошо).

Приём оживления: педагог говорит не «правильно/неправильно», а «поможет/навредит». Это сразу переводит ситуацию в ценностную плоскость.

Технология № 6.

Театр, сказка и игровые истории «Природа говорит».

Сказка - мощнейший инструмент в дошкольном возрасте, потому что ребёнок переживает смысл сердцем. Особенно хорошо работают истории, где природа выступает персонажем: дерево, речка, птица, ёжик.

Варианты:

- мини-инсценировки на 7–10 минут,
- настольный театр,
- «театр на ладошках»,
- кукольные диалоги,
- рассказывание историй по картинкам.

Пример короткой сценки: Речка: «Мне тяжело, когда в меня бросают мусор. Я тогда не могу быть чистой». Дети: «Мы поможем! Мы поста-

вим знак! Мы будем убирать берег!». И это не морализаторство - это проживание.

Смысловой плюс театра: он помогает говорить о сложных вещах мягко и без давления.

Технология №7.

«Зелёная мастерская»: творчество из безопасных вторичных материалов.

Творчество любят почти все дети. Но в экологическом воспитании важно, чтобы оно не превращалось в «поделки ради поделок».

Экологический смысл мастерской:

- дать ребёнку идею повторного использования,
- показать ценность материалов,
- сформировать аккуратность и экономность.

Примеры заданий:

- сделать кормушку из коробки (под контролем взрослого),
- «домик для насекомых» из веточек и шишек,
- аппликации из бумажных обрезков (не из новых листов),
- коллективная композиция «город без мусора».

Главное правило: **не создавать мусор ради экологии.** То есть не приносить тонны пластиковых упаковок «для творчества», а использовать умеренно и осмысленно.

Технология № 8.

Экологические привычки как игра в режимных моментах.

Это то, что часто недооценивают. А именно режимные ситуации - самое сильное поле для ценностей, потому что там есть повтор и реальность.

Что можно сделать игровым:

- экономное мытьё рук («вода - помощник, но не любит, когда её зря тратят»);
- аккуратная работа с бумагой («лист хочет стать рисунком, а не мусором»);
- уход за живым уголком («дежурные природы»);
- сбор отходов после творчества («чистая мастерская»).

Формат «дежурные природы» очень эффективен: 2 ребёнка получают значки/браслеты «Хранители зелёного уголка» и выполняют понятные задачи:

- проверить, не сухая ли земля,
- убрать лишнюю воду с поддона,
- протереть листочки влажной салфеткой,
- отметить в «календаре наблюдений», что изменилось.

Так ответственность становится не словом, а действием [10, с.80].

Игровые экологические технологии - это один из самых естественных и бережных путей формирования ценностного отношения к природе у до-

школьников. Через сюжет, роль и действие ребёнок не просто узнаёт факты о мире, а проживает важные смыслы: «живое чувствует», «природа нуждается в заботе», «я могу помочь». Именно игра соединяет эмоцию, опыт и привычку, а значит, помогает перейти от внешних правил («так сказали взрослые») к внутренней позиции («так правильно»). Наиболее устойчивый результат даёт система: регулярные игровые ситуации, реальные добрые дела и мягкое обсуждение итогов. В такой модели экологическое воспитание перестаёт быть «занятием по теме» и становится частью повседневной культуры ребёнка - внимательной, ответственной и человеческой.

Литература

1. Выготский Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте. - СПб.: Союз, 1997. - 96 с.
2. Выготский Л.С. Психология развития человека. - М.: Смысл, 2005. - 512 с.
3. Зверев И.Д. Экологическое образование и воспитание: узловые вопросы // Экологическое образование: концепции и технологии: сб. науч. тр. - Волгоград: Перемена, 1996. - С. 12–27.
4. Иванова А.И. Экологическое воспитание дошкольников. - М.: Просвещение, 2012. - 128 с.
5. Козлова С.А. Теория и методика ознакомления дошкольников с социальной действительностью. - М.: Академия, 2002. - 160 с.
6. Конфуций. Изречения. Беседы и суждения/ пер. с кит. - М.: Мысль, 1999.
7. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. - М.: Политиздат, 1975. - 304 с.
8. Макаренко А.С. Книга для родителей. - М.: Просвещение, 1985. - 256 с.
9. Николаева С.Н. Теория и методика экологического воспитания дошкольников. - М.: Издательский центр «Академия», 2013. - 272 с.
10. Николаева С.Н. Юный эколог. Программа экологического воспитания в детском саду. - М.: Мозаика-Синтез, 2010. - 107 с.
11. Рыжова Н.А. Наш дом - природа. Программа экологического образования дошкольников. - М.: ИСАР, 1998. - 64 с.
12. Рыжова Н.А. Экологическое воспитание дошкольников с позиции новой парадигмы // Дошкольное воспитание. - 2001. - № 7. - С. 14–19.
13. Рыжова Н.А. Экологическое образование в детском саду. - М.: Издательский дом «Карпуз», 2001. - 432 с.
14. Сухомлинский В.А. Сердце отдаю детям. - Киев: Радянська школа, 1977. - 384 с.
15. Стошкус К. О понятии экологической культуры общества // Проблемы формирования современной экологической культуры. - Вильнюс: Институт философии, социологии и права АН Литовской ССР, 1987. - С. 22–41.
16. Теплов Б.М. Психология музыкальных способностей. - М.: Наука, 1947. - 335 с.
17. Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания. - М.: Педагогика, 1988. - 480 с.
18. Эльконин Д.Б. Психология игры. - 2-е изд. - М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1999. - 360 с.
19. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. - М.: Прогресс, 1996. - 344 с.
20. Ясвин В.А. Психология отношения к природе. - М.: Смысл, 2000. - 456 с.

GAME ENVIRONMENTAL TECHNOLOGIES AS A MEANS OF DEVELOPING A VALUE RELATIONSHIP TO NATURE IN PRESCHOOLERS

Kurbonova Zarina Shirinbekovna

Candidate of Pedagogical Sciences, Senior lecturer
of the Department of Pedagogy, Psychology and Teaching Methods
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M.Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 919 40 09 58 (m.)
kzarinash75@gmail.com

The article examines the problem of environmental education of preschool children in the context of modern pedagogical approaches. The relevance of the formation of a value attitude towards nature as the basis of environmentally sound behavior, and not only the assimilation of knowledge and rules, is substantiated. It is shown that environmental education goes beyond elementary prohibitions and disparate actions and involves the development of a child's emotional responsiveness, empathy, awareness of the value of life and readiness for environmental action. Special attention is paid to the game as a leading activity of preschool age and an effective tool for environmental education. The article reveals the essence of game ecological technologies, their structure and pedagogical potential, which allows combining emotions, experience and meaning into a holistic educational process. The article highlights the key levels of the child's personality development (emotional, moral, cognitive, activity, communicative and regulatory), formed in the process of environmental games. The classification of game ecological technologies (story-role-playing games, quests, experiments, theatricalization, observations, didactic and mode games) is presented and the features of their application in educational practice are revealed. The importance of consistency and regularity of environmental actions is emphasized, as well as the role of the teacher as the organizer of semantic choice situations. It is concluded that environmental education through play contributes to the formation of the child's internal ecological position and the formation of the foundations of a responsible and humane culture of behavior.

Keywords: environmental education; preschool age; play activities; value attitude; environmental awareness; empathy for nature; pedagogical technologies; environmental games; responsibility; careful behavior.

ХУСУСИЯТҲОИ ТАШАККУЛИ ШАХСИЯТ ДАР ДАВРАИ СИННИ ТОМАКТАБӢ: ИМКОНОТ ВА ХАТАРҲО

Курбонова Зарина Ширинбековна

номзади илмҳои педагогӣ, омӯзгори калони
кафедраи педагогика, психология ва методикаи таълим
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М.Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 919 40 09 58 (м.)
kzarinash75@gmail.com

Вазъияти мунтазами изтироб, ки аз омилҳои беруна бармеояд, боиси халалдоршавӣ дар раванди ташаккули шахсияти кӯдакони синни томактабӣ гардида, истифодаи равишҳои махсуси педагогӣ ва психологиро тақозо менамояд.

Мақола ба таҳлили хусусиятҳои ташаккули шахсият дар давраи томактабӣ бахшида шуда, ҳам механизмҳои дохилии рушди равонии кӯдак ва ҳам таъсири муҳити иҷтимоиро мавриди баррасӣ қарор медиҳад. Дар он равандҳои калидии психологӣ, аз ҷумла рушди худшиносӣ, соҳаи эҳсосию ҳаяҷонӣ, малакаҳои муошират ва худтанзимкунӣ, ки заминаи рушди минбаъдаи шахсиятро ташкил медиҳанд, муфассал тавсиф ёфтаанд. Таваҷҷуҳи хосса ба нақши оила, омӯзгорон ва ҳамсолон ҳамчун омилҳои асосии иҷтимоишавӣ, ки азхудкунии меъёрҳо, арзишҳо ва нақшҳои иҷтимоиро таъмин меkunанд, равона шудааст. Муаллиф ба концепсияи «12 меҳвари Худ» ҳамчун модели сохтори ташаккули ҷузъҳои шахсият, ки маҳз дар давраи томактабӣ зухур меёбанд, диққати махсус додааст. Таъсири шароити муосири иҷтимоию фарҳангӣ, муҳити рақамӣ ва барзиёдии иттилоот ба рушди ангезиш, фаъолнокии маърифатӣ ва устувории эҳсосии кӯдак таъкид шудааст. Натиҷаҳои пурсиш пешниҳод гардидаанд, ки ташаккули табиӣи меҳварҳои тавсифшударо дар шуури кӯдакон тасдиқ менамоянд. Дар фарҷом муаллиф дар бораи зарурати эҷоди муҳити мусоиди тарбиявӣ, ки рушди шахсият, мустақилият, эътимод ва муносибати мусбати кӯдаки томактабиро нисбат ба худ дастгирӣ мекунад, ҳулоса мебарорад.

Калидвожаҳо: шахсият; кӯдаки синни томактабӣ; муҳити иҷтимоӣ; меҳвари «Худ»; равандҳои маърифатӣ.

УДК 378.147.091.31:004.738.5

ЦИФРОВАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА ВУЗА КАК ФАКТОР ПРОФИЛАКТИКИ И ПРОВОКАЦИИ ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ У СТУДЕНТОВ

Турсинкулова Барчиной Хасановна

преподаватель

кафедры педагогики, психологии и методики преподавания
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 711 80 00 07 (м.)
psychologist.tj@gmail.com

В статье рассматривается цифровая образовательная среда вуза как сложная социотехническая система, способная одновременно выполнять профилактическую и провоцирующую функции в отношении интернет-зависимости студентов.

Интернет-зависимость интерпретируется как форма проблемного использования интернета, характеризующаяся утратой поведенческого контроля, ростом толерантности к онлайн-нагрузке, потребностью в постоянном увеличении времени пребывания в сети, использованием цифровой активности в качестве способа эмоциональной компенсации и снижением академической эффективности. Подчеркивается, что подобные проявления нередко маскируются под учебную занятость, что затрудняет их своевременную диагностику.

Особое внимание уделяется специфике студенческого возраста, совпадающего с периодом профессионального самоопределения, перестройки ценностных ориентаций, повышенной тревожности и необходимости самостоятельной организации образовательной деятельности. Показано, что риск формирования зависимого поведения определяется не самим фактом цифровизации обучения, а особенностями проектирования и управляемости образовательной среды: фрагментацией коммуникационных каналов, избыточными уведомлениями, режимом постоянной доступности, размытыми регламентами обратной связи и отсутствием четких временных границ учебной активности.

В статье предложена аналитическая модель влияния цифровой среды, включающая структурные параметры организации, поведенческие характеристики пользователей, психологические медиаторы (тревожность, прокрастинация, дефицит саморегуляции) и итоговые индикаторы проблемного использования. Обосновывается вывод о том, что профилактика интернет-зависимости связана не с ограничением технологий, а с оптимизацией цифровых практик, формированием норм цифровой гигиены и развитием у студентов навыков саморегуляции и осознанного использования онлайн-ресурсов.

Ключевые слова: интернет-зависимость; цифровая среда; студенты; саморегуляция; прокрастинация; тревожность; уведомления; цифровая гигиена; академическая мотивация; дезадаптация.

Интернет-зависимость студентов представляет собой сложное социально-психологическое явление, формирующееся на стыке возрастных особенностей, образовательной среды и цифровой культуры [26, с.15]. Современный интернет давно стал неотъемлемой частью повседневной жизни, переходя от функции поиска информации, средства общения к влиянию на формирование мышления, формы взаимодействия с окружающими и даже на самоощущение личности [13, с.87].

Рассматривая интернет-зависимость как проблему глобального масштаба, необходимо отметить, что зависимость заключается не в самом факте активного использования сети, а в утрате контроля над этим процессом. Студент всё чаще обращается к интернету не по учебной необходимости, а для компенсации эмоционального напряжения, ухода от трудностей, переживания одиночества или неуверенности в себе.

В таких случаях виртуальное пространство начинает выполнять функцию психологической «подпорки», заменяя реальные формы активности и общения. Постепенно формируется устойчивая потребность постоянно находиться онлайн, даже при отсутствии объективной потребности [16, с.72].

Особенность студенческого возраста заключается в том, что он совпадает с периодом активного личностного и профессионального самоопределения. В это время молодежь сталкивается с высокими учебными нагрузками, необходимостью самостоятельной организации времени, социальной адаптацией в новой среде. Интернет в этих условиях становится удобным и доступным способом быстрого получения удовольствия, признания и эмоциональной разрядки. Социальные сети, онлайн-игры, видеоплатформы создают иллюзию насыщенной жизни, при этом, не требуя значительных усилий.

Интернет-зависимость у студентов проявляется на поведенческом, эмоциональном и когнитивном уровнях [26, с.48]. На поведенческом уровне это отражается в увеличении времени, проводимом в сети, откладывании учебных заданий, нарушении режима сна и отдыха. Эмоционально студент может испытывать раздражение, тревожность или чувство пустоты при отсутствии доступа к интернету. На когнитивном уровне снижается способность к длительной концентрации внимания, ухудшается запоминание информации, появляется поверхностное отношение к учебному материалу.

Важно отметить, что интернет-зависимость нередко смешивают с учебной активностью. Работа с электронными библиотеками, образова-

тельными платформами и мессенджерами легко переходит в бесцельное «скроллинг-поведение». В результате стирается граница между продуктивной и деструктивной онлайн-деятельностью, что затрудняет осознание проблемы самим студентом.

Последствия интернет-зависимости затрагивают не только академическую успеваемость, но и общее психическое благополучие. Снижается мотивация к обучению, ослабевает интерес к реальному общению, формируется привычка избегать трудных ситуаций. Повторение этой ситуации в течение долгого времени приводит к снижению профессиональной готовности и трудностям социальной адаптации после окончания вуза.

Суть интернет-зависимости у студенческой молодежи заключается в подмене реальных форм активности виртуальными, утрате саморегуляции и смещении жизненных приоритетов. Понимание этого явления требует учета возрастных, психологических и образовательных факторов. Сам по себе интернет не является источником проблемы, однако при отсутствии навыков осознанного и целенаправленного использования он может стать серьезным препятствием для личностного и профессионального развития студента.

За последние годы цифровизация высшего образования прошла путь от вспомогательного средства к базовой организационной норме. В научной и прикладной литературе интернет-зависимость рассматривается как форма проблемного использования интернета, при которой цифровая активность начинает доминировать над другими сферами жизни, сопровождается утратой контроля, ростом толерантности (нужна большая «доза» времени онлайн), симптомами дискомфорта при ограничении доступа и социально-учебной дезадаптацией. Для студенческой молодежи риск повышается по ряду причин: возрастные особенности саморегуляции, высокая учебная нагрузка, необходимость постоянной коммуникации, поисковая и информационная активность, а также неопределенность жизненных траекторий, усиливающая стресс и желание «уйти» в цифровую среду как в более управляемое пространство.

Термин «интернет-зависимость» в научной сфере трактуется неоднозначно: часть авторов подчеркивает клиническую специфику, другие предпочитают нейтральное понятие - «проблемное использование интернета», указывая на степень выраженности [3, с.306]. Ситуация интернет-зависимости традиционно рассматривается как «точка невозврата» проблемного использования, характеризующаяся:

- потерей контроля над временем и целями онлайн-активности;
- вытеснением офлайн-деятельности;
- эмоциональной регуляцией преимущественно через интернет (снятие напряжения, уход от трудностей);
- конфликтами в учебной и социальной сферах;

- ростом толерантности и дискомфортом при ограничении доступа.

В контексте вуза часть пребывания онлайн объективно нормативна: обучение требует доступа к ресурсам и коммуникациям. Следовательно, диагностически значим не сам факт высокой «экранной нагрузки», а качество управления этой нагрузкой: осмысленность, гибкость, способность завершать цифровые эпизоды и удерживать границы.

Риск-потенциал цифровой образовательной среды проявляется не в цифровизации как таковой, а в конкретных проектных и организационных решениях, усиливающих привычку непрерывной «подключенности» и «раздергивания» внимания. Когда коммуникации в учебных чатах и на платформах строятся по принципу немедленной реакции, формируется социальное ожидание: студент «должен быть на связи». В результате даже нейтральные учебные сервисы начинают работать как триггерные стимулы: уведомление = необходимость проверить. На поведенческом уровне это близко к механизмам оперантного подкрепления: проверка смартфона снижает тревогу неопределенности («а вдруг пропущу важное?»), а иногда приносит «награду» в виде новой информации (оценка, комментариев, важное сообщение). Такое поведение быстро закрепляется.

Для большинства студентов один и тот же гаджет, канал связи обслуживает и учебные задачи, и развлекательный контент. В этом случае учебный эпизод легко «съезжает» в развлекательный: открыл платформу - увидел сообщение - ответил - проверил ленту - «на минуту» - и потерял полчаса. Чем больше учебных задач вынесено в мобильную среду без специальных режимов концентрации, тем выше вероятность непроизвольного переключения. Но при высокой частоте они начинают работать как микро-стрессоры: каждый сигнал прерывает текущую деятельность и требует решения «проверить или игнорировать». Для студентов с повышенной тревожностью и перфекционизмом это особенно критично: игнорирование воспринимается как риск ошибки, а проверка становится компульсивной. Накапливается усталость от самоконтроля, и в какой-то момент регуляция «ломается» - студент уходит в бесцельный скроллинг, где напряжение временно снижается, но учебные задачи откладываются.

Цифровая образовательная среда имеет значительный профилактический потенциал, когда проектируется с учетом психологической устойчивости и принципов цифровой гигиены. Снижение количества отдельных каналов коммуникации, единый стандарт уведомлений, понятные окна для обратной связи (например, регламент времени ответа), возможность «тихого режима» для учебных сервисов - все это непосредственно влияет на профилактику. Иначе говоря, цифровая среда может формировать у студентов норму: «учиться онлайн - не значит быть онлайн всегда».

Но, цифровая образовательная среда может выполнять одновременно две функции: защиты и зависимости. Для уточнения можно рассмотреть влияние цифровой образовательной среды по схеме: **организация среды - поведенческая характеристика - тьютор-психолог – итог**.

Подробное рассмотрение данной схемы поможет представить полную ситуацию формирования интернет-зависимости:

1. Организация среды - частота и стиль уведомлений, количество каналов, регламент коммуникации, прозрачность требований, наличие инструментов планирования, степень мобильности (ориентация на смартфон), формы контроля.

2. Поведенческая характеристика - частота проверок, многозадачность, ночное использование, переключение между учебным и развлекательным, привычка «быстрого ответа».

3. Тьютор-психолог - тревожность, стресс, истощение самоконтроля, удовлетворенность учебной коммуникацией, ощущение автономии, навыки саморегуляции, академическая мотивация.

4. Итог - признаки проблемного использования интернета, ухудшение сна, снижение учебной эффективности, рост прокрастинации, снижение субъективного благополучия.

Одновременно, стоит обратить внимание на следующую деталь - одна и та же цифровая инфраструктура может привести к разным эффектам, в зависимости от того, в каких нормах использования цифровая образовательная среда помогает планировать, завершать действия. Там, где границы размываются и поощряется постоянная реактивность, цифровая образовательная среда становится фактором риска.

Переходя от теории к практике, необходимо рассмотреть классификацию цифровой образовательной среды в блоках. Следует отметить, что она относительна:

А) Параметры цифровой образовательной среды (структурные):

- число используемых платформ/каналов по учебе;
- частота уведомлений (субъективная оценка и/или данные приложения);
- наличие регламентов коммуникации и их соблюдение;
- степень «мобильности» учебного процесса (как часто обучение идет со смартфона);
- субъективная прозрачность требований и критериев оценивания.

Б) Психологические факторы (тьюторы):

- уровень учебной тревожности и стресса;
- саморегуляция (планирование, контроль, устойчивость внимания);
- академическая мотивация и автономия;
- выраженность прокрастинации.

В) Показатели проблемного интернет-использования:

- трудности контроля времени онлайн;
- ночное использование и нарушение сна;
- частота «проверок» без явной цели;
- конфликтность (в учебе, общении, режиме дня);
- эмоциональная зависимость от онлайн-активности (как способа снять напряжение).

На уровне предположений (в будущем) можно ожидать, что высокая фрагментированность каналов и частые уведомления будут ассоциированы с более выраженными признаками проблемного использования интернета, причем частично - через рост тревожности и истощение самоконтроля [25, с.70]. Бесспорно, прозрачность требований и наличие инструментов планирования могут служить защитными факторами, усиливая саморегуляцию и снижая бессистемную онлайн-активность.

Подходя к анализу цифровой образовательной среды не только как к «набору сервисов», а как к системе, формирующей поведение, отметим, что профилактика интернет-зависимости в вузе - это, прежде всего, вопрос управляемости цифровых практик.

Часто интернет-зависимость развивается и усиливается на фоне перегрузки и хаотичных дедлайнов. Когда учеба воспринимается как нескончаемая гонка, онлайн-уход становится единственным выходом из состояния морального и физического бессилия. Поэтому управляемая нагрузка - это не просто качество учебного процесса, но и фактор профилактики, то есть:

- дедлайны распределены равномерно;
- требования прозрачны;
- есть понятные критерии;
- есть возможность частичной сдачи и пошаговой обратной связи.

В данном случае, уменьшается «фоновая тревога», подпитывающая компульсивные проверки.

Цифровая образовательная среда - нормативная среда, когда у студента действительно может быть много часов онлайн без клинической картины зависимости. Граница риска обычно начинается там, где цифровая учебная активность перестает быть инструментальной и становится компульсивной: студент проверяет не потому, что нужно, а потому, что это его беспокоит; переключается не потому, что этого требует задача, а потому, что внимание не удерживается; «отдыхает» в ленте не для восстановления, а во избежание неприятных чувств и учебной ответственности.

Отдельного внимания заслуживает феномен «учебной прокрастинации в цифровой оболочке» - студент находится в образовательных сервисах, но достигает минимального результата: бесконечно перечитывает, проверяет, открывает/закрывает задания, «готовится начать». При внеш-

нем сходстве с учебой это поведение функционально близко к избеганию и часто сопряжено с зависимыми цифровыми паттернами.

Цифровая образовательная среда вуза обладает двойственным влиянием на формирование интернет-зависимости у студентов [5, с.88]. С одной стороны, она может провоцировать проблемное использование интернета через режим постоянной доступности, фрагментацию внимания, избыточные уведомления, смешение учебных и развлекательных практик, а также рост тревожности при чрезмерном контроле. С другой стороны, цифровая образовательная среда может выступить мощным профилактическим ресурсом, если поддерживает предсказуемость, снижает неопределенность, формирует навыки планирования, дает инструменты саморегуляции и закрепляет культурные нормы цифровой гигиены.

Подводя итоги проведенного теоретического анализа имеющейся практики и теории, можно утверждать, что профилактика интернет-зависимости в университете - это не борьба с технологиями, а грамотная организация взаимодействия с ними. Вопрос стоит не «сколько цифрового?», а «как цифровое устроено?», то есть какие поведенческие навыки оно делает привычными - навыки осмысленной работы или навыки постоянной реактивности.

Литература

1. Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. – М.: Смысл, 2007. – 528 с.
2. Баева И.А. Психологическая безопасность в образовании. – СПб.: Питер, 2006. – 271 с.
3. Блок Дж.Дж. Проблемы для DSM-V: интернет-зависимость // Американский журнал психиатрии. – 2008. – Т. 165. - № 3. – С. 306–307.
4. Бодров В.А. Психологический стресс: развитие и преодоление. – М.: ПЕР СЭ, 2006. – 528 с.
5. Бочарова Н.И. Цифровая образовательная среда и психическое здоровье студентов. – Душанбе: РТСУ, 2022. – 198 с.
6. Войсунский А.Е. Психология и Интернет. – М.: Акрополь, 2010. – 439 с.
7. Выготский Л.С. Мышление и речь. – М.: Лабиринт, 1999. – 352 с.
8. Гриффитс М. Интернет-зависимость: пора ли воспринимать её всерьёз? // Исследования зависимостей. – 2000. – Т. 8. - № 5. – С. 413–418.
9. Деси Э.Л., Райан Р.М. Теория самоопределения: базовые психологические потребности в мотивации, развитии и благополучии. – Нью-Йорк: Guilford Press, 2000. – 431 с.
10. Дубровина И.В. Психология образования: учебник для вузов. – М.: Академия, 2010. – 384 с.
11. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. – СПб.: Питер, 2002. – 512 с.
12. Кабрин В.И. Психология виртуальной реальности: человек в цифровом мире. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2017. – 240 с.

13. Карр Н. Пустота: что Интернет делает с нашим мозгом. – Нью-Йорк: W.W. Norton & Company, 2011. – 276 с.
14. Клейберг Ю.А. Психология девиантного поведения. – М.: Сфера, 2001. – 160 с.
15. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Аддиктология: (общая характеристика зависимостей). – СПб.: Питер, 2001. – 352 с.
16. Кулаков С.А. Психология зависимого поведения. – СПб.: Речь, 2004. – 320 с.
17. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл, 2003. – 487 с.
18. Леунг Л. Стрессовые жизненные события, мотивы использования Интернета и социальная поддержка // Киберпсихология и поведение. – 2007. – Т. 10. - № 2. – С. 204–214.
19. Мандель Б.Р. Психолого-педагогические основы электронного обучения. – М.: Флинта, 2018. – 288 с.
20. Реан А.А. Психология личности. – СПб.: Питер, 2016. – 288 с.
21. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2002. – 720 с.
22. Скиннер Б.Ф. Наука и поведение человека. – Нью-Йорк: Free Press, 1953. – 461 с.
23. Соколова Е.Т. Саморегуляция личности. – М.: МГУ, 2015. – 304 с.
24. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Безопасность детей и подростков в интернете: риски, совладание и родительская медиация. – М.: Когито-Центр, 2017. – 234 с.
25. Стил П. Природа прокрастинации // Психологический бюллетень. – 2007. – Т. 133. - № 1. – С. 65–94.
26. Чудова Н.В. Интернет-зависимость: психологическая природа и формы проявления. – М.: Институт психологии РАН, 2012. – 214 с.
27. Якунин В.А. Психология учебной деятельности студентов. – М.: Логос, 2000. – 336 с.
28. Янг К.С. Интернет-зависимость: новое клиническое явление и его последствия // Американский специалист по поведенческим наукам. – 2004. – Т. 48. - № 4. – С. 402–415.

THE DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF THE UNIVERSITY AS A FACTOR OF PREVENTION AND PROVOCATION OF INTERNET ADDICTION AMONG STUDENTS

Tursinkulova Barchinoy Khasanovna

Lecturer

of the Department of Pedagogy, Psychology and Teaching Methods,
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M.Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 711 80 00 07 (m.)
psychologist.tj@gmail.com

The article considers the digital educational environment of a university as a complex sociotechnical system capable of simultaneously performing preventive and provocative functions in relation to students' Internet addiction.

Internet addiction is interpreted as a form of problematic Internet use characterized by loss of behavioral control, increased tolerance to online workload, the need for a constant increase in online time, the use of digital activity as a way of emotional compensation, and decreased academic effectiveness. It is emphasized that such manifestations are often disguised as academic employment, which makes it difficult to diagnose them in a timely manner.

Special attention is paid to the specifics of student age, coinciding with the period of professional self-determination, the restructuring of value orientations, increased anxiety and the need for independent organization of educational activities. It is shown that the risk of developing dependent behavior is determined not by the very fact of digitalization of learning, but by the design and manageability of the educational environment: fragmentation of communication channels, excessive notifications, constant availability, vague feedback regulations and the lack of clear time limits for learning activity.

The article offers an analytical model of the influence of the digital environment, including the structural parameters of the organization, the behavioral characteristics of users, psychological mediators (anxiety, procrastination, lack of self-regulation) and the final indicators of problematic use. The conclusion is substantiated that the prevention of Internet addiction is not related to the limitation of technology, but to the optimization of digital practices, the formation of standards of digital hygiene and the development of students' skills of self-regulation and conscious use of online resources.

Keywords: Internet addiction; digital environment; students; self-regulation; procrastination; anxiety; notifications; digital hygiene; academic motivation; maladjustment.

МУҲИТИ РАҚАМИИ ТАЪЛИМИИ ДОНИШГОҲ ҲАМЧУН ОМИЛИ ПЕШГИРӢ ВА БАРАНГЕХТАНИ ВОБАСТАГИИ ИНТЕРНЕТӢ ДАР БАӢНИ ДОНИШЧӢӢ

Турсинкулова Барчиной Ҳасановна

омӯзгори

кафедраи педагогика, психология ва методикаи таълими

Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон

734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М.Турсунзаде, 30

Тел.: (+992) 711 80 00 07 (м.)

psychologist.tj@gmail.com

Дар мақола муҳити рақамии таълимии муассисаи таҳсилоти олии касбӣ ҳамчун як низоми мураккаби иҷтимоию техникӣ, ки қодир аст ҳамзамон вазифаҳои пешгирикунанда ва барангезандаро нисбат ба вобастагии интернетии донишчӯён иҷро кунад, мавриди баррасӣ қарор мегирад. Вобастагии интернетӣ ҳамчун як шакли истифодаи мушкilotofари интернет маънидод мешавад, ки бо аз даст додани назорати рафторӣ, афзоиши таҳаммулпазирӣ ба сарбории онлайнӣ, ниёз ба афзоиши вақти ҳузур дар шабака, истифодаи фаъолнокии рақамӣ ҳамчун воситаи ҷуброни эҳсосӣ ва коҳиши самаранокии таълимӣ тавсиф мегардад. Таъкид мешавад, ки ин гуна зухурот аксар вақт дар зери ниқоби машғулиятҳои таълимӣ пинҳон мешаванд, ки ин ташҳиси саривақтии онҳоро душвор месозад.

Тавачҷуҳи махсус ба хусусиятҳои синнусолии донишчӯён зоҳир карда мешавад, ки он ба давраи худидоракунии касбӣ, бозсозии самтгириҳои арзишӣ, изтиробӣ баланд ва зарурати ташкили мустақилонаи фаъолияти таълимӣ рост меояд. Нишон дода шудааст, ки хатари ташаккули рафтори вобастагӣ на бо худ ҳақиқати рақамикунони таълим, балки бо хусусиятҳои тархрезӣ ва идорашавандагии муҳити таълимӣ: парокандагии каналҳои иртиботӣ, огоҳиномаҳои аз ҳад зиёд, низоми дастрасии доимӣ, регламентҳои норавшани алоқаи баръакс ва набудани худуди аниқ вақти фаъолнокии таълимӣ муайян карда мешавад.

Дар мақола модели таҳлилии таъсири муҳити рақамӣ пешниҳод шудааст, ки параметрҳои сохтории ташкилӣ, тавсифоти рафтории корбарон, медиаторҳои равонӣ (изтироб, прокрастинатсия, норасоии худтанзимкунӣ) ва нишондиҳандаҳои ниҳони истифодаи мушкilotofарро дар бар мегирад. Хулосае асоснок карда мешавад, ки пешгирии вобастагии интернетӣ на бо маҳдуд кардани технологияҳо, балки бо оптимизатсияи амалияҳои рақамӣ, ташаккули меъёрҳои гигиенаи рақамӣ ва рушди малакаҳои худтанзимкунӣ ва истифодаи огоҳонаи захираҳои онлайнӣ дар донишчӯён алоқаманд аст.

Калидвожаҳо: вобастагии интернетӣ; муҳити рақамӣ; донишчӯён; худтанзимкунӣ; прокрастинатсия; изтироб; огоҳиномаҳо; гигиенаи рақамӣ; ангиши таълимӣ; дезадаптатсия (номутобикшавӣ).

УДК 378.147.091.3:373.2

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У СТУДЕНТОВ НАПРАВЛЕНИЯ «ДОШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»

Нургулова Мохруя Мамадсолиевна

преподаватель

кафедры педагогики, психологии и методики преподавания

Российско-Таджикский (Славянский) университет

734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30

Тел.: (+992) 919 40 09 58 (м.)

mnurgulova@inbox.ru

Вопросы формирования мотивации у студентов в период обучения всегда занимают важное место в планах преподавателя. Только при сформированности целенаправленной мотивации у студента, можно говорить о компетентности молодого специалиста. В статье рассматриваются особенности мотивации к профессиональной деятельности у студентов направления «Дошкольное образование» в контексте современных требований к системе педагогической подготовки. Обосновывается положение о том, что профессиональная мотивация выступает ключевым фактором успешного освоения образовательной программы и дальнейшей реализации в сфере дошкольного воспитания. Раскрываются психологические механизмы её формирования, включая профессиональную идентификацию, развитие рефлексии, становление профессионального самосознания и адекватной самооценки. Анализируется влияние социокультурной среды, общественного отношения к профессии воспитателя, а также влияние социально-экономических факторов на характер и устойчивость мотивационных установок студентов. Показана динамика изменения мотивации на разных этапах обучения - от первоначальной идеализации профессии к более реалистичному и осознанному восприятию её содержания и требований. Особое внимание уделяется роли педагогической практики, наставничества и профессионального сопровождения как условий укрепления внутренней мотивации, формирования профессиональной ответственности и предупреждения разочарования в профессии. Подчеркивается значение создания в вузе поддерживающей образовательной среды, способствующей развитию профессиональной направленности, устойчивого интереса к работе с детьми и готовности к непрерывному профессиональному саморазвитию. Делается вывод о необходимости комплексного подхода к формированию устойчивой мотивации будущих воспитателей как стратегического ресурса повышения качества дошкольного образования.

Ключевые слова: профессиональная мотивация; студенты; дошкольное образование; педагогическая деятельность; профессиональное самоопределение; практико-ориентированное обучение.

В современных условиях развития общества стоит отметить, что система высшего педагогического образования обеспечивает не только передачу профессиональных знаний и формирование компетенций, но и готовит будущего специалиста к реализации задач профессиональной деятельности. В этом контексте особое внимание уделяется изучению проблемы мотивации студентов направления «Дошкольное образование».

Известно, что в дошкольном возрасте и на следующих ступенях развития ребенок мечтает о выборе своей будущей профессии. В старших группах на тему «Кем я хочу стать?» проводятся с детьми беседы. В это время у ребенка можно отметить зарождение первичной мотивации к будущей профессии. Мотивационная сфера всегда во многом определяет глубину освоения содержания подготовки, степень включённости в образовательный процесс и дальнейшую профессиональную направленность. Большинство детей и подростков мечтают стать учителями и воспитателями, чтобы воспитывать других (это отражается в сюжетно-ролевых играх, играх по замыслу). Их привлекает возможность «встать» на место взрослого [1, с.59].

Профессию воспитателя дошкольного образовательного учреждения традиционно относят к социально-гуманистической, выделяя ее направленность на формирование ответственности за развитие всесторонне развитой личности в период раннего и дошкольного детства. Но, несмотря на это, очень часто профессия воспитателя противоречиво воспринимается обществом, что отражается на профессиональных установках студентов. С одной стороны, их привлекает возможность самореализации в сфере воспитания и развития детей, с другой - высокая эмоциональная нагрузка и сравнительно невысокий социально-экономический статус [4, с.231].

Студенческий возраст - это этап активного профессионального самоопределения, когда происходит окончательное переосмысление ценностей, формируется образ будущей профессии, уточняются жизненные планы. Мотивация к профессиональной деятельности постепенно переходит в сложную систему внутренних побуждений (интерес к профессии, стремление к профессиональному росту, желание работать с детьми и ощущение личной значимости избранного направления) [20, с.408].

Нередко в процессе обучения у студента формируется понимание совершенной ошибки при выборе профессии. Причиной может служить противоречие между индивидуальным представлением, пониманием особенностей выбранной профессии и реальной ситуацией [21].

Если обратиться к мотивации как к ведущему фактору выбора профессии и дальнейшего обучения по профилю, стоит отметить конкретную роль личностных, социальных и образовательных аспектов. Конечно, не стоит при этом исключать индивидуальные ориентации, эмпатии, комму-

никативный опыт, так как конкретное влияние в группе может оказать и отношение коллектива, педагогическое сопровождение, практико-ориентированная подготовка, а также и другие факторы. В чем смысл прохождения студентами практики? В первую очередь этим обеспечивается включение молодежи в будущую профессиональную деятельность, формирование мотивации, а также совершенствование компетентностных качеств.

В обществе сегодня предъявляются всё новые требования к воспитанию гражданина страны и молодого поколения в общем. Наличие креативности, творческого подхода, высокий уровень профессиональной подготовки еще раз демонстрируют актуальность профессиональной подготовки и формирование стойкой мотивации при выборе будущей профессии. Безусловно, рассмотрение данного вопроса, предоставление дополнительной информации по данной проблеме может оказать неоценимую помощь при обучении будущего специалиста сферы дошкольного воспитания и образования.

Для более глубокого понимания особенностей профессиональной мотивации студентов, обучающихся по направлению «Дошкольное образование», важно рассмотреть психологические механизмы, определяющие её становление [7, с.56]. Период вузовского обучения совпадает с этапом интенсивного формирования профессионального самосознания. В это время будущий специалист не ограничивается освоением теоретических знаний и практических умений, он соотносит собственные личностные качества, способности и жизненные ориентиры с требованиями избранной профессии. Постепенно мотивация выходит за пределы ситуативных побуждений и приобретает более устойчивый, внутренне обусловленный характер.

Ключевую роль в данном процессе играет профессиональная идентификация. Она предполагает постепенное принятие студентом роли воспитателя, освоение системы профессиональных ценностей, норм и образцов поведения. Чем более осозанным и последовательным оказывается этот процесс, тем прочнее формируется внутренняя заинтересованность в педагогической деятельности [8]. В случае поверхностного включения в профессию выбор может восприниматься как случайный или вынужденный, что снижает уровень активности и вовлечённости в образовательный процесс.

Значимым фактором выступает и развитие рефлексивных способностей. Способность анализировать собственные действия в ходе педагогической практики, критически оценивать их результаты, выявлять причины успехов и трудностей способствует становлению адекватной профессиональной самооценки. При недостаточном уровне рефлексии даже положительный опыт не всегда закрепляется как мотивационный ресурс, тогда как

отдельные неудачи могут чрезмерно обобщаться и восприниматься как признак профессиональной несостоятельности [13, с.311].

Немаловажным остаётся и вопрос соответствия ожиданий студентов реальным условиям работы в системе дошкольного образования. Идеализированные представления о деятельности воспитателя, сложившиеся под влиянием социальных стереотипов, нередко расходятся с практикой. Это способно вызвать разочарование и снижение мотивационной устойчивости уже в период обучения. В этой связи особое влияние приобретает раннее и систематическое включение студентов в реальные профессиональные ситуации. Практический опыт позволяет сформировать более трезвое и взвешенное понимание специфики работы, способствует укреплению профессиональной направленности и осознанности выбора.

Профессиональная мотивация будущих педагогов складывается не только под воздействием учебного процесса, но и в широком социальном пространстве. Отношение общества к профессии воспитателя, представления о её значимости и уровне престижности напрямую отражаются на восприятии студентами собственного профессионального выбора. Если труд специалиста дошкольного образования в общественном сознании недооценивается, возникает внутреннее напряжение: с одной стороны - понимание высокой гуманистической миссии профессии, с другой - её сравнительно невысокий социально-экономический статус [19, с.9-14].

Подобное несоответствие нередко влияет на характер мотивации. У части обучающихся формируется установка - рассматривать работу в дошкольной сфере как промежуточный этап, т.е. как своего рода стартовую площадку для дальнейшего перехода в смежные или более престижные области. Такая позиция чаще встречается у студентов старших курсов, которые уже имеют опыт практической деятельности и более трезво оценивают реальные условия труда и перспективы карьерного роста.

Существенное значение имеют также семейные и культурные установки. В некоторых социальных группах профессия воспитателя воспринимается как традиционно «женская», не требующая высокой квалификации, что объективно снижает её статус. В результате у студентов может формироваться заниженное ощущение профессиональной значимости. В этой ситуации особая ответственность ложится на систему профессиональной подготовки: важно не только формировать компетенции, но и укреплять у будущих педагогов понимание общественной ценности их труда, его роли в становлении личности ребёнка и развитии общества в целом.

Профессиональную мотивацию студентов дошкольного профиля нельзя характеризовать как постоянную в течение всего периода обучения. Первоначально можно отметить доминирование мотивов, связанных с

ожиданиями студента, интересом к новой социальной роли и общим положительным эмоциональным фоном. Профессию педагога, воспитателя обычно воспринимают как элементарную, не стоящую усилий. Периодически её идеализируют, оставляя за пределами восприятия трудности педагогической деятельности [22, с.225].

При дальнейшем обучении (второй-третий курс) постепенное осознание содержания деятельности воспитателя приводит к «столкновению» знаний и практики. Поэтому, после прохождения практики, большинство студентов придерживаются мнения, что выбрали не свою профессию. Следует отметить снижение мотивации также из-за понимания сложности профессии, наличия ответственности и эмоциональной напряженности. Бесспорно, у студентов с выраженной внутренней мотивацией на данном этапе укрепляется профессиональный интерес.

На старших курсах у студентов наблюдается более осознанное отношение к изучаемой профессии, так как к этому моменту они проходят уже две учебно-производственные практики, позволяющие глубже вникнуть в процесс воспитания и обучения детей. Помимо этого, у студентов наблюдается саморефлексия, нацеленная на осознание и рассмотрение накопившегося опыта. В результате этого можно также отметить и отчуждение, приобретающее окончательный характер. Чаще всего это выражается пониженной учебной активностью и относительным безразличием к профессии. Данную ситуацию можно объяснить качеством организации практической подготовки и уровнем педагогического сопровождения [17, с.381].

Общеизвестно, что для формирования полного, всестороннего представления о профессии необходимо отправить студента на практику, так как ей отведена ключевая роль в формировании профессиональной мотивации у студентов. При непосредственном взаимодействии с детьми, коллегами и родителями детей студент проходит через ситуации, связанные с его будущей профессией. Также, во время практики у студента появляется возможность применить теоретические знания, осознать эмоциональную сторону педагогической деятельности, её напряжённость и одновременно значимость.

Следует отметить, что на формирование конкретного отношения студента к будущей специальности влияет сопровождающий его педагог вуза или наставник дошкольной организации и их ответственность в данном сопровождении. Очень часто у студентов в ходе практики появляются ситуации, когда совет педагога или наставника может иметь решающее значение. Отсутствие такового создает негативное отношение к профессии, которое усиливают демотивирующие факторы. При оказании своевременной моральной поддержки проходит анализ сложившихся ситуаций. И если любая инициатива со стороны студента поддерживается работниками до-

школьного образовательного учреждения, то у студента формируется позитивное отношение к выбранной специальности [14, с.94].

При всех описанных факторах, стоит отметить, что практика не является отдельным моментом в учебно-образовательном процессе, а выступает системообразующим компонентом профессиональной подготовки. Постепенное вовлечение студента в реальную педагогическую деятельность и своевременная поддержка создают условия для устойчивого формирования мотивации.

На современном этапе в образовательной системе можно отметить присутствие новой разработанной модели, направленной на мотивационную поддержку студентов педагогических направлений. Разработанная модель не только вносит изменения в содержание и формы обучения, она предусматривает своевременную социально-психологическую поддержку для профилактики профессионального выгорания и формирования позитивного отношения. Направление наставничества позволяет обеспечить взаимодействие студентов с опытными педагогами. Данная деятельность помогает студенту освоить передовой опыт, усвоить новую методику работы, совместить практические и теоретические знания, а также укрепить внутреннюю мотивацию. Подобная организация деятельности помогает познакомить студентов с реальностью профессии, усвоить нетрадиционные и неформальные знания, умения и навыки.

Кроме того, важным условием является развитие профессиональных сообществ студентов, участие в конкурсах педагогического мастерства, научно-практических конференциях, проектной деятельности. Данные формы активности позволяют студентам пережить опыт профессионального успеха, что является мощным мотивационным ресурсом.

Важно отметить, что профессиональная мотивация студентов направления «Дошкольное образование» формируется под воздействием сложного комплекса психологических, педагогических и социально-экономических факторов. Её динамика отражает не только индивидуальные особенности личности, но и состояние системы профессиональной подготовки в целом.

Устойчивость профессиональной мотивации во многом зависит от степени осознанности профессионального выбора, качества практической подготовки, уровня педагогического сопровождения и социального статуса профессии [19, с.9-14].

В сложившихся современных условиях система дошкольного воспитания отдает приоритет созданию образовательных условий, направленных на формирование внутренней профессиональной мотивации, готовности к саморазвитию и принятию ответственности за результаты своей педагогической деятельности.

Литература

1. Амет-Уста З.Р. Формирование мотивации к профессиональной деятельности воспитателя у будущих специалистов дошкольного образования как психолого-педагогическая проблема / З.Р. Амет-Уста, С.А. Вовк // Проблемы современной науки и образования. – 2019. – № 7(140). – С. 59-63.
2. Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. - М.: Смысл, 2002. - 416 с.
3. Андриенко Ю.Е. Развитие у студентов педагогического вуза мотивации к будущей профессиональной деятельности в современных социально-экономических условиях: автореферат дис. ... канд. пед. наук: 5.8.7. - Место защиты: ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет». - Армавир, 2022. - 26 с.
4. Васильев В.Г. Дошкольное образование как шаг к развивающему обучению / В.Г. Васильев, Е.В. Павленко, М.В. Третьяк // Давыдовские чтения: сборник тезисов участников II международной научно-практической конференции (г. Москва, 12–13 сентября 2022 года). – М.: Московский государственный психолого-педагогический университет, 2022. – С. 230-233..
5. Вербицкий А.А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. - М.: Высшая школа, 1991. - 207 с.
6. Выготский Л.С. Психология развития человека. - М., 2005. - 1136 с.
7. Глоба Н.В. Анализ проблем среднего профессионального образования по специальности «Дошкольное образование» // Вестник научных конференций. - 2018. - № 5-3(33). - С.56.
8. Глузман Н.А. Мотивация и демотивация будущих воспитателей как регуляторы профессионального выбора // МНКО. - 2025. - №5(114) [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsiya-i-demotivatsiya-buduschih-vospitateley-kak-regulyatory-professionalnogo-vybora>.
9. Егорова А.В. Исследование профессиональной мотивации студентов колледжа юридического профиля // Вестник ГГУ. – 2025. – № 2. – С. 397-402.
10. Зеер Э.Ф. Психология профессий: учебное пособие. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Академический Проект; - Екатеринбург: Деловая книга, 2003. - 336 с.
11. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. - СПб.: Питер, 2002. - 512 с.
12. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. - М.: Политиздат, 1975. - 304 с.
13. Маркова А.К. Психология профессионализма. - М.: Международный гуманитарный фонд «Знание», 1996. - 308 с.
14. Мали Н.А., Морозова Н.Л. Творческая студенческая лаборатория как средство повышения мотивации студентов к выбору будущей профессии // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. - 2022. - Т. 11. - № 6А. - С. 94-104.
15. Мищенко Л.В. К проблеме диагностики отношения студентов к учебной деятельности // Вестник практической психологии образования. - 2007. - № 3. - С. 122-128.
16. Психология. Словарь / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. - 3-е изд., испр. и доп. – М.: Политиздат, 2011. – 496 с.
17. Рябов П.А. Формирование профессиональной мотивации у студентов туристского вуза в процессе практического обучения: автореферат дис. ... кандидата пе-

- дагогических наук: 13.00.08 / Рябов Павел Андреевич; [Место защиты: Челяб. гос. пед. ун-т]. - Челябинск, 2015. - 27 с.
18. Реан А.А., Якунин В.А. Психология учебной деятельности студентов. - СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. - 216 с.
19. Хмелькова М.А. Содержание мотивации профессиональной деятельности педагогов дошкольных учреждений в современных условиях // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. – 2017. – № 2. – С. 9-14.
20. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность: в 2 т. - М.: Педагогика, 1986. - Т. 1. - 408 с.; - Т. 2. - 392 с.
21. Шеромова А. Поступить и отсеяться. Четверть будущих педагогов не заканчивают обучение// Санкт-Петербургские ведомости. Страна и мир. от 14 мая 2025 г. [Электронный ресурс]. - URL: https://spbvedomosti.ru/news/country_and_world/postupit-i-otseyatsya-chetvert-budushchikh-pedagogov-ne-zakanchivayut-obuchenie/.
22. Юровских Е.В. Методы профессиональной мотивации в системе дошкольного и общего образования / Е.В. Юровских, Н.С. Юровских // Научный альманах. – 2019. – № 11-1(61). – С. 225-228.

FEATURES OF MOTIVATION FOR PROFESSIONAL ACTIVITY OF STUDENTS IN THE FIELD OF STUDY: «PRE-SCHOOL EDUCATION»

Nurgulova Mokhruya Mamadsolievna

Lecturer

of the Department of Pedagogy, Psychology and Teaching Methods
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M.Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 919 40 09 58 (m.)
mnurgulova@inbox.ru

The issues of motivation formation among students during the study period always occupy an important place in the teacher's plans. Only when a student's purposeful motivation is formed, we can talk about the competence of a young specialist. The article examines the features of motivation for professional activity among students of the "Preschool education" in the context of modern requirements for the pedagogical training system. The article substantiates the position that professional motivation is a key factor in the successful development of an educational program and further implementation in the field of preschool education. The psychological mechanisms of its formation are revealed, including professional identification, the development of reflection, the formation of professional self-awareness and adequate self-esteem. The article analyzes the influence of the socio-cultural environment, public attitudes towards the profession of educator, as well as the influence of socio-economic factors on the nature and stability of students' motivational attitudes. The dynamics of motivation changes at different stages of learning is shown - from the initial idealization of the profession to a more realistic and conscious perception of its content and requirements. Special attention is paid to

the role of pedagogical practice, mentoring and professional support as conditions for strengthening internal motivation, forming professional responsibility and preventing disappointment in the profession. The importance of creating a supportive educational environment at the university that promotes the development of professional orientation, a sustained interest in working with children and readiness for continuous professional self-development is emphasized. The conclusion is made about the need for an integrated approach to the formation of sustainable motivation of future educators as a strategic resource for improving the quality of preschool education.

Keywords: professional motivation; students; preschool education; pedagogical activity; professional self-determination; practice-oriented learning.

ХУСУСИЯТҲОИ ҲАВАСМАНДГАРДОНӢ БА ФАӢОЛИЯТИ КАСБӢ ДАР ДОНИШЧӢӢНИ САМТИ «ТАӢСИЛОТИ ТОМАКТАБӢ»

Нургулова Мохруя Мамадсолиевна

омӢзгори

кафедраи педагогика, психология ва методикаи таълим

Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон

734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М.Турсунзода, 30

Тел.: (+992) 919 40 09 58 (м.)

mnurgulova@inbox.ru

Масъалаҳои ташаккули ҳавасмандгардонӣ дар донишчӯён дар давраи таҳсил ҳамеша дар нақшаҳои устод мавқеи муҳимро ишғол мекунад. Танҳо дар сурати ташаккули ҳавасмандгардонии мақсаднок дар донишчӯ, метавон дар бораи салоҳиятнокии мутахассиси ҷавон сухан ронд.

Дар мақола хусусиятҳои ҳавасмандгардонӣ ба фаъолияти касбӣ дар донишчӯёни самти «Таҳсилоти томактабӣ» дар заминаи талаботи муосир ба низоми омодагии педагогӣ мавриди баррасӣ қарор мегиранд. Ин ақида асоснок карда мешавад, ки ангезиши касбӣ ҳамчун омили калидии азхудкунии муваффақонаи барномаи таълимӣ ва амалисозии минбаъда дар соҳаи тарбияи томактабӣ баромад мекунад. Механизмҳои равонии ташаккули он, аз ҷумла айнияти касбӣ (идентификатсия), рушди рефлексия, шаклгирии худношиносии касбӣ ва худбаҳодиҳии муносиб ошкор карда мешаванд. Таъсири муҳити иҷтимоию фарҳангӣ, муносибати ҷомеа ба касби тарбиятгар, инчунин таъсири омилҳои иҷтимоию иқтисодӣ ба хусусият ва устувории усулҳои ангезиши донишчӯён таҳлил карда мешавад. Динамикаи тағйирёбии ангезиш дар марҳалаҳои гуногуни таҳсил — аз идеализатсияи аввалияи касб то дарки воқеъбинона ва огоҳонаи мазмун ва талаботи он нишон дода шудааст. Таваҷҷуҳи махсус ба нақши таҷрибаомӯзии педагогӣ, роҳнамоӣ (устод-шогирд) ва ҳамроҳии касбӣ ҳамчун шартҳои таҳкими ангезиши дохилӣ, ташаккули масъулияти касбӣ ва пешгирии дилсардӣ аз касб зоҳир карда мешавад. Аҳамияти таъсиси муҳити дастгирикунандаи таълимӣ дар муассисаи таҳсилоти олӣ, ки ба рушди самтгирии касбӣ, таваҷҷуҳи устувор ба кор бо

кӯдакон ва омодагӣ ба худрашдии мудовими касбӣ мусоидат мекунад, таъкид мегардад. Дар бораи зарурати равиши маҷмӯӣ ба ташаккули ангиши устувори тарбиятгарони оянда ҳамчун манбаи стратегии баланд бардоштани сифати таҳсилоти томактабӣ хулоса бароварда мешавад

Калидвожаҳо: ҳавасмандгардонии касбӣ; донишчӯён; таҳсилоти томактабӣ; фаъолияти педагогӣ; касб, таълими амалиявӣ.

УДК 378.147.091.3:373.3(575.3)

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОСОЗНАНИЯ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ В КОНТЕКСТЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Рыбалко Софья Сергеевна

преподаватель

кафедры педагогики, психологии и методики преподавания

Российско-Таджикский (Славянский) университет

734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30

Тел.: (+992) 987 12 29 15 (м.)

rsofya2897@mail.ru

В тексте рассматривается экологическое воспитание в системе школьного образования как комплексный педагогико-правовой процесс, тесно связанный с формированием правосознания будущих учителей начальных классов. Показано, что экологическая тематика, начиная с 1990-х годов, прочно вошла в содержание школьных программ, однако её воспитательный потенциал реализуется в полной мере лишь при опоре на правовые нормы, ответственность и культуру поведения. Особое внимание уделяется тому, что даже простые экологические действия ребёнка (не сорить, беречь растения, гуманно относиться к животным) несут правовой и нормативный смысл, формируя представления о границах допустимого поведения. В работе подчёркивается ключевая роль учителя начальных классов как посредника между экологическими ценностями и нормами цивилизованного поведения, а также значимость личного примера педагога. На основе анализа Конституции и законодательства Республики Таджикистан об экологическом образовании обосновывается правовая основа экологического воспитания как части государственной политики. Раскрывается структура правосознания будущего учителя (когнитивный, ценностный и поведенческий уровни), приводятся типичные педагогические ситуации, условия эффективного формирования правосознания, а также распространённые ошибки в экологическом воспитании. Делается вывод, что экологическое воспитание выступает практическим «тренажёром» правовой культуры, позволяющим будущему педагогу формировать у детей устойчивые нормы ответственности, уважения к природе и общественному пространству.

Ключевые слова: экологическое воспитание; правосознание; будущий учитель; начальная школа; правовая культура; экологическая культура; педагогическая ответственность; нормы поведения; экологическое образование; профессиональная подготовка педагога.

Экологическое воспитание в школьном образовании прочно заняло свое место еще в 90-х годах. В учебные программы были включены темы, затем уроки по экологии. Но сам процесс ознакомления с содержанием экологических знаний оставлял желать лучшего.

В начальной школе экологическое воспитание включало не только по ознакомлению с названиями природных объектов, или рисование плакатов на тему «Берегите природу». Сюда также входило принятие решений рационального использования природных ресурсов, воды и электричества, объяснялись правила поведения в природе (почему нельзя сжигать мусор, что делать с батарейками, можно ли трогать животных, как вести себя на экскурсии), объяснялась необходимость сохранения зелёных зон возле дома [11, с.100].

Но сегодня в теме экологического воспитания появился важный аспект - практически любой «экологический» поступок ребёнка несет в себе **правовой контекст**, несмотря на упрощенность и бытовой характер:

1. Не сорить - это не только воспитанность. Это понимание нормы.
2. Не ломать деревья - не только бережность. Это уважение к общественному пространству и ответственности.
3. Не мучить животных - это не просто сочувствие, а граница допустимого поведения [15, с.96].

Поэтому экологическое воспитание в школе неизбежно соприкасается с формированием правовой культуры: ребёнок учится видеть, что у природы есть ценность, а у человека - не только свобода, но и обязанность действовать так, чтобы не вредить.

И ключевая фигура, которая соединяет экологический смысл с цивилизованным поведением, - учитель начальных классов. В начальной школе у детей нормы поведения, советы старших, объяснения усваиваются особенно прочно. В этом возрасте ребёнок ещё не спорит как подросток, но уже формирует собственные внутренние правила: «так можно» и «так нельзя», «так правильно» и «так вредно» [11, с.60].

Стоит отметить, что учитель в начальной школе является своеобразным идеалом для учеников. Одновременно с этим, учитель для них – это образец, с которого считывается реальность. Поступив в школу, ребенок начинает понимать, что:

- правила действуют не только дома;
- приходится нести ответственность за общее;
- любой поступок имеет последствия;
- «нельзя» - указание, которое несет в себе способ сохранить безопасность и порядок.

Экологическая тема ложится на эти процессы идеально: она понятна детям и быстро превращается в практику [12, с.45].

В 2000-х годах было отдано распоряжение не принимать на работу лиц, не владеющих экологической культурой и не имеющих экологические знания. В рамках этого необходимо отметить, что учитель, владеющий устойчивым правосознанием, может дать намного больше простого учителя, имеющего элементарные знания об экологии. К современному учителю предъявляются требования к наличию не формального, а реального экологического сознания (с пониманием прав, обязанностей и границ допустимого поведения).

На сегодня стоит отметить, что экологическое воспитание - это не что-то абстрактное, у него есть правовая «почва», которая задаёт смысл и направление [3, с.59].

В Конституции РТ конкретно не назван термин «экологическое воспитание», но существует статья 38 «Охрана окружающей среды и здоровья». Эта статья гласит о том, что на уровне государства принимаются меры по оздоровлению окружающей среды [10]. А значит, охрана окружающей среды выступает базовым правовым принципом на уровне госполитики [10]. Статья 44 раскрывает обязанности граждан по защите природного, исторического и культурного наследия. А значит, будущий учитель, не обладая полными юридическими знаниями, должен знать, что природа охраняется не «по настроению», а принципиально по закону.

Законодательство Республики Таджикистан об экологическом образовании регулирует правовые, организационные и финансовые основы государственной политики по экологическому образованию, а также рамки взаимодействия государства и общества в этой области, то есть, государственное экологическое образование становится частью госполитики. Соответственно, это влечет обязательную направленность на повышение экологической культуры и осведомленности граждан. Данные основы предъявляют требования к деятельности педагога как ответственного лица - не только «учить», но и обеспечивать условия, где ребёнок развивается безопасно и в рамках норм. Из этого получается простая мысль, понятная даже студенту-первокурснику: экологическое воспитание - это не «дополнительная тема для классного часа», а часть культуры жизни, опирающаяся на право.

Напрашивается вопрос: в чем состоит суть правосознания будущего учителя? Чаще всего это понимается как набор юридических знаний, заучивание статей, законов, положений и т.д. Но, в педагогической сфере это намного глубже и обширнее. Здесь можно выделить три этапа [6, с.86]:

1) Когнитивный (знаниевый). Понимание базовых норм: какие права есть у ребёнка, какие обязанности есть у взрослых, что такое ответственность, какие действия недопустимы, где проходит граница «можно/нельзя».

2) Ценностный (отношенческий). Внутреннее принятие норм: не «так сказали», а «это справедливо и правильно». Позиция учителя - не действие по «слухам», а выбор законного и этичного способа действия

3) Поведенческий (практический). Умение применять нормы в ситуациях: конфликт, экскурсия, школьная акция, работа с родителями, взаимодействие с администрацией. Правосознание становится видимым именно здесь - в решениях и поступках.

В экологическом же контексте учитель либо превращает экологию в «добрые слова», либо помогает детям и родителям выстроить реальные привычки и действия в рамках цивилизованных правил.

Для понимания вышеперечисленных понятий приведем примеры.

Ситуация 1. «Сделаем субботник с детьми».

Экологическая идея: привести в порядок участок, собрать мусор, посадить цветы.

Но учителю важно понимать меру: что допустимо по возрасту, как обеспечить безопасность, где добровольность, как оформить участие родителей. Иначе доброе дело может превратиться в конфликт.

Ситуация 2. «Собираем батарейки и пластик!»

Сбор вторсырья - популярная практика. Раньше существовал сбор макулатуры. Учитель не просто вдохновлял учеников, но и организовывал процесс ответственно: хранение, гигиена, информирование родителей, партнёрство с официальными пунктами приёма. В этом случае, правосознание проявляется в умении действовать не «как получится», а правильно.

Ситуация 3. «Экскурсия в парк или к водоёму».

Экологическое воспитание «вживую» всегда сильнее. Но любые выходы за пределы школы - это ответственность: безопасность, инструктаж, маршрут, правила поведения, уважение к природной территории. Учитель должен быть человеком, который держит рамку и объясняет её детям спокойно: не страхом, а смыслом.

Ситуация 4. «Ребёнок мучает насекомых / ломает ветки».

Следует выстроить воспитательный разговор так, чтобы ребёнок понял: это не каприз взрослого, а нарушение границ допустимого по отношению к живому и общему. И вот здесь экология становится школой правовой культуры: уважать слабое, не причинять вред, отвечать за поступок.

Следует обратить внимание на образовательную систему педагогического вуза, когда каждая дисциплина изучается отдельно, ссылаясь на методики, педагогическую дисциплину и правовые дисциплины.

У педвузов есть соблазн разделить обучение на полки: отдельно методика «Окружающего мира», отдельно педагогика, отдельно правовые дисциплины. И кажется, что всё правильно, но на практике будущий учи-

тель сталкивается с реальностью школы и понимает, «жизнь не делится по учебным предметам и требуется объединение некоторых предметов».

Экологическая проблематика как раз и хороша тем, что она «сшивает» многие компетенции будущего педагога: - умение вести класс и договариваться; - навыки проектной деятельности; - воспитательную работу; - этику и личный пример; - понимание прав и обязанностей участников образовательных отношений; - ответственность за безопасность и организацию среды. Именно поэтому, формирование правосознания будущих учителей в контексте экологического воспитания - практическая необходимость. Она учит будущего педагога действовать профессионально, так, чтобы воспитательная идея была не только красивой, но и корректной, устойчивой, безопасной.

В нашей практике самое актуальное - смена педагогического взгляда. Будущему учителю важно начать задавать себе вопросы другого уровня:

1. Где в этой экологической ситуации есть права и ответственность?
2. Как объяснить ребёнку норму без давления и страха?
3. Как организовать экологическое дело так, чтобы оно было добровольным и безопасным?
4. Что я транслирую своим поведением как взрослый?

Когда студент начинает так мыслить, правосознание становится профессиональной опорой.

Традиционно, стоит обратить внимание на педагогические условия, типичные ошибки и устойчивые практики формирования правосознания будущих учителей. Если обобщить опыт, правосознание будущего учителя в контексте экологического воспитания формируется не «от количества лекций», а от качества образовательной среды и практики. Есть несколько условий, без которых система обычно не даёт глубокого результата [16, с.150]:

Условие 1. Единство ценностей и норм: «экология - это не лозунг, а культура поведения».

Студент должен ясно увидеть связь: экологическая идея становится воспитательной силой только тогда, когда она опирается на нормы, ответственность и уважение к общественному пространству. Тогда будущий учитель перестает «агитировать» и начинает воспитывать. Это принципиально разные вещи.

Условие 2. Практико-ориентированность (кейсы, тренинги, задачи из жизни школы).

Правосознание не развивается от пересказа текста. Оно развивается от решения ситуаций: что делать, если дети сорят на экскурсии, если родители возмущены акцией, если в классе конфликт, если школьная инициатива «провалилась» организационно. Чем ближе учебные задания к реальности школы - тем сильнее профессиональный эффект.

Условие 3. Позиция преподавателя как «проводника нормы».

Студенты очень быстро считывают: преподаватель сам уважает нормы или произносит их формально. Если педагог в вузе спокойно и уважительно выстраивает границы, показывает честность в мелочах, объясняет смысл правил, то будущие учителя перенимают этот стиль.

Условие 4. Связь с педагогической практикой и обязательный разбор.

Практика без анализа редко обучает. А практика + разбор - это уже профессиональный рост. Важно обсуждать не только методику занятия, но и правовые аспекты организации: безопасность, добровольность участия, корректность коммуникации с семьёй, культура ответственности.

Условие 5. Встраивание темы в разные дисциплины.

Правосознание устойчивее формируется, когда оно проходит через разные контексты: методику «Окружающего мира», педагогику, психологию общения, воспитательную работу, проектирование образовательных событий. То есть студент много раз встречает одну идею в разных формах, где: **экологическое воспитание = ценность + норма + поступок**.

Ошибки в этом процессе редко выглядят как грубое нарушение. Чаще причина заключается в педагогических ошибках, из-за которых экологическая идея теряет воспитательную силу и вызывает сопротивление. Приведем наиболее распространенные ошибки:

Ошибка 1. Экологическое воспитание превращается в морализаторство.

Когда учитель говорит лозунгами («Надо беречь планету!»), но не показывает, что именно делать и зачем, дети слушают ровно одну минуту. Правосознание в такой модели не развивается, потому что нет нормы поведения и нет личного смысла.

Необходимо: делать ставку на реальные ситуации и короткие понятные действия: «после пикника в парке мы убираем за собой, потому что это общее место».

Ошибка 2. Давление и принуждение «ради хорошего дела».

Очень опасный момент: экологическая цель кажется настолько правильной, что учитель начинает принуждать: «все участвуют», «обязательно принести», «кто не принёс - тот...».

Здесь ломается и экология, и право: добровольность, уважение к семье, педагогическая этика. В итоге растёт не ответственность, а раздражение.

Необходимо: предлагать участие, создавать мотивацию, давать альтернативы и благодарить за вклад.

Ошибка 3. Некорректная организация (безопасность, санитарные моменты, хаос).

Участие детей в уборке опасного мусора, отсутствие инструктажа перед выходом - это типичные ошибки начинающих. И здесь правосознание проявляется именно как профессиональная внимательность: «учитель не геройствует, а организует правильно».

Ошибка 4. «Мы делаем проект», но без результата и смысла.

Когда проект превращается в отчёт, дети выучивают одно: главное - красиво оформить. Ценностное отношение не формируется, потому что нет переживания «мы действительно сделали лучше».

В итоге, пусть результат будет маленьким, но настоящим: поставили табличку «не мусорить», сделали уголок раздельного сбора, организовали классные правила «бережного расходования бумаги».

Ошибка 5. Учитель не выдерживает границы и сам нарушает то, чему учит.

Самая разрушительная история: говорим «беречь природу», а сами бросаем бумажку, не экономим ресурсы, пренебрегаем правилами в школе. Дети чувствуют это мгновенно. И тогда экологическое воспитание становится «словами для взрослых».

Бесспорно, будущий учитель должен одновременно держать четыре опоры:

1. **Бережность** - по отношению к природе и живому.
2. **Законность и корректность** - нормы, ответственность, границы.
3. **Безопасность** - ребёнок не должен попадать в риск ради «воспитания».
4. **Человечность** - уважение к ребёнку и семье, без давления и унижения.

Если хотя бы одна опора «провисает», система начинает давать сбой: есть бережность, но нет порядка → хаос; есть законность, но нет человечности → сухая формальность; есть вдохновение, но нет безопасности → риск; есть проекты, но нет смысла → показуха.

Профессионализм учителя как раз и проявляется в умении держать этот баланс.

При обучении студентов желательно применять форматы, зарекомендовавшие себя лучше всего, потому что они соединяют право и экологию естественно.

Практика 1. «Педагогический протокол экологического события».

Студент учится планировать любое экологическое дело по короткому чек-листу:

- цель (не лозунг, а конкретный результат);
- добровольность участия;
- безопасность и возрастная адекватность;
- информирование родителей;
- правила и роли детей;

- итог и обсуждение смысла.

Эта привычка формирует профессиональную ответственность лучше любой лекции.

Практика 2. «Разговор о норме» - методика объяснения правил детям.

Студент тренируется говорить просто и уважительно:

- «Мы не ломаем ветки, потому что это живое и дерево тратит силы на восстановление».
- «Мы убираем за собой, потому что это общий двор, и он должен быть безопасным и чистым».
- «Мы не трогаем гнёзда, потому что у птиц там дом».

Это не страх и не давление - это смысл.

Практика 3. «Кейс + письмо родителям».

Очень сильный учебный формат: студент решает ситуацию и пишет короткое, корректное сообщение родителям. Без обвинений, без приказов, но ясно и по делу.

Например: «Уважаемые родители, мы проводим добровольную экологическую акцию... Можно принять участие так... Важно соблюдать... Спасибо за поддержку!»

Это формирует правовую грамотность в коммуникации.

Практика 4. «Педагогическая практика с наблюдением правовых и этических аспектов».

Студент получает конкретные вопросы для анализа:

- как учитель реагирует на нарушения;
- как объясняет границы;
- как взаимодействует с семьёй;
- где проявляется уважение к личности ребёнка;
- где есть риск давления или формальности.

Именно такой взгляд превращает практику в обучение.

При оценивании профессионального подхода учителя в плане наличия правосознания, необходимо учитывать способность профессионального действия и базовые критерии:

1. Студент видит правовой смысл в экологических ситуациях. Понимает, что это не «просто воспитательная тема», а поле нормы и ответственности.

2. Умеет принимать решение и объяснять его «не мне так кажется, а это корректно, потому что...».

3. Соблюдает границы педагогического воздействия. Не использует давление и унижение, не превращает экологию в принуждение.

4. Проектирует безопасные и реалистичные экологические события с учётом возраста детей, условий школы и участия семьи.

5. Демонстрирует личную позицию и пример. Понимает, что воспитание работает сильнее всего через поведение взрослого.

Стоит отметить, что формирование правосознания будущих учителей начальных классов в контексте экологического воспитания - это задача, которая выходит далеко за рамки учебной дисциплины. По сути, речь идёт о подготовке педагога, способного воспитывать детей не лозунгами, а культурой цивилизованного поведения: уважением к живому, ответственностью за общее пространство, пониманием границ свободы и обязанности.

Экологическое воспитание становится естественным «тренажёром» правовой культуры. Через реальные ситуации (экскурсии, проекты, школьные акции, правила повседневной жизни) будущий учитель учится действовать грамотно, безопасно и человечно. А значит, формирует у детей важный фундамент - уважение к миру вокруг и способность жить по правилам, которые защищают человека и природу одновременно.

Формирование правосознания будущих учителей начальных классов в контексте экологического воспитания - это не «добавка» к методике, а профессиональная основа. Именно начальная школа закладывает у детей первые устойчивые нормы поведения: что можно, что нельзя, почему важно беречь общее пространство и живое. Экологическая тематика становится естественным мостом между ценностями и правилами: через реальные ситуации (экскурсии, проекты, акции, повседневные привычки) ребёнок учится ответственности, уважению к окружающей среде и пониманию последствий поступков [11, с.75].

Практика показывает, что правосознание будущего учителя развивается эффективнее всего тогда, когда оно формируется через действие: анализ кейсов, проектирование экологических инициатив, педагогическую практику и рефлексия решений. В результате будущий педагог учится удерживать баланс: бережность, законность, безопасность и уважение к ребёнку и семье.

Литература

1. Алексеев С.С. Общая теория права: учебник. - М.: Проспект, 2008. - 576 с.
2. Баранов П.П. Правосознание: структура, функции, механизмы формирования. - М.: Юрлитинформ, 2015. - 224 с.
3. Боголюбов С.А. Экологическое право: учебник для вузов. - М.: Норма; ИНФРА-М, 2021. - 608 с.
4. Болотов В.А., Сериков В.В. Компетентностная модель современного образования // Педагогика. - 2003. - № 10. - С. 8–14.
5. Вербицкий А.А. Личностный и компетентностный подходы в образовании: проблемы интеграции. - М.: Логос, 2009. - 336 с.
6. Губайдуллин А.А. Формирование правового сознания у будущих педагогов в процессе изучения образовательного права // Педагогическое образование и наука. - 2023. - № 4. - С. 112–118.

7. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. - СПб.: Питер, 2011. - 512 с.
8. Каган М.С. Философия культуры. - СПб.: Петрополис, 1996. - 416 с.
9. Коджаспирова Г.М. Педагогика: учебник для вузов. - М.: Юрайт, 2019. - 719 с.
10. Конституция Республики Таджикистан (с изм. и доп.). [Электронный ресурс]. – URL: <https://mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/konstitutsiya>.
11. Куприна Л.Е. Методика экологического образования в начальной школе: учебно-методическое пособие. - Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2007. - 148 с.
12. Лихачёв Б.Т. Экология личности и культура общества. - М.: Педагогика, 1993. - 208 с.
13. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. - М.: Дело (РАНХиГС), 2022. - 528 с.
14. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: учебник. - М.: Норма; ИНФРА-М, 2018. - 560 с.
15. Рыжова Н.А. Наш дом - природа: программа экологического образования дошкольников. - М.: Линка-Пресс, 2017. - 96 с.
16. Сухоруков В. Д. Экологическое право: учебное пособие для вузов. - М.: Юрайт, 2020. - 256 с.
17. Федеральный закон Российской Федерации от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «Об охране окружающей среды» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026). [Электронный ресурс]. – URL: https://rpn.gov.ru/upload/iblock/4ba/noivuavmjgk0nuy7cd5ukvm27k0dbhf/Federalnyy-zakon-ot-10.01.2002-N-7_FZ-_red.-ot-28.12.2025_.pdf.
18. Хабриева Т.Я. Экологическая культура и правосознание: современные вызовы // Журнал российского права. - 2021. - № 6. - С. 45–57.
19. Яковлев В.Ф. Правосознание личности: теория и практика формирования. - М.: Норма, 2016. - 304 с.
20. Ясвин В.А. Психология отношения к природе. - М.: Смысл, 2000. - 456 с.

FORMATION OF LEGAL AWARENESS FUTURE OF PRIMARY SCHOOL TEACHERS IN THE CONTEXT OF ENVIRONMENTAL EDUCATION

Rybalko Sofya Sergeevna

Lecturer

of the Department of Pedagogy, Psychology and Teaching Methods
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M.Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 987 12 29 15 (m.)
rsofya2897@mail.ru

The text examines environmental education in the school system as a complex pedagogical and legal process closely related to the formation of legal awareness of future primary school teachers. It is shown that environmental issues have been firmly embedded in the con-

tent of school curricula since the 1990-s, but their educational potential is fully realized only when relying on legal norms, responsibility and a culture of behavior. Special attention is paid to the fact that even simple environmental actions of a child (do not litter, protect plants, treat animals humanely) have a legal and regulatory meaning, forming ideas about the boundaries of acceptable behavior. The paper highlights the key role of primary school teachers as intermediaries between environmental values and norms of civilized behavior, as well as the importance of the teacher's personal example. Based on the analysis of the Constitution and legislation of the Republic of Tajikistan on environmental education, the legal basis of environmental education as part of state policy is substantiated. The structure of the legal consciousness of the future teacher (cognitive, value and behavioral levels) is revealed, typical pedagogical situations, conditions for the effective formation of legal consciousness, as well as common mistakes in environmental education are given. It is concluded that environmental education acts as a practical "simulator" of legal culture, allowing future teachers to form stable norms of responsibility, respect for nature and public space in children.

Keywords: environmental education; legal awareness; future teacher; primary school; legal culture; environmental culture; pedagogical responsibility; norms of behavior; environmental education; professional teacher training.

ТАШАККУЛИ ШУУРИ ҲУҚУҚИИ МУАЛЛИМОНИ ОЯНДАИ СИНФҲОИ ИБТИДОӢ ҲАНГОМИ ТАРБИЯИ ЭКОЛОӢ

Рыбалко Софья Сергеевна

омӯзгори

кафедраи педагогика, психология ва методикаи таълим

Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон

734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М.Турсунзода, 30

Тел.: (+992) 987 12 29 15 (м.)

rsofya2897@mail.ru

Дар матн тарбияи экологӣ дар низоми таҳсилоти мактабӣ ҳамчун раванди мураккаби педагогӣ-ҳуқуқӣ, ки бо шаклгирии шуури ҳуқуқии омӯзгорони ояндаи синфҳои ибтидоӣ зич алоқаманд аст, мавриди баррасӣ қарор мегирад. Нишон дода шудааст, ки мавзуоти экологӣ аз солҳои 1990-ум инҷониб ба мазмуни барномаҳои мактабӣ устувор ворид шудаанд, аммо иқтидори тарбиявии онҳо танҳо дар сурати таълим ба меъёрҳои ҳуқуқӣ, масъулият ва фарҳанги рафтор ба таври комил амалӣ мегардад. Таваҷҷуҳи махсус ба он зоҳир мешавад, ки ҳатто амалҳои оддии экологии кӯдак (партоб накардани ахлот, ҳифзи растаниҳо, муносибати башардӯстона ба ҳайвонот) маънои ҳуқуқӣ ва меъёрӣ дошта, тасаввуротро дар бораи ҳудуди рафтори ҷоиш шакл медиҳанд. Дар қор нақши калидии омӯзгори синфҳои ибтидоӣ ҳамчун миёнарав дар байни арзишҳои экологӣ ва меъёрҳои рафтори мутамаддин, инчунин аҳамияти намунаи ибрати шахсии педагог таъкид мегардад. Дар асоси таҳлили Конститутсия ва қонунгузори Ҷумҳурии Тоҷикистон дар бораи маърифати экологӣ заминаи ҳуқуқии тарбияи экологӣ ҳамчун қисми сиёсати давлатӣ асоснок карда мешавад. Сохтори шуури ҳуқуқии омӯзгори оянда (сатҳҳои маърифатӣ, арзишӣ ва рафторӣ) ошкор карда шуда,

вазъиятҳои маъмулии педагогӣ, шартҳои шаклгирии самарабахши шуури ҳуқуқӣ, инчунин ҳатогҳои умумӣ дар тарбияи экологӣ оварда мешаванд. Хулоса бароварда мешавад, ки тарбияи экологӣ ҳамчун «тренажёр»-и амалии фарҳанги ҳуқуқӣ баромад мекунад, ки ба педагоги оянда имкон медиҳад, ки дар кӯдакон меъёрҳои устувори масъулият, эҳтиром ба табиат ва фазои ҷамъиятиро ташаккул диҳад.

Калидвожаҳо: тарбияи экологӣ; шуури ҳуқуқӣ; омӯзгори оянда; мактаби ибтидоӣ; фарҳанги ҳуқуқӣ; фарҳанги экологӣ; масъулияти педагогӣ; меъёрҳои рафтор; маърифати экологӣ; омодагии касбии педагог.

© Издательство РТСУ

Сдано в набор 31.03.2026. Подписано в печать 3.04.2026.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура литературная.
Формат 60х84 $\frac{1}{8}$. Услов. печ.л. 28,75.
Тираж 100 экз. Заказ №95.

Отпечатано в типографии РТСУ,
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе,
ул. Мирзо Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 908 00 15 32 (м.)
Электронная версия журнала:
<https://vestnik.rtsu.tj>
E-mail: uchoniezapiski_rtsu@mail.ru